

РУБЦОВСКИЙ СБОРНИК

Материалы научной конференции

Выпуск 1



Череповец
2008

Сергею Ивановичу
с уважением и
самого горячего
пожеланием от
составителей сего сборника.
18. IV. 08г.

М

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»

Факультет общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин

РУБЦОВСКИЙ СБОРНИК

Материалы научной конференции

Выпуск 1

Череповец
2008

УДК 821.161.1(091)"19"(470.12)
ББК 83.3(2 Рос)6кр
Р 82

Рассмотрено на заседании кафедры теории и истории культуры, протокол № 2 от 25.09.07.

Одобрено редакционно-издательским советом ГОУ ВПО ЧГУ, протокол № 6 от 13.11.07.

Р 82

Рубцовский сборник. Материалы научной конференции / Ред.-сост. А. Е. Новиков. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2008. – Вып. 1. – 165 с.

ISBN 978-5-85341-318-4

Сборник включает в себя материалы региональной научно-практической конференции 27–28 апреля 2006 года «Н. М. Рубцов и отечественная поэзия XIX–XX веков», посвященной 70-летию со дня рождения поэта.

Редакционная коллегия: С. И. Кондрашкина, А. В. Чернов, А. Е. Новиков, Л. С. Беляева, Н. Л. Деревягина

Редактор-составитель: А. Е. Новиков

Рецензенты: Е. М. Иванова, доцент, канд. филол. наук (ГОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»); Е. В. Шалашов, доцент, канд. филол. наук (ГОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»)

Фотография на стр. 3 выполнена А. А. Тихомировым.

Издание осуществлено при поддержке Череповецкого музейного объединения и клуба «Госпожа Провинция» череповецкого Дома знаний

© Авторы, 2008

© Новиков А. Е., составление, 2008

© ГОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», 2008

ISBN 978-5-85341-318-4



Polk

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Н. М. РУБЦОВА

В. С. Белков

(Вологда)

Как работал Рубцов

Как-то раз на литературном вечере у Николая Рубцова спросили: «Расскажите, как вы пишете свои стихи?» Он ответил: «Очень просто – беру лист бумаги, ставлю сверху «Н. Рубцов» и записываю стихи столбиком». Откликом поэту было веселое полупонимание слушателей.

Рубцов сам создал эту легенду, и потом его друзья и близкие люди рассказывали сию правдивую историю другим. Эта легенда-быль почти соответствует истинному положению вещей. Поэт, действительно, как и многие другие, слагал свои стихи в голове, «выхаживал» их и шлифовал тоже в уме. Но, видимо, не всегда.

Тут надо учесть по крайней мере три момента. Во-первых, мы пока мало знаем о том, как работал Рубцов в отрочестве и юности – например, в годы учебы в горном техникуме и во время службы на флоте. Возможно, были у него и черновики. Вспомним, кстати, его собственные строки, более поздние: «Мне спать велят чистовики, вставить – черновики!...»¹ Вероятно, на флоте, когда под рукой не всегда были бумага и карандаш, он обычно и «писал» в голове. И в деревне в летние месяцы 1963–65 годов тоже могло не хватать бумаги.

Во-вторых, в личном архивном фонде поэта в ГАВО (Вологда) все же есть определенное количество текстов (рукописи и машинописи), в которые Рубцов вносил правку – зачеркивал одно слово и заменял его другим или вычеркивал одну-две строфы. Основная масса рукописей поэта более-менее изучена, кроме тех, которые недавно передала в Вологодский музей-заповедник В. А. Коротаева.

Вот несколько примеров работы Рубцова над стихами. В сборнике «Звезда полей» есть строфа:

Ты прости нас, полюшко усталое.
Ты прости, как братьев и сестер:
Может, мы за все свое бывалое
Разожгли последний наш костер...
(«Нагрянули», I, 277).

Перед сдачей машинописи в издательство поэт от руки внес правку. Теперь строфа выглядела так:

Ты прости нас, родина усталая –
Речка, церковь, поле, косогор.
Может быть, за все свое бывалое
Мы зажгли последний наш костер...²
(Публикуется впервые. – В.Б.).

Но правка эта не была учтена редактором, и вполне понятно почему. Зато другую правку в этом же стихотворении редактор принял, и теперь вместо строки «Разогнали мысли сиротливые» мы читаем – «Под луной, под гаснущими ивами...»³.

В одном из ранних вариантов стихотворения «Ласточка» третья и четвертая строки звучали так: «Ласточка в горе великом Мечется, как никогда» (III, 255). Поэт зачеркивает эти строки и вписывает сбоку другие: «Дети окрестные мигом Все прибежали сюда» (II, 126). Есть в этом стихотворении и другие варианты слов по сравнению с окончательным текстом⁴.

Вот еще два-три примера: слово «восторженный»⁵ (здесь и далее выделено мною. – В.Б.) (сын) Рубцов меняет на «неведомый» (сын) в стихотворении «Я буду скакать...» (I, 201). Слово «загадка» меняет на «частица» – «Я, как есть, частица мироздания...»* (стихотворение «Поезд»). То есть не выпячивает себя, не выделяет. Как видим, во многих стихотворениях поэт убирает красоту, ложный пафос, упрощает и уточняет мысль. Кстати, в публи-

* В рукописи, хранящейся в ГАВО, слово «загадка» зачеркнуто и сверху надписано – «частица» (см.: I, 335). Однако как в прижизненном, так и посмертных изданиях стихотворений Рубцова печатается «Я, как есть, загадка мироздания» (см.: Рубцов Н. М. Сочинения: Прижизненные издания; Избранное... С. 255; I, 262; Рубцов Н. М. Последняя осень: Стихотворения, письма, воспоминания современников. М., 2004. С. 341).

кациях стихотворения «Я буду скакать...» есть два равноценных варианта одного слова: «Боюсь, что над нами не будет «**возвышенной силы**»⁶ и «**таинственной силы**» (I, 202). Видимо, и сам поэт не мог окончательно выбрать одно из этих слов.

Николай Рубцов безжалостно убирал иногда целые строфы, даже неплохие. Такова участь третьей строфы стихотворения «Березы»:

...О любви, которая мелькнула
Светом счастья, жгучею тоской
Посреди свирепого разгула
Ливней, листьев, ветра над рекой⁷.

Интересно проследить работу над стихотворением «В больнице» (окончательный вариант названия «Под ветвями больничных берез»). Написано оно летом 1970 года. Тут Рубцов работал на бумаге. Сделал несколько правок. Скажу только о третьей строке стихотворения. Известно три ее варианта. Первый: «Из павлиньих как будто бы перьев» (III, 266). Второй: «Выткан весь из пурпуровых перьев». И, наконец: «Выткан весь из малиновых перьев Для кого-то последний закат...» (II, 76)⁸. Ясно, что последний вариант лучше других, именно он вошел в посмертную книгу «Зеленые цветы» (1971). Может быть, здесь дело не обошлось без редактора.

Есть устное свидетельство о том, что даже в знаменитое стихотворение «В горнице» Рубцов хотел внести правку. Уже сдав рукопись «Звезды полей» в издательство, он говорил, что хорошо бы заменить там два слова и сделать так:

Ранние цветы мои
К вечеру завяли все...(III, 187)⁹

...И, наконец, надо уточнить бытующие в литературоведении понятия «беловой автограф» и «черновой автограф». Уже по тем рукописям Рубцова, которые хранятся в ГАВО, была заметна одна особенность творческой лаборатории поэта. Теперь, когда мы можем прочесть семь записных книжек Рубцова из собрания Виктора Коротаева (переданных в музей-заповедник), эта творческая особенность стала очевидной.

Для Николая Рубцова как бы не существовало понятия «черновик», «черновой автограф». Почти каждую свою рукопись он создавал как белой автограф. Для него была очень важна графическая красота и чистота рукописи, стихотворения. То есть он мог несколько раз (иногда подряд), с некоторыми вариациями строк и строф, переписывать одно и то же стихотворение. Причем набело! Конечно, основная работа и тут совершалась в голове, но отчасти как бы и на бумаге, рукой, при переписывании. Так, в записных книжках Рубцова мы рядом находим несколько вариантов стихотворений «В минуты музыки» и «Пальмы юга». И все это — белые автографы. Поэт не любил пачкать бумагу исправлениями, портить внешний вид рукописи (как Пушкин, например). И вот один из этих вариантов мог оказаться «окончательным», о чем мы (читатели) узнавали чуть позже — при публикации стихотворения в газете, журнале, книге. Ну и, конечно, «самым окончательным» вариантом мы признаем тот, который адекватен последней прижизненной публикации. Если она авторизована. Но и тут надо сделать оговорку. В те времена, когда жил и творил Рубцов, авторская воля в редакциях и издательствах учитывалась далеко не всегда, не полностью. Об этом я уже говорил на примере стихотворения «Нагрянули». Некоторые стихотворения или строки поэт даже и не предлагал в печать, понимая, что цензура их не пропустит. Замечу попутно, что Рубцову попадались и отличные редакторы. Например, В. Семакин раза два-три удачно поправил рукопись «Звезды полей».

Краткий вывод. Почему так работал Рубцов? Видимо, многое шло из детства, как и каллиграфический почерк поэта. Тогда бумаги почти не было, и дети писали на старых газетах и книгах, между строк. Сформировалось уважение к чистому листу бумаги.

В зрелые годы Рубцов нигде не служил, не работал и, можно сказать, имел избыток досуга. Переписывая раз за разом одни и те же стихи, он, вероятно, отвлекался от грустных мыслей, успокаивался, находя радость даже в такой почти механической работе.

Психология, конечно же, должна учитываться в литературоведении. Но подробнее об этом – в другой раз*.

Примечания

¹ Рубцов Н. М. Собрание сочинений: В 3 т. / Сост., вступ. ст., примечания В. Зинченко. М.: ТЕРРА. 2000. Т. 1. Стихотворения. 1942–1967. С. 252 (далее в тексте сборника ссылки на стихи Рубцова, за исключением особо оговоренных случаев, приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте. – Прим. редактора).

² Автограф. Литературно-художественный журнал. № 41. Вологда. 2005. С. 16.

³ См.: Сборник Н. М. Рубцова «Звезда полей» (М., 1967) (см. также: Рубцов Н. М. Сочинения: Прижизненные издания: Избранное / Сост. Н. И. Дорошенко. М.: Изд. дом «Российский писатель», 2006. С. 164) и журнал «Автограф». 2005. № 41. С. 16.

⁴ См. копию машинописи, которая экспонируется в вологодском музее Николая Рубцова (см. также: III, 255, 407).

⁵ С таким вариантом это стихотворение было опубликовано в журнале «Октябрь», 1964. № 8 (см.: I, 326).

⁶ См., например: Рубцов Н. М. Стихотворения. Архангельск; Вологда. 1985. С. 30.

⁷ ГАВО. ф. 51. ед. хр. 32 (см. также: III, 119).

⁸ См. ГАВО. ед. хр. 36 и др. источники.

⁹ См. также об этом: III, 403.

А.В. Чернов

Мотив прерванного движения в поэзии Н. Рубцова

Мы часто говорим о философичности того или иного поэтического мира, вкладывая в этот эпитет разные, порой противоположные смыслы. С моей точки зрения, одним из обязательных признаков философичности художественного мира является наличие в нем устойчивых элементов разного уровня, повторяющихся, вычленяемых, таких, которые могут быть отрефлексированными в

* К сожалению, продолжить исследования замечательному вологодскому рубцоведе В. С. Белкову уже не удастся. Жизнь Вячеслава Сергеевича трагически оборвалась 12 декабря 2006 года...

категориях онтологии или аксиологии. Их наличие позволяет говорить и о целостности художественного мира поэта как автономной его характеристике, его системности и уникальности.

Такого рода устойчивые формально-содержательные образования могут быть выделены различными способами, в рамках различных методологий и при помощи различного исследовательского инструментария. В отношении поэзии Рубцова мне показалось уместным использовать элементы мотивного анализа, опирающегося, как известно, на представление о динамичном бытовании в художественном пространстве отдельного произведения или всего творчества как единого художественного текста автора устойчивых, повторяющихся формально-содержательных компонентов, несущих значительную нагрузку и образующих в своей совокупности ценностно-смысловую парадигму этого текста как уникального художественного единства.

В качестве предмета наблюдения выбран мотив движения. Движение в художественном пространстве многоаспектно. При анализе конкретного художественного мира принципиальными становятся его направленность, доминирующий уровень (от собственно ритмических приемов до композиции и содержательных элементов, например, описываемых судеб героев). Интенсивность – одна из принципиальных характеристик структуры и сущности художественного мира.

Масштаб и анализируемый уровень движения образов, смыслов, приемов, отражаемые в тексте или даже организующие структуру текста, в полной мере зависят от картины мира автора и доминирующей в социуме системы ценностей. Мне уже приходилось писать и говорить о двух типах движения, доминирующих в русской словесности XIX века, – движении циклическом и движении линейном¹. Движение и его характеристики не только занимают ключевое положение в смысловых структурах художественных миров, но отражают и воплощают универсальный принцип организации пространства сообщения, распространяющийся на все виды текстовой информации – вербальные, визуальные, аудиовизуальные. Поскольку идентификации воспринимающего сознания подвергается только движущийся предмет (неподвижность, есте-

ственно, рассматривается как различительная и оценочная характеристика при наличии движущегося контекста). В искусстве в целом, и в литературе, в частности, характер воспроизводимого движения является зачастую центральным отличительным компонентом художественной школы и направления, той или иной философско-эстетической модели мира, воплощаемой в конкретном тексте.

Важность мотивного анализа в том, что он позволяет вскрывать предсознательные структуры, оказывающие через картину мира автора определяющее воздействие на характер и способ вербализации мировоззренческих представлений. Устойчивое повторение того или иного мотива, в зависимости от его характера, может быть более или менее рационализировано в процессе авторской саморефлексии. В то же время большинство глубинных мотивов выражает структурные характеристики авторской ментальной матрицы и далеко не всегда становится поводом для рациональных самооценок, даже далеко не всегда ощущается, а тем более специально вычленяется и акцентируется автором. В то же время именно повторяемость, системность неких глубинных мотивов оказывает решающее влияние на процесс читательской интерполяции текстовых компонентов и текста в целом.

Простота и прозрачность лирики Рубцова обманчиво скрывают от читателя интеллектуальный накал и драматизм мировоззренческого плана, становящийся движущей силой лирики поэта. Обращение к мотиву движения, как кажется, позволяет обратить внимание всего лишь на один, но принципиальный, аспект этой замечательной сложности.

При обращении под избранным углом зрения к поэзии Рубцова нас интересует, во-первых, интерес к движению как таковому, во-вторых, качество движения (наличие/отсутствие цели, темп, траектория и т.д.), в-третьих, то, какие поведенческие модели в мире Рубцова воспринимаются как движущиеся.

Если использовать эту весьма условную классификацию и обратиться к комплексу рубцовских текстов, то можно убедиться, что он дает варианты всех аспектов проблемы. Очень большое место занимает «движение без цели, точнее движение как самоцель».

Это вполне закономерно и говорит о теснейшей связи поэтического мира Рубцова с русской поэтической традицией. Поскольку «движение как самоцель» – один из распространеннейших мотивов русской словесности. Безусловно, архетип движения в русской культуре связан с православной, может быть, даже шире – религиозной вообще традицией. Тем более, если мы обратимся к исходному значению слова «религия» – «связь». Движение – надежда на восстановление разрушенных и утраченных или обретение новых, спасительных связей человека с миром земным и миром небесным. При этом географическое перемещение особого качества в отечественной культуре воспринимается как само по себе ценностно нагруженное. Бесцельность в смысле отсутствия представления о месте нахождения искомого, отсутствие «плана» и «карты» – совершенно принципиально. Поиски клада непременно нуждаются в карте, указывающей место скрытых сокровищ. Поиск духовный принципиально не может быть материализован методами картографии. Потому что перемещение странника в пространстве, физически осуществляемое, это всего лишь метафора его движения внутреннего, его совершенствования. Поэтому не важно, сколько и куда он пройдет, а важно, что и как внутри человеческого сознания за это время произойдет. Это движение в поисках Беловодья, а не материального благополучия и т.д. Русская литература и поэзия в особенности всегда тяготели к поэтизации, казалось бы, бесцельного бродяжничества, бегства как самоцели. Емко и просто это сформулировал С. Есенин в стихотворении 1924 года «Не ругайтесь. Такое дело!...»: «... Брошу все. Отпущу себе бороду // И бродягой пойду по Руси»...²

Несколько измененный вариант такого типа движения представлен и в знаменитом рубцовском стихотворении 1970 года:

В жарком тумане дня
Сонный встряхнем фиорд!
– Эй, капитан! Меня
Первым прими на борт!

Плыть, плыть, плыть
Мимо могильных плит,
Мимо церковных рам,

Мимо семейных драм...
(...)
Где я зарыт, спроси
Жителей дальних мест,
Каждому на Руси
Памятник – добрый крест!

Плыть, плыть, плыть... (II, 24).

Другой вариант движения – сопоставление движения линейного и циклического. Циклического движения в природе, где за увяданием естественно приходит возрождение, и линейного движения конечной человеческой жизни. При этом человек именно момент природного цикла воспринимает как движение линейное и конечное на каждом конкретном отрезке времени, а человеческую жизнь – как феномен, выведенный из этого круговорота смерти-рождения:

Улетели листья
с тополей –
Повторилась в мире неизбежность...
Не жалея ты листья, не жалея,
А жалея любовь мою и нежность! (...)
(«Улетели листья». 1964; I, 190).

Не случайны и разнообразные вариации темы конной скачки как особого типа «возвышенного движения»: «Эх, коня да удала азиата...» (I, 160), «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» (I, 201–202) и т.д.

Движение у Рубцова может принимать и форму изменения сознания, например, под воздействием алкоголя. Но и это движение, отличающее героя от небытия и делающее его существующим здесь и сейчас:

...Мне поставят памятник
на селе!
Буду я и каменный
навеселе!
(«Мое слово верное прозвучит!..»,
1962; II, 214).

Или шуточное же «Утро перед экзаменом» (1961):

...Спотыкаясь
даже на цветочках, —
Боже! Тоже пьяная...
В дугу! —
Чья-то равнобедренная
Дочка двигалась,
Как радиус в кругу... (I, 171–172).

Примеры можно продолжать до бесконечности, многочисленны и разновидности включаемых в поэтические строки типов и видов движения.

Но у Рубцова есть очень специфическая трактовка темы, можно было бы сказать, чисто рубцовская, если бы не некоторые «но».

Наиболее яркое воплощение специфически рубцовского варианта движения мы видим в стихотворении из сборника «Подорожники» «Последняя осень» (1968):

Его увидев, люди ликовали,
Но он-то знал, как был он одинок.
Он оглядел собравшихся в подвале,
Хотел подняться, выйти... и не смог!

И понял он, что вот слабеет воля,
А где покой среди больших дорог?!
Что есть друзья в тиши родного поля,
Но он от них отчаянно далек!

И в первый раз поник Сергей Есенин,
Как никогда, среди унылых стен...
Он жил тогда в предчувствии осеннем
Уж далеко не лучших перемен (II, 100).

Именно в этом стихотворении наиболее полно и ярко воплощается совершенно принципиальный для Рубцова мотив прерванного движения. Для поэта это некая тайная, глубинная, отчасти сакральная вариация. Важность ее демонстрируется тем, что тема реализуется в отношении Сергея Есенина — не только поэта, оказавшего огромное влияние на Рубцова, но и близкой ему личности: «... Да и невозможно забыть мне ничего, что касается Есенина. О нем всегда я думаю больше, чем о ком-либо» (III, 272), — писал,

например, в конце 50-х Н. М. Рубцов В. Сафонову. Поэтому то, что именно с фигурой Есенина связал поэт мотив прерванного движения, – совершенно принципиально для понимания важности его в целостной системе поэтической картины мира Рубцова.

Если движение как таковое – всегда надежда на изменение, преображение, новую жизнь, возрождение, то прерванное движение – обманутая надежда. И в этом смысле оно страшнее движения не начавшегося: невозможно остановить неподвижное, но прервать начавшееся и длящееся движение – значит остановить окончательно. Прерванное движение – не важно кем и из-за чего или кого – воплощение центрального нерва поэтического мира Рубцова. Можно было бы даже сказать, что в стихах Рубцова очевидно ощущается болезненная боязнь остановки. Устойчивость этого мотива оборванного движения долгое время представлялась уникально рубцовой, пока я не натолкнулся на фразу выдающегося философа Мераба Мамардашвили, сказавшего как-то: «Прерванное движение ведет к болезни». Это ведь полная метафора поэта, его мира, его эпохи...

В конце концов, разве социально-политическая метафора всего поколения Рубцова – «оттепель» – не воплощает значение «начавшегося, но прерванного, обманутого движения»? Прерванное движение – один из глубинных, онтологически и аксиологически насыщенных и нагруженных мотивов поэзии Рубцова, глубоко отражающий не только индивидуальные черты его поэтического мира, но и демонстрирующий уникальную чуткость поэта к доминирующему настроению эпохи.

Примечания

¹ Чернов А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Петрозаводск: ПГУ. 1994. С. 151–159.

² Есенин С. А. Сочинения. М., 1988. С. 201.

Соборное начало в поэзии Н. Рубцова

Своеобразие поэзии Н. Рубцова определяется в значительной степени тем обстоятельством, что, явившись в бурный и противоречивый век XX, она в то же самое время опиралась на глубинные корневые истоки отечественной культурной традиции. При этом наиболее органично рубцовская муза связана, пожалуй, с традициями классической литературы «золотого» XIX века русской культуры, хотя, несомненно, отражает и специфику современного поэту историко-литературного процесса.

В этом смысле особенно показательным можно считать выявление в творчестве Н. Рубцова соборного начала, представляющего собой, по мнению И. А. Есаулова, одну из фундаментальных характеристик отечественной культуры¹.

По определению известного русского мыслителя, протоиерея Сергия Булгакова, соборность – это «душа Православия»². Ее сакральный прообраз – «Троица Единосущная и Нераздельная»³ (единство и неслиянность Бога–Отца, Бога–Сына и Бога Святого Духа). По замечанию епископа Александра (Семенова-Тянь-Шанского), «Пресвятую Троицу можно назвать самым совершенным единством в любви, или союзом любви, потому что совершенны Любящие и совершенна Их любовь»⁴. Это – идеал соборности, высшее ее проявление.

«Соборность, – подчеркивает И. А. Есаулов, – является своего рода ядром православного типа духовности, который и сформировал многие черты русского национального характера, определил доминанту русской культуры»⁵. «Ключ» к пониманию соборности, по мнению исследователя, содержится уже в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, с которого начинается оригинальная русская словесность, – в разграничении Закона и Благодати. «Если... соборность – это «душа Православия», – пишет И. А. Есаулов, – то Благодать Божия – «зерно» самой соборности»⁶. При этом «действие благодати митрополит Иларион относит не только к отдельной личности, но и к народу в целом»⁷. Одновременно в

«Слове...» фактически подчеркивается, что «закон, основанный на несвободном подчинении необходимости, находится за пределами соборности»⁸. Иными словами, это означает, что «попытки свести соборность к позднему «коллективизму» либо «тоталитаризму» заведомо несостоятельны...»⁹.

Далее И. А. Есаулов отмечает, что «свидетельствующая о замечательной трансгисторической целостности русской православной духовной ориентации оппозиция Закона и Благодати универсальна для отечественной культуры. Она выражает новый принцип человеческого единения – не равенство перед лицом Закона, но благодатное соборное единство людей во Христе»¹⁰. Особенно многочисленны проявления новозаветной соборности в древнерусской литературе (в «Повести временных лет», «Слове о погибели Русской земли», «Задонщине» и др.). Яркое отражение соборное начало находит и в русской классической словесности Нового времени (причем не только в творчестве А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, но и, как показывает И. А. Есаулов, в творчестве Л. Н. Толстого и М. Е. Салтыкова-Щедрина). «Духовное освоение Нового Завета, – подчеркивает И. А. Есаулов, – составляет своего рода *нерв* русской культуры, основанной на соборности и христоцентризме»¹¹. При этом в классической русской литературе XIX столетия евангельский христоцентризм проявляет себя чаще всего в имплицитной (неявной) форме: «авторской этической и эстетической ориентацией на высший нравственный идеал, каковым является Иисус Христос»¹². Причем сам центральный персонаж Нового Завета, как правило, остается за рамками повествования, незримо присутствуя в то же время в сознании автора и читателей.

В период расцвета русской светской культуры серебряного века, связанного во многом с так называемым русским религиозным ренессансом, происходит значительное смещение эстетической доминанты отечественной словесности. Оно нашло выражение в своеобразной трансформации соборного архетипа, выразившейся в

* Курсив И. А. Есаулова. – А. Н.

подмене христианских истоков соборности оккультно-языческими (так, Вяч. Иванов находил истоки соборности в дионисийских оргиях, по замечанию же Н. Гумилева, русский символизм «брался то с теософией, то с оккультизмом»), что в традиционном для отечественной культуры православном контексте понимается как «дерзания мифотворцев и богоборцев» (К. В. Мочульский)¹³).

Наконец, третий, решающий этап трансформации соборности (по И. А. Есаулову) связан с развитием советской культуры, когда «религиозный вектор советской литературы направлялся доктринальной коллективизма и верой, «противоположной христианской» (Н. А. Бердяев)»¹⁴ и когда Благодать христианская и соборное начало заменяются советским законничеством...

При попытке осмысления рубцовской поэзии в контексте выстроенной И. А. Есауловым схемы трансформации соборного начала в отечественной культуре (непосредственное воплощение Евангельского идеала в древнерусской словесности – имплицитное выражение христианских идей в русской культуре «золотого» XIX века – оккультно-языческая подмена христианского идеала в литературе серебряного века – тоталитарный коллективизм (противоположный соборности) советской культуры), на наш взгляд, представляется следующая картина: в процессе своего развития поэзия Рубцова в рамках указанной схемы движется в обратном направлении: от советского идеологизма через преодоление оккультно-языческой традиции к имплицитному воплощению христианской идеи.

В самом деле, воспитанный в рамках советской образовательной системы, проникнутой марксистско-ленинским, коммунистическим духом, Н. Рубцов не мог не выразить соответствующих идей в своем творчестве (особенно раннем).

Надо
быть
с коммунистами
В славе, в мечте, в борьбе!
Надо пути каменистые
Всем испытать на себе,
Чтобы на другого не сваливать
Трудности честных дорог,

Чтобы дороги осваивать.
 Слившись
 в железный
 поток!
 Надо быть
 с коммунистами
 В разуме ясном, в душе –
 Счастлив, кто этого истинно
 В жизни добился уже!
 В дом
 коммунизма
 лучистый
 Вход не с любого пути:
 Надо
 быть
 с коммунистами.
 Чтoб в коммунизм войти! (II, 250) –

писал Н. Рубцов в одном из своих ранних произведений¹⁵.

Этот, по словам В. С. Белкова, «схематический газетный стих»¹⁶ (как и некоторые другие подобные) не включался поэтом ни в один из его сборников, но в то же время в определенном смысле весьма показателен. Особенно интересен образ «железного потока» (восходящий к А. Серафимовичу), прямо противоположный соборному началу в Православии, связанному не с механическим, количественным единством, а, по словам архиепископа Аверкия (Таушева), со «стоянием в Истине»¹⁷. В дальнейшем, как известно, Н. Рубцов преодолевает эту идеологическую зашоренность, но ее отголоски (например, в почитании В. И. Ленина¹⁸) сохраняются в нем едва ли не до последних дней.

Кроме того, по мнению некоторых исследователей, в рубцовой поэтике природы находят отражение черты языческого миропонимания¹⁹ (стихи «Осенние этюды», «Памятный случай», «Ночное» и др.). В изображении природы Н. Рубцов, действительно, нередко использует прием олицетворения, одушевления различных природных явлений, деревьев, растений. Для поэта также характерно порой и восприятие природы как некой таинственной силы:

Когда стихает яростная буря.
 Сюда приходит девочка-малютка
 И робко так садится на качели.

Закутываясь в бабушкину шаль.
Скрипят, скрипят под ветками качели,
И так шумит над девочкой береза.
И так вздыхает горестно и страстно,
Как будто человеческою речью
Она желает что-то рассказать... (I, 271)

– такой образ создает поэт в стихотворении «Осенние этюды». Но говорить об обожествлении природы или языческом поклонении ей Рубцова на основании подобных строк не представляется возможным. Впрочем, в восприятии природы как «святой обители» (I, 213), как храма, несомненно, проскальзывают пантеистические черточки, которые, в свою очередь, преодолеваются христианской образностью...

При этом зачастую христианский идеал в рубцовой поэзии получает имплицитное выражение, как и в русской классической литературе XIX в., к которой в целом более всего, на наш взгляд, тяготеет поэт. Например, в стихотворении «Старик» появляется образ странника, паломника, который

Глядит глазами голубыми,
Несет котомку на горбу,
Словами тихими, скупыми
Благодарит свою судьбу.

Не помнит он, что было прежде,
И не боится черных туч,
Идет себе в простой одежде
С душою светлою, как луч! (II, 13).

Поэт А. А. Романов справедливо сравнивал это стихотворение с некрасовским «Власом»²⁰:

В армяке с открытым воротом
С обнаженной головой
Медленно проходит городом
Дядя Влас – старик седой.
На груди икона медная:
Просит он на Божий храм, –
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам²¹.

Правда, в отличие от Некрасова православная принадлежность

рубцовского старика формально не обозначена, хотя и несомненна.

Возникающие же в стихах Н. Рубцова образы «пустого храма», «разрушенных белых церквей» и др. воплощают в себе, по существу, печаль, тоску, боль по утраченным христианским ценностям, соборным началам русской жизни и – одновременно – стремление к их обретению.

В связи с этим уместно также сказать несколько слов и о религиозности Н. Рубцова, несомненной, но интерпретируемой в настоящее время по-разному. Так, современные неоязычники-венеды безоговорочно включают поэта в свои ряды (родноверов), ссылаясь при этом на одушевление природы в его произведениях²². С другой стороны, некоторые исследователи сопоставляют Н. Рубцова с самим Иоанном Предтечей...²³ Кроме того, предпринята была и попытка посмертно воцерковить Н. Рубцова, представить его христианином, тайно молящимся и посещающим церковь, для чего, собственно, никаких веских оснований в настоящее время нет.

Наиболее убедительной в этом смысле представляется позиция Н. М. Коняева, считающего, что «душа его искала, жаждала воцерковления, она шла к церкви, но каждый раз натывалась лишь на развалины храмов... И, строго говоря, вся его поэзия – это попытка восстановления храмового строения, возведения церковных стен, вознесения куполов... Это всегда молитва, созидаящая церковное строение, и всегда – страшное предчувствие гибели его»²⁴.

В этом контексте, связывая духовное развитие Н. Рубцова со стремлением к обретению христианского идеала, к соборности, к воцерковлению, следует, на наш взгляд, осмысливать и последний акт земной жизни поэта – его смерть, которая представляется многим нелепой, роковой случайностью, трагическим недоразумением. В действительности, думается, трагическая смерть поэта явилась не только проявлением высшей закономерности по отношению к нему, но и выражением высшей справедливости и даже – высшей милости Божией. Поскольку именно через страдание может быть обретено искупление, очищение и спасение души, что и является главной целью христианской жизни.

Примечания

¹ См.: *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995; *Есаулов И. А.* Христианское основание русской литературы: соборность // Литературная учеба. 1998. Кн. 1–3. Январь–июнь. С. 105–123.

² *Прот. Сергей Булгаков.* Православие. Очерки учения Православной Церкви. Париж. 1989. С. 145.

³ Всенощное бдение. Литургия. С объяснениями. Минск, 2003. С. 73.

⁴ *Епископ Александр (Семенов-Тянь-Шанский).* Православный катихизис. Киев, 2003. С. 18.

⁵ *Есаулов И. А.* Христианское основание русской литературы: соборность // Литературная учеба. 1998. Кн. 1–3. Январь–июнь. С. 107.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 109.

¹² Там же. С. 107.

¹³ Там же. С. 122.

¹⁴ Там же. С. 123.

¹⁵ По словам В. Винникова, это типичная «газетная публикация-“паровозик”» конца 1950-х – начала 1960-х гг. См.: *Винников В.* «Лодка на речной мели...» Почти неюбилейные заметки // Завтра. Газета Государства Российского. Январь. 2006. № 2 (634).

¹⁶ *Белков В. С.* Жизнеописание Николая Рубцова // Воспоминания о Николае Рубцове. Вологда, 1994. С. 412.

¹⁷ *Архиепископ Аверкий (Таушев).* Современность в свете Слова Божия. Т. 1. С. 83. Цитируется по: *Игумен Илия (Емпулев).* Страха же вашего не убоимся. Главы из книги // Первый и последний. Декабрь, 2005. № 12 (40). С. 47.

¹⁸ См.: *Багров С. П.* Россия, родина, Рубцов. Документальное повествование. Вологда, 2005. С. 166–167. См. также стихотворение «Ленинец» («Ленина все мы любим...» (II, 243)), опубликованное в альманахе «Полярное сияние». Североморск. 1959. № 2.

¹⁹ См.: *Иванова Е.* Религиозные мотивы в лирике Рубцова // В мире Рубцова. Литературное приложение № 11 к устюженской районной газете. 4. I. 1996. С. 4.

²⁰ См.: Россия, родина, Рубцов... С. 189–191.

²¹ *Некрасов Н. А.* Сочинения: В 3 т. М., 1953. Т. I. С. 125.

²² См.: Ярь. Историко-культурная газета ведического народоверия. № 1(9). 2006. С. 7.

²³ См.: *Грунтовский А.* Грусть и святость (Поэтическое богословие Николая Рубцова) // Автограф. Литературно-художественный журнал. № 30. Вологда, 2004. С. 10–16.

²⁴ *Коняев Н. М.* Николай Рубцов. М., 2001. С. 252.

Христианские образы в творчестве Н. М. Рубцова

Задача данной работы не определение православных мотивов в лирике Рубцова, а рассмотрение семантики конкретных христианских образов, имеющих прямое упоминание в поэтическом тексте: икона, церковь/собор, колокол/колокольный звон.

Образ иконы встречается в рубцовской лирике дважды. Стихотворение «О Московском Кремле» (1968 г.) завершается четверостишием:

И я молюсь – о, русская земля! –
Не на твои *забытые иконы*,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны... (II, 35).

Второе упоминание находим в ироничном стихотворении «Гость» (1970 г.):

Красным,
белым
и зеленым
Мы поддерживаем жизнь.
Взгляд блуждает по иконам,
Настроенье – хоть женись!

И ниже:

Красным,
белым
и зеленым
Наполняем сладкий бред...
Взгляд блуждает по иконам...
Неужели Бога нет? (II, 98).

Здесь важен не завершающий риторический вопрос и даже не отношение поэта к Богу, религии, а тот факт, что Н. М. Рубцов воспринимал икону в ее исконном смысле – изображение Бога.

* Здесь и далее выделено мною. – С. Ч.

святых; и в своем творчестве использовал основную ее функцию – молельный образ. Использовал, но не разрабатывал, отчасти и потому, что считал: «Уж нам пора бы понемногу / От мистицизма отвыкать» (ст. «На родине», 1959; III, 141). Вероятно, по этой же причине в качестве «молельного образа» в его творчестве фигурирует образ Кремля, или природы, или – в ранней лирике – собор (ст. «Эх, коня да удаль азиата...», 1961; I, 160).

Вообще образ храма, обители, белокаменной церкви воспринимается Рубцовым как некая твердыня, дошедшая до нас из старины, но чаще в разрушенном, утраченном виде. В стихах «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» (1963), «Тихая моя родина» (1964), «Жар-птица» (1965) храм, церковный купол выступают символом быстротечности времени, знаком внешних и внутренних перемен. Образ часовни в стихотворении «Осенние этюды» (1965) становится символом вечности, далекой сказочной старины, мотив чудного сна продолжает и «отраженный глубиной, как сон столетий, Божий храм» (I, 214) в стихотворении «Душа хранит» (1966). Образ церкви в качестве конкретизации места действия используется в стихах «Ива» (1969) – «...под церковною горой» (I, 195); «В жарком тумане дня» (1970) – «плыть... мимо церковных рам» (II, 24); «У церковных берез» (1969); «Стоит жара» (1970) – «у церкви сонные старухи...» (II, 82); «Вологодский пейзаж» (1969) – «живу вблизи пустого храма» (II, 36).

Встречается образ храма и в качестве указания географического положения в сравнительном стихотворении («Сибирь, как будто не Сибирь!», 1966 г.):

Тележный скрип, грузовики,
Река, цветы и запах скотский,
Еще бы церковь у реки, –
И было б все по-вологодски (I, 286).

Несколько иначе разрабатывается в лирике Рубцова образ колокольни, колокольного звона – это и набат, и радостный пасхальный звон, и символ уходящей вечности, и голос незыблемых ценностей, это то, что длится во времени и не имеет окончания. В стихотворении «Левитан» (1960) через колокольно-колокольчи-

ковый звон происходит важное для поэта единение языческого и соборного начал.

Из православных праздников Н. М. Рубцов в своем творчестве обращается только к двум: Крещению («Я умру в крещенские морозы») и Пасхе («Конец», «Пасха»). Причем первый разрабатывается им со знаком минус, второй – как радость, благодать. Пасха имеет не только свои обычаи и традиции, но и вкус (причем вкус хлеба), и голос (колокольный звон), это то, что, несмотря на обстоятельства, не может уйти, забыться.

Приведенный анализ позволяет сделать следующие заключения: образ иконы для Рубцова не представляется важным, этот образ не разрабатывается поэтом, остается на уровне констатации факта. Образ храма фигурирует в творчестве как святое, веками намоленное место, но в настоящее время претерпевающее разрушение. А вот колокольный звон – это своего рода символ Воскрешения, единения природы и человека, вечности и современности, пространства и времени. Н. М. Рубцов воспринимает мир через звук, который для него не имеет границы.

И. А. Птицын

Рубцов и Пастернак

Возможности соотнесения стихотворных книг Н. Рубцова со «Стихотворениями Юрия Живаго» Б. Пастернака до последнего времени даже не обсуждались. Единственной работой, связавшей имена Рубцова и Пастернака, является диссертация А. Ю. Кирова «Лирический роман в поэзии Н. М. Рубцова». Во второй главе своего исследования А. Киров утверждает: «Так же, как и Б. Пастернак, Н. Рубцов, оценивая современность, берет за основу судьбу своего лирического героя (в книге стихов «Лирика». – *И. П.*) и переживание им истории»¹. Однако А. Киров не указывает на значение «Стихотворений Юрия Живаго» Б. Пастернака для формирования христианской мотивной структуры ранней лирики Рубцова.

Цель нашей статьи – наметить некоторые аспекты этого сопоставления.

Между книгой стихов Рубцова «Лирика» (Архангельск, 1965) и «Стихотворениями Юрия Живаго» Пастернака существует определенное сходство в композиционном развитии, а также выявляется ряд мотивных переключек. Надтекстовое единство обеих стихотворных книг подчеркивается кольцевой композицией. «Тетрадь» Юрия Живаго открывается «Гамлетом», в котором ключевым является мотив перехода от пассивности к активной и выстраданной жизни во Христе, а завершается стихотворением «Гефсиманский сад», в котором доминируют мотивы Воскрешения и бессмертия. Соответственно лирического героя стихотворных главков последней части романа Пастернака можно рассматривать как творческое развитие характера героя прозаического корпуса. Живаго умирает в финале романа, но возрождается в поэтических текстах уже не «посторонним» лицом, а все более активной и борющейся личностью.

История же у Пастернака начинается с Христа («Рождественская звезда»). «Лирика» Н. Рубцова открывается «Родной деревней», завершается стихотворением «Ось», а мировоззренческим центром этой книги является стихотворение «Мачты»:

Созерцаю ли звезды над бездной
С человеческой вечной тоской,
Воцаряюсь ли в рубке железной
За штурвалом над бездной морской, –

Все я верю, воспрянувши духом,
В грозное свое бытие
И не верю настойчивым слухам,
Будто все перейдет в забытье... (1, 134).

А. Киров в своем исследовании убедительно доказывает, что в этом стихотворении «образу наблюдателя приходит на смену лирический герой, занимающий активную жизненную позицию... для него характерна вера в вечную жизнь»².

Развивая мысль А. Кирова, отметим, что у Рубцова речь идет о наличном бессмертии смертных. Бессмертие (и у Рубцова, и у

Пастернака) дается творчеством и делается возможным в том новом понимании человека в мире, которое принесено христианством. В. С. Баевский писал, что «Пастернак первым в литературе и обществе своего времени заговорил о замене культа революционного преобразования государственной жизни идеей мирного ее обновления на почве христианской жертвенности»³. Мы считаем, что во второй половине 1960-х годов эта идея Пастернака о близости Бога к «частной, а не исторической жизни» нашла свое гениальное воплощение именно в поэзии Николая Рубцова.

Подводя итоги, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что обстоятельное сравнение поэтического творчества Н. Рубцова и Б. Пастернака, возможности которого лишь намечены нами, – предмет будущей специальной работы.

Примечания

¹ Киров А. Ю. Лирический роман в поэзии Н. М. Рубцова: Автореферат дисс... канд. филол. наук. Вологда, 2004. С. 7.

² Там же. С. 6–7.

³ Баевский В. С. Пастернак – лирик. Смоленск, 1993. С. 16.

В. Б. Анохин

Метафизика любви Николая Рубцова

«В начале было Слово»*. Ощущение Слова-Логоса – чувство любви. В этом и состоит суть метафизики любви Н. Рубцова. Слово есть «дом» бытия. Поэтическое слово высвечивает скрытое и потаенное в этом доме. Возникает вопрос: а есть ли дом? И насколько обоснована любовь в родимом краю? Ведь подлинная любовь связывает земное и неземное. Есть ли радость неземная? Насколько сверкающее слово соотносено с ней? Можно ли проверить и продолжить искреннее слово предшествующих русских поэтов книгою бывшего детдомовского мальчика? Да и мог ли полюбить

* Здесь и далее выделено мною. – В. А.

заведомо выброшенный из родного дома человек? Если мог, то не значит ли эта любовь нечто загадочное и символичное, разгадать и раскрыть смысл которого можно лишь тому, кто сам соприкоснулся со *Словом-Логосом*, кто обладает чувством любви? Мне не представляется возможным разгадать эту тайну. Разгадывание – самораскрывающийся процесс органического роста того зерна, которое посеял Н. Рубцов в поле русской словесности. Мы находимся только в начале этого автопоэтического пути. Перед вами – один из опытов рассмотрения рубцовской поэзии.

«Вспыхнут ли звезды <...> «Выйду случайно к парому» «Как далеко уплыву я из скучного дому!», – говорит Рубцов (II, 102). Звезда, огонек и т.п. в поэзии Рубцова – тема судьбы. «Разве однажды случайно я в твоей жизни взялась?», – скажет Людмила Дербина. Паром, Л. Дербина – всего лишь есть возможность переправы. Куда? Череповецкий поэт Андрей Широглазов произнесет: «В никуда». Это выражение имело бы смысл в контексте того взгляда на мир, который мы именуем как экзистенциально-атеистический. Мог ли этот взгляд удовлетворять Николая Рубцова? Казалось бы – да. Да и как иначе, жил ведь он во времена повального атеизма. Жизнь с этой точки зрения определяется как мгновение, как вспышка между рождением и смертью. Смысл этого мгновения обретаётся весьма тривиальным способом: либо..., либо... Либо живем для счастливого будущего, выкинутого за пределы своей жизни, либо остается успеть насладиться этим мгновением (пугачевская философия). И в первом, и во втором случае индивидуальная жизнь обесмысливается. В первом случае она становится неподлинной. Во втором – ограниченность наслаждения обесмысливает само наслаждение. Может ли человек радоваться жизни и удовольствиям, если он сознает конечность своего Я. Скорее, он будет чувствовать себя подобно теленку, которого кормят на убой. Снять проблему *либо, либо* возможно лишь на пути обретения *надежды на спасение*. Но спасение обретаётся в *вере* и подлинным двигателем в этом деле становится *любовь*. Понимал ли это Н. Рубцов?

Уплыву я из скучного дому. Дом скучен потому, что подлинная любовь в нем отсутствует. Нужно искать *звезду полей*, но она там –

на небесах! Это судьба. Здесь же *случайный паром* и все прочие прелести земной любви. Земная любовь для Рубцова осталась в детстве. Как сказка. В зрелом возрасте поэт стал ощущать что-то более возвышенное. Этим объясняется его далеко не идеальное отношение к Л. Дербиной. Да и она сама смотрела на свою *любовь* к Рубцову как на *смертельный поединок*. Поединок действительно был смертельным. Поэту нужно было освободиться от тварного, чтобы воспеть небесное. К сожалению, освобождение оказалось парадоксальным – не духовным, а телесным.

Чтобы *уплыть из скучного дому*, Рубцову необходим был символ веры или подлинной любви. Паром случаен, а вера обретается в сотворении софийного тела. Это истинное призвание русского поэта. Только в сотворении божественной женственности и можно обрести свое *Я*, пусть даже одинокое, но высказанное согласно божественному слову. А поскольку это слово высказано, то и *дом* обретает уже не шаткое основание.

В «Жар-птице» (I, 224–225) *семейство берез* как символ русской Софии приютило *задремавшее стадо* (русских людей). *Пастух* (образ Христа на Руси), *наблюдая игру листопада* (у Рубцова оторвавшиеся листья – метафора людей, оторвавшихся от рода), *лениво сидит и болтает ногой*. Почему же пастух *лениво сидит и болтает ногой*? Потому что *задремавшее стадо* благоволит Богородицу (символ – русская природа), но не Христа. Россия Христа не обрела. Путь истины ей еще неведом. Пастуху задали вопрос: «Старик! А давно ли ты ходишь за стадом?». «Давно, – отвечает он, – ...колокольня вдали / Деревни еще оглашала набатом...». Новый вопрос пастуху: «Так что же нам делать?». Ответ: «А ты полюби, и жалея (сострадай), / и помни хотя бы родную окрестность, вот этот десяток холмов и полей». Парадокс этого диалога в том, что пастух (Христос) отсылает вопрошающего не к себе (к Истине), а к окрестности. Но это видимый парадокс, поскольку старик почти мистически чувствует, что обретение Христа *задремавшим стадом* возможно лишь на пути любви к телу сотворенному или обоготворенному.

В «Неизвестном»:

*Он шел против снега во мраке.
Бездомный, голодный, больной.
Он после стучался в бараки
В какой-то деревне лесной (II, 20).*

Не пустили... Здесь также угадывается образ Христа. *«Он вышел на берег морозной, / Безжизненной, страшной реки»* [2, 20]. Реки людской. *«Он умер без крика, без слова... снегами отпечтанный»* [2, 20]. Следовательно, умереть на Руси *без слова* есть высший акт крестоношения, стучащего словом в двери *бараков* душ. Высший акт любви, за которую *в дороге умирают* и за которую *снега отпевают*.

В «Старике». *«Идет старик в простой одежде»* (II, 13). Изда-лека. Шумит осенняя река. Мрак тучи грозовой. Все полно печали. Старик смотрит на всех ласковыми и голубыми глазами. Душа светлая, как луч. Слова тихие и скупые. Идет в простой одежде, несет котомку на горбу. Видно, трудно одному. Но тем не менее благодарит свою судьбу и не боится темных туч. Идет старик *в святой обители природы, в тени разросшихся берез*. Он беден. Небогатство – отличительная черта русского человека, пытающегося что-то помыслить на чужбине.

Символика старика имплицитным образом содержит в себе идею Христа, который *в святой обители природы* обретает свое божественное лицо. Хотя здесь мы можем обнаружить и образ самого Николая Рубцова. Он не по годам стар. Страстно любил святую природу. Нес слово людям, его не всегда понимали. Наконец, смерть принял добровольно (как это сделали Сократ, Анаксагор, Христос), поскольку понимал, что *любовь* между ним и тем, кто его убьет, есть исход *смертельного поединка*. Исход не есть оскорвление кого-либо, а, наоборот, искупление и спасение *задремавшего стада*. Надо только лишь, чтобы любовь из смертного поединка между тварными существами преобразилась в божественную любовь.

Русский человек Христа не понял, поэтому у него нет иного выхода, кроме как находить или ощущать отблеск небесный в со-

фийной природе. Всех лучше на Руси это чувствовал Николай Рубцов. В стихотворении «В глуши» он пишет:

*Когда душе моей
Земная вееет святость,
И полная река
Несет небесный свет, –
Мне грустно оттого,
Что знаю эту радость
Лишь только я один:
Друзей со мною нет... (I, 197).*

В стихотворении «Во время грозы» *небо прорвалось. Завеса мутная дождя. Туча идет горой.* Это образ непросветленной России. Только церковь и Николай Рубцов стоят молча, набожно, свято и созерцают *зловещий праздник бытия.*

*И все раскалывалась высь.
Плач раздавался колыбельный.
И стрелы молний все неслись
В простор тревожный, беспредельный... (II, 30).*

Тема плача *в просторе тревожном и беспредельном* – одна из основных тем поэта. Россия – сплошной плач. Да и сам Николай Рубцов не сдерживает слез, когда слышит ответ девочки-малютки (образ русской женственности) на вопрос: «Шалунья! О чем поешь?». Малютка отвернулась и произнесла: «Я не пою, я плачу...» («Осенние этюды», I, 271). *Все стало так уныло! Лишь глухо стонет дерево сухое.* Змея! Болотная гадюка. Мираж пропал. Яростные птицы кружатся над одинокой головой Рубцова. Появляется гоголевское ощущение: весь на свете ужас уже открыто окружает поэта. Пошел за красотой на болото (болотная Русь), нашел ужас. «...хватит, хватит илгаться по болоту!» (I, 273).

Медный колокол на Руси – вестник смерти (Ф. Достоевский). Он постоянно звенит где-то вблизи горизонта либо под дугой *бедного старого коня.*

*Звени, звени легонечко,
Мой колокол, трезвонь!
Шагай, шагай тихонечко,
Мой бедный старый конь!**

<...>

*И вдруг заржал он молодо,
Гордясь без похвалы,
Когда увидел Вологду
Сквозь заволоку мглы... (I, 184).*

Сквозь заволоку мглы возникает Вологда как образ Воскресения. Прикоснуться к символу Воскресения – следовательно, снять проблему смерти, вечно пугающую разумное существо. Размеры трагедии небытия невероятно громадны и выражаются в поэтическом сознании в слове об осени. «Осень! Летит по дорогам осени стужа и стон!» (I, 40). Каркают вороны. Лошадь опустила вниз голову. Дождь моросит, моросит. Каркают вороны. Все в сетях полутьмы. «Не порвать мне мучительной связи с долгой осенью нашей земли» (II, 18), – в муках произнес Николай Рубцов («Посвящение другу»). «Не порвать», «мучительная связь» – речь идет об обреченности и безысходности. Пить ли в такт осени вино, водку? Нагонять ли на себя *сладкий бред*? Это вопросы русской временности. Ответы на них – загадочные и таинственные: «Взгляд блуждает по иконам... / Неужели Бога нет?» (II, 98). Это русский ответ-вопрошание. Христос еще в отечественном сознании не проявился. Не понята его жертвенность, а следовательно, не осознана идея спасения. Вологда прекрасна. Она может быть образом и прообразом духовной красоты. И Пасха происходит здесь по особому. Синее небо. Колокола. Сладкий хлеб. Гульба посреди двора. Как жаль, что, отвергнув религию в былые времена, мы отвергли и красоту, и то, о чем рыдают, о чем поют колокола России. Эти мысли терзали сознание Рубцова. Почему измученные на горе стоят развалины собора? Спит, что ли, былая Русь? Здесь же так *веет* тем, чем Русь жила!

* В книге: Рубцов Н. М. Последняя осень: Стихотворения, письма, воспоминания современников. М., 2005 (С. 107) приводится иной вариант данной строки: «Мой добрый старый конь!» – Прим. ред.

Россия задремала, затихла. Оттого и грустит, и тревожится душа. Рубцовские ивы грустно поникли во мгле над обрывом. Звездная люстра пустынно мерцает. Пропадает желание искать свою звезду (чувство обрыва в судьбе). Носитель по волнам божественной судьбы – *лодка догнивает на речной мели*. На мели все обречено к гниению. Таинственная глубина человеческой души здесь не достигается. Храмы белоколонные здесь не строятся. Остается искать *купола синих небес*, под которыми покоится *тихая Родина*. Она заледенела во мгле. И только *восходит ярче и полней рубцовская звезда полей*. Растопить ли одной, пусть даже и очень яркой, звезде лед России? Нет, конечно, если эта звезда будет гореть над мелочными (от выражения *на мели*) душами, которые только и могут проговаривать Родину в рублях. Да, естественно, если рубцовская звезда станет символом духовного возрождения России.

У Николая Рубцова *вся любовь на крови замешана* (как позднее выскажется череповецкий поэт Александр Пошехонов). Прочувствовать любовь – ощутить ее край, границу, то есть потустороннюю жизнь. Кладбищенская тема – рубцовская инверсированная любовь. Ее нужно поднять, чтобы понять, что любовь может быть только одна. Возвышенная и божественная. Надо понять *гробовое затишье побережий*, ужасы ночи, крошечную тьму. Нужно пройти за гробом по ветхому кладбищу. Услышать стон проводов и треск крещенских морозов. Ощутить плач *метельной скрипки меж белых могил*. Прочувствовать скрип кладбищенских елок. Если же не будет проделана эта трудная душевная работа, то и любовь по-сторонняя не будет принята. Она оттеняется фоном конечного тварного бытия, обнаруживает себя в милой старине и чудной родной природе. Она – образ аленького цветка, который преобразует чудовищную действительность в нечто святое и божественное. Скрытая мечта Николая Рубцова о воскресении своей матери. Тогда и любовь становится источником силы, которая необходима для подвига веры. А вера превращается в любовь. В этом наша надежда на спасение. В этом заключается божественная красота поэзии Николая Рубцова.

Примечание

¹ Евангелие от Иоанна. I, 1.

Поэзия Николая Рубцова в графических работах Владислава Сергеева

Графические работы заслуженного художника России Владислава Александровича Сергеева, сопровождавшие отдельные поэтические сборники известного вологодского поэта Николая Михайловича Рубцова, могут по праву быть причислены к лучшим образцам отечественной книжной графики. В оформлении этого художника вышло в свет четыре сборника поэта: «Последний пароход» в 1973 г.¹, «Подорожники» в 1975 г.², «Видения на холме» в 1990 г.³ и «Россия, Русь! Храни себя, храни!» в 1991 г.⁴

В работах этого цикла очень остро и полно раскрылось лирическое дарование графика. Причем иллюстратор по эмоциональной и технической характеристике своих работ удивительно созвучен,

родственен поэтической лирике Н. Рубцова. Возможно, это внутреннее созвучие началось еще в том раннем детстве, когда у обоих отцы ушли на фронт в годы Великой Отечественной войны защищать Родину, когда у того и другого не стало матери. Возможно, оно началось в тех детских домах, где прошли их первые годы становления... Так или иначе, но их встреча состоялась... Талант графика В. Сергеева встретился с поэтическим дарованием Н. Рубцова...

Великолепный вологодский пейзаж с его многоп-



«Юноша в поле». Ксилография (1973)

новым «поющим» ландшафтом мы можем увидеть в работе

«Юноша в поле» (1973), выполненной к поэтическому сборнику «Последний пароход». Стихотворение с одноименным сборнику названием было написано Рубцовым в 1969 году и посвящалось памяти А. Я. Яшина:

И нас, пестрея, радовала вязь
Густых ветвей, заборов и домишек.
Но он, глазами грустными смеясь,
Порой смотрел на нас, как на мальчишек... (II, 33).

Бесконечные дали с узорчатыми вкраплениями северных домиков, редкими деревцами на горизонте... И над всем этим – монументально-могучая фигура юноши, как будто уходящая своими крепкими корнями туда, откуда выросло и молодое деревце, стоящее по соседству с этой фигурой. Мать у них одна – плодородная земля Вологодская. Глубокий философский смысл, неразрывность души человека и природы переданы посредством ярких художественных образов. Словно слышишь пение птиц, затерявшихся в прозрачных высоких небесах, ощущаешь пьянящий аромат зрелых луговых трав. И вдруг душу пронзают грусть и боль о безвременно ушедшем из жизни друге и наставнике:

...Скажите мне, кто в этом виноват.
Что пароход, где смех царил и лад,
Стал для него последним пароходом?
Что вдруг мы стали тише и взрослей,
Что грустно так поют суровым хором
И темный лес, и стаи журавлей
Над беспробудно дремлющим угором... (II, 34).

И в стихотворных строках, и в графической работе присутствует такая тишина, которая позволяет стать мыслям и чувствам более отчетливыми, остро ощутить движение времени, человеческой жизни и бренность земного бытия. Художник умышленно не ограничивает пространство каким-либо техническим приемом. Бесконечность движения времени подчеркивается плавным переходом изображения в белое поле формата, в результате чего это белое поле превращается в бесконечное пространство земли и неба, всей России...

Еще В. В. Кожин в свое время отмечал, что «в поэзии Николая Рубцова есть отблеск безграничности, ибо у него был дар всем существом слышать ту звучащую стихию, которая несоизмеримо больше и его, и любого из нас, – стихию народа, природы, Вселенной»⁵.

Что первично, что вторично – поэзия или результат творения гравера? Об этом можно догадываться, только сопоставляя даты их появления на свет. Эти два произведения и самостоятельны в своем звучании, и невероятным образом дополняют и обогащают друг друга.

В правильности такого вывода еще больше убеждаешься, рассматривая и анализируя все графические работы В. Сергеева, выполненные к поэтическим сборникам Н. Рубцова, сопоставляя творчество этих двух выдающихся мастеров...

И совсем не случайно впервые встретились они в одной из деревень, расположенной близ Ферапонтова, на Цыпиной горе, где в деревянном домике В. Сергеев проводил большую часть своего творческого времени.

В графических работах «рубцовского» цикла много гравюр с изображением храмов Вологодчины: «Ансамбль Кирилло-Белозерского монастыря» (ксилография, 1970), «Кириллов. Церковь Сергия Радонежского» (ксилография, 1968), «Воспоминание о Ферапонтове» (ксилография, 1970) и др.

Образы храмов занимают важное место и в поэзии Рубцова:

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то Божье в земной красоте.
И однажды возникло из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы,
Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты, небывалой досель...
(«Ферапонтово», 1970; II, 91).



«Воспоминание о Ферапонтове». Ксилография (1970)

В этих рубцовских строках слышится не простая констатация факта появления монастыря, а глубинно-душевное осмысление свершившегося на высоком духовно-поэтическом уровне.

Иллюстрации к стихам Н. Рубцова в исполнении В. Сергеева — не простое украшение книги. Художник не просто ее оформитель, а равноправный соавтор.

Мастер гравюры меньше всего стремился просто иллюстрировать то или иное стихотворение поэта, тот или иной эпизод. Все работы художника с невероятной точностью, поэтичностью передают дух и общее настроение поэзии Н. Рубцова.

«В идеале иллюстрация, — отмечает искусствовед А. Ушина, словно музыка, сопровождает литературное произведение, отражает внутреннее настроение автора, а стало быть, и всей книги в целом. Она дополняет образ, создавшийся у читателя на основании

текста, чеканит его, облекает в плоть четкого видения, неясным зримым представлением дает полную наглядность»⁶.

Приведенные слова как нельзя лучше отражают сущность иллюстраций В. Сергеева, которые очень точно и полно раскрывают образы поэзии Н. Рубцова, «дают полную наглядность» ее. Более того, рассматривая ту или иную работу художника, замечаешь, как необычайно затягивает характер поющих линий, композиция, ее составляющие в процессе более тщательного и глубинного восприятия художественного образа. Подобным магнетизмом обладает и поэзия Н. Рубцова – емкая, зрелая, насквозь пропитанная любовью к России и тревогой за ее судьбу:

Россия, Русь – куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!..
(«Видения на холме», 1962; 1, 204–205).

Стихи Н. Рубцова, несомненно, будут читаемы и воспринимаемы, графические работы В. Сергеева будут находить своих зрителей и почитателей, откуда есть и будет Россия, откуда есть и будет русский человек.

Примечания

¹ Рубцов Н. Последний пароход. Стихи. М.: «Современник», 1973.

² Рубцов Н. Подорожники. Стихотворения. М.: «Молодая гвардия», 1976.

³ Рубцов Н. Видения на холме. Стихи, переводы, проза, письма. М.: «Советская Россия», 1990.

⁴ Рубцов Н. Россия, Русь! Храни себя, храни! Стихи, переводы, воспоминания, проза, письма. Вологда: ИЧП «Крис-Кричфалуший», 1991.

⁵ См.: Рубцов Н. Поэтическая Россия. Стихотворения (1953–1971). М.: «Советская Россия», 1977. С. 16.

⁶ Ушина А. Санкт-Петербург в графике. Династия Ушиных. СПб.: LOGOS, 2001. С. 100.

Феномен музеев Николая Рубцова

Настоящим феноменом культурной действительности современной России стало появление большого числа музеев Николая Рубцова.

Первый из рубцовских музеев был открыт в 1996 году в с. Никольском Тотемского района Вологодской области к 60-летию со дня рождения поэта. Сейчас музей располагается в бывшем административном здании детдома; экспозиция посвящена военному детству Рубцова, людям, которые его окружали. Позже открылись музеи при библиотеке им. Н. Рубцова в Санкт-Петербурге, библиотеке им. А. С. Пушкина в Дзержинске Нижегородской обл., при библиотеке № 95 ЮЗАО* г. Москвы, а также в Сургуте, Мурманске, Емецке Архангельской обл. В Вологодской области зарегистрировано пять музеев, посвященных жизни и творчеству Рубцова. Государственные: в Вологде, Тотьме, Николе; общественный – в д. Марково Вологодского района, частный – Н. А. Старицкой и Н. Н. Александрова в Вологде. Исследовательским центром обещает стать открывшийся в 2005 году музей «Литература. Век XX». Кроме того, материалы, связанные с жизнью и творчеством Рубцова, сосредоточены в частных коллекциях. Наиболее полная частная мемориальная коллекция музейного значения принадлежит вологжанину В. С. Белкову. За три десятилетия В. С. Белкову удалось собрать и проанализировать множество вещественных, письменных, динамических и изобразительных источников, имеющих в основном мемориальную и историческую ценность.

Рубцовские фонды вологодских государственных музеев (музея-заповедника, картинной галереи и тотемского музея) составляют более тысячи единиц хранения. Здесь много черновиков, записок, книг с дарственными надписями поэта, подлинных фотографий, писем.

* Юго-западный административный округ.

Все рубцовские музеи (государственные, муниципальные, частные) возникли по инициативе почитателей его творчества, некоторые (в Москве, Вологде, Дзержинске) – на частные пожертвования.

Профиль музеев Н. Рубцова можно определить как литературно-мемориальный.

В традиционном представлении основой существования музея являются фонды, т.е. музейные предметы. Научная, экспозиционная, культурно-образовательная деятельность музея сосредоточена на изучении музейных коллекций и отдельных музейных предметов и памятников. Музеи как научные учреждения занимаются комплектованием, учетом, изучением фондов, научным проектированием экспозиций, изданием каталогов, путеводителей. В культурно-образовательной деятельности музея музейный предмет (экспонат) выступает «посредником» акта коммуникации, передавая информацию от адресанта (экспозиционера) адресату (посетителю) и продуцируя у последнего новые смыслы. Музеи же, посвященные жизни и творчеству Николая Рубцова, базируются скорее на идее, нежели на вещи. Это характерно для американской модели создания музеев, а не для европейской, ориентированной на вещь. Но феномен рубцовских музеев не в сознательном предпочтении модели, а в масштабе всенародного интереса к творчеству поэта, в особенности к его личности, его отношению к жизни.

Трудно представить более «безбытного» человека, чем Рубцов. В материалах следствия по делу об убийстве поражает скромность описываемого интерьера, а также то, что все «вещдоки» (личные вещи, книги, бумаги, постельное белье, одежда) поместились в одной картонной коробке. Набор вещей, окружавших поэта, предельно мал. Поэтому в большинстве музеев Рубцова (за исключением, может быть, только вологодских) представлены прижизненные и последующие издания стихов, воспоминания в печатном и рукописном виде, фотографии (чаще копии) поэта, его родных мест, мест, где он бывал, и совсем немного вещей, имеющих непосредственное отношение к Рубцову. К тому же мемориальность некоторых предметов подтверждается только убежденностью в этом организаторов музея. (Так, М. Суров в книге «Рубцов...» при-

водит курьезный факт: «Почти во всех рубцовских центрах и музеях страны имеются тельняшки поэта. Я насчитал их 14 (! штук)¹). Музеи в Сургуте, Дзержинске не связаны с местами жизни, работы Рубцова, там нет мемориальных предметов. Коллекции собирались как частные и по принципу включения в них «всего, что связано с любимым поэтом». Здесь сохраняются и актуализируются объекты не только материального характера, но и нематериальные формы наследия (изучение литературной среды 50–60-х гг. XX века, особенности личности поэта, его мировосприятие, манера работать и т.п.). Эти музеи входят в Российскую ассоциацию библиотек и музеев Николая Рубцова, участвуют в научных конференциях, пропагандируют творчество Рубцова, т.е. выполняют все социокультурные функции мемориальных музеев, не имея или почти не имея мемориальных предметов. То есть в основе деятельности этих литературно-мемориальных музеев – актуализация нематериальных форм наследия, того, что в зарубежном музееведении получило название *intangible* – неосязаемое. Таких музеев, где сохраняется и изучается не движимый предмет в общепринятом смысле, а иные объекты (среда, ландшафт, фольклор и др.), в мире становится все больше. Возможно, именно они будут в значительной степени определять облик музея XXI века. Уже сегодня лучшие мировые музеи перестали быть трансляторами культуры и стали ее генераторами.

Примечание

¹ Суров М. В. Рубцов. Материалы уголовного дела. неизвестные фотографии. новые свидетельства. Вологда. 2005. С. 357.

Н. Т. Бушенев

Лексические и грамматические повторы в поэтических текстах Николая Рубцова

Даже при беглом знакомстве с творчеством Рубцова обращает на себя внимание то, что в его поэзии часто встречаются повторы.

¹ Повторяются как отдельные слова, так и сочетания слов, вплоть до фрагментов текста.

Пожалуй, нельзя привести хотя бы одно стихотворение Николая Рубцова, в котором не было хотя бы одного случая повторов. Многие же его поэтические тексты чрезвычайно насыщены повторами. Так, по нашим подсчетам, в стихотворении «В горнице» поэт использует 7 повторов, в стихотворении «Журавли» – 16, в стихотворении «Видения на холме» – 20, в стихотворении «Старая дорога» – 23 и т. д.

Причем повторы у Рубцова чрезвычайно разнообразны по самым разным основаниям: по количеству воспроизводимости в тексте одного и того же элемента (2-, 3-, 4... *n*-элементные), по позиции, занимаемой повторяющимися единицами в тексте (чаще всего они дистантные, с разной степенью удаленности в тексте повторяющихся единиц; но у Рубцова не так уж редко встречаются и контактные повторы: *скорей, скорей; плывут, плывут; вот летят, вот летят** и т. п.), по лексической, морфологической, синтаксической характеристике этих единиц, по их функциям в тексте и др.

Возникает как минимум два основных вопроса в отношении повторов в поэзии Рубцова: 1) насколько эти повторы оправданны (аспект нормативной стилистики и культуры речи) и 2) какова роль повторов в создании идиостиля поэта (аспект стилистики художественной речи).

Повторы как лингвистические и стилистические явления понимаются по-разному.

В «Литературном энциклопедическом словаре» под ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева, например, повтор определяется как «основная разновидность стилистических фигур *прибавления*»^{1**}, куда помимо повторов разных видов (словесных и несловесных) включают «*подкрепление*» с синонимическими перечислениями разного рода и «*многосоюзие*»².

В. П. Москвин указывает, что «повторы традиционно подразделяются на стилистически оправданные и стилистически неоправданные (тавтологические)», и при этом замечает, что «тавтологи-

* Здесь и далее выделено мною. – Н. Б.

** Здесь и далее курсив автора словарной статьи.

ческий повтор считается речевой ошибкой»³. Стилистически оправданные повторы В. П. Москвин относит к фигурам «*нарочитой однообразной речи*» (курсив наш. – Н.Б.) и дает развернутые классификации повторов: уровневую, позиционную, количественную и др.⁴

При *широком*^{*} понимании к повторам относят плеоназм и «скрытый повтор» («повтор смысла»), включая сюда текстовую синонимию. В соответствии с такой точкой зрения «повторение делается двумя способами: либо произнесением тех же слов, либо употреблением тех же явлений с помощью других слов»⁵.

В настоящей статье принято узкое понимание повторов и, следовательно, «смысловые повторы» не являются объектом нашего анализа.

Соглашаясь в основном с уровневой классификацией повторов, представленной в исследовании В. П. Москвина, выскажем свои соображения по поводу объема включаемого в состав повторов языкового материала, а также по поводу распределения этого материала по классификационным группам. В уровневой классификации В. П. Москвин все повторы делит на звуковые, морфемные, лексические и синтаксические и, кроме того, рассматривает случаи морфологических повторов и совмещения лексического и синтаксического повторов – при лексико-синтаксическом параллелизме. В наш анализ (в соответствии с заявленной темой статьи) не включены фонетические повторы, а все остальные, на наш взгляд, более логично разделить на лексические и грамматические, имея в виду также промежуточные зоны и зоны совмещения. К лексическим повторам отнесем неоднократное текстовое воспроизведение тех или иных слов знаменательных частей речи в одной и той же форме и с тем же самым значением. Омонимическую рифму, а также каламбуры, основанные на использовании слов-омонимов и разных значений одного и того же слова, считаем целесообразным вынести за пределы собственно лексических повторов.

Весь оставшийся материал отнесем к грамматическим повторам. Среди этих повторов выделим морфологические и синтакси-

^{*} Здесь и далее выделено мною. – Н. Б.

ческие. В свою очередь среди морфологических повторов – морфемные и формообразовательные. Однако морфемные повторы являются собственно морфологическими только тогда, когда в тексте неоднократно воспроизводятся одни и те же служебные морфемы (префиксы, суффиксы, флексии). При неоднократном воспроизведении в тексте корневых морфем следовало бы, очевидно, говорить о совмещенном грамматико-лексическом (точнее, морфолого-лексическом или даже морфемно-лексическом) повторе, который также именуют «частичным».

Формообразовательные повторы могут быть одноформными и неоднотформными. Одноформные повторы В. П. Москвин и называет морфологическими; в таких повторах воспроизводится морфологическая структура слова, но корни обычно бывают разные (*с востока... с заката...*^{*}); собственно такие повторы сводятся к морфемным, флексийным повторам. Неоднотформные повторы по сути своей являются совмещенными – лексико-морфологическими. К ним, в частности, относят такую стилистическую фигуру, как полиптот (повторение слова в разных грамматических формах), так же, как и его разновидность – анноминацию (повтор слова в разных падежных формах)⁶.

К совмещенным лексико-грамматическим (а не собственно лексическим повторам) следовало бы относить неоднократное воспроизведение в тексте одних и тех же слов служебных частей речи, в частности, формирующее такую стилистическую фигуру, как многосоюзие (полисиндетон). Но хорошо известно, что регулярно встречается в текстах и такое явление, как повтор в однородном ряду предлогов («многопредложие») и частиц.

Более значимыми для отображения творческой манеры Н. Рубцова нам представляются собственно лексические и совмещенные лексико-грамматические повторы (лексико-морфологические, лексико-синтаксические, морфемно-лексические и др.), на которые будет обращено особое внимание в нашей статье.

Далее считаем необходимым разграничить в нашем анализе общеязыковые и стилистические функции повторов, с тем чтобы

* Курсив наш. – Н. Б.

отделить факты порождения речи вообще, речи в целом, без ее функционально-стилистической и жанровой дифференциации, и факты речи художественно-ориентированной. Если факты первого рода отображают естественную речь, предопределены структурными возможностями и общими грамматическими правилами того или иного языка, в частности русского (при отсутствии повторов в речи обычно возникают сбои коммуникативного характера), то факты второго рода призваны создавать выразительность речи, усиливать ее действенность. Так, естественны в функционально-смысловом типе речи «описание» повторы существительных и местоимений в позициях подлежащего с целью передать единство темы – как в рамках одного и того же сложного (сложносочиненного и бессоюзного сложного) предложения, так и в разных предложениях в пределах сложного синтаксического целого: *Кто-то стонет на темном кладбище, / Кто-то глухо стучится ко мне. / Кто-то пристально смотрит в жилище, / Показавшись в полном окне* (Зимняя ночь; I, 293).

Неизбежны, предопределены структурой однородных рядов и повторы некоторых союзов, союзных слов в составе простого осложненного, сложносочиненного и сложноподчиненного предложений: *Светлеет грусть, когда цветут цветы, / Когда брожу я многоцветным лугом...* (Зеленые цветы; II, 8).

Трудно назвать виды лексических и грамматических (а также совмещенных в отношении лексики и грамматики) повторов, не встречающиеся в поэзии Рубцова. Поражает и разнообразие частных фигур речи, основанных на повторе, использовавшихся по-этом. Создается впечатление, что он настолько свободно владел всеми богатствами русского языка, что мог даже в «однообразном», в повторах, находить бесчисленное разнообразие, повторять – не повторяясь. Непосвященного читателя чарует магия, необъяснимое, казалось бы, волшебство рубцовских стихов, а «посвященный» читатель – лингвист, литературовед, критик, стихотворец – не может не задуматься, с помощью каких средств мастер слова достигал эффекта поэтического волшебства.

* Здесь и далее курсив наш. – Н. Б.

Рассмотрим некоторые примеры использования Н. Рубцовым повторов в поэтических текстах, стараясь проникнуть в творческую лабораторию поэта. Например, в стихотворении «В глуши»:

Когда душе моей
Сойдет успокоенье
С высоких, после гроз,
Немеркнущих небес,
Когда душе моей
Внушая поклоненье.
Идут стада дремать
Под ивовый навес,
Когда душе моей
Земная веет святость,
И полная река
Несет небесный свет, —
Мне грустно оттого,
Что знаю эту радость
Лишь только я один:
Друзей со мною нет... (1, 197).

Текст стихотворения представляет собой период, по структуре являющийся сложноподчиненным предложением с однородными придаточными частями. Повтор используется в первой части периода, в повышении (до запятой и тире), и предопределен структурными особенностями периода как особой синтаксической конструкции, активно встречающейся в художественной и публицистической речи. На примере приведенного стихотворения видно, что Рубцов хорошо освоил особенности данной конструкции и блестяще использовал их в целях придания выразительности стихотворной речи. В анализируемом тексте лишь один случай повтора. По степени воспроизводимости повторяющейся единицы повтор 3-элементный (*когда... когда... когда*). Повтор является совмещенным, лексико-грамматическим. В лексическом аспекте повтор 3-лексемный (повторяющиеся слова образуют блок из 3 единиц). Но поскольку первое слово в блоке представляет собой союз, то повтор одновременно является грамматическим (слово *когда* с позиции морфологии определяется как союз, а с позиции синтаксиса — как средство связи частей сложноподчиненного предложения). Весь блок в синтаксическом аспекте может быть

рассмотрен как фрагмент («осколок») придаточной части сложного подчиненного предложения со значением времени. Попутно заметим, что блок повторяющихся слов занимает при каждом своем воспроизведении начальную, анафорическую позицию и, с одной стороны, выводит повторяющиеся слова на уровень ключевых слов текста, а с другой стороны, участвует в звуковой организации стиха (создается своего рода тавтологическая внутренняя рифма).

В стихотворении «Промчалась твоя пора!» встречается семь случаев повторов, весьма разнообразных по своим языковым характеристикам и функциям:

Пасха
 под синим небом.
С колоколами и сладким хлебом.
С гульбой посреди двора.
Промчалась твоя пора!
Садились ласточки на карниз.
Взвивались ласточки в высоту...
Но твой отвергнутый фанатизм
Увлеч с собою
 и красоту.
О чем рыдают, о чем поют
Твои последние колокола?
Тому, что было, не воздают
И не горюют, что ты была.
Пасха
 под синим небом.
С колоколами и сладким хлебом.
С гульбой посреди двора.
Промчалась твоя пора!.. (I, 260).

1-й случай повтора – повторяются четыре первые и четыре последние строчки стихотворения – представляет собой 2-элементный лексико-синтаксический повтор. Повтор организован по принципу кольца и представляет собой не что иное, как рефрен. Не удивительно поэтому, что стихотворный текст воспринимается как песня, в нем явно слышится мелодия, текст просится на музыку (может, с перспективой песенного воплощения данный текст и создавался?).

2-й случай повтора встречается в составе первого, уже проанализированного словесного блока: *с колоколами... хлебом, с гуль-*

бой... * Повтор 3-элементный, морфологический – воспроизводится морфологическая форма существительных (творительный падеж). Функция повтора не стилистическая, а общеязыковая: он используется как средство организации однородного ряда (следовательно, среди общеязыковых функций он выполняет функцию синтаксическую).

3-й случай повтора вычленяется из только что проанализированного нами морфологического повтора: с... с. Повтор 2-элементный, лексико-грамматический, так как повторяющиеся слова являются предлогами, а предлоги в морфологическом отношении характеризуются как особая часть речи, повтор же их выполняет синтаксическую функцию, являясь средством выражения однородности членов предложения.

4-й случай повтора (*промчалась твоя пора!*) представляет собой соотношение текста и заголовка: одна из строчек текста, кстати, также повторяющаяся (дважды встречающаяся в тексте), выносится в заголовок и воспринимается в этом случае как ключевая фраза; повтор в целом оказывается 3-элементным, лексико-синтаксическим. Заголовок и последняя строчка текста образуют к тому же кольцо, что, несомненно, усиливает восприятие анализируемых слов, составляющих повтор, как ключевых.

5-й случай повтора (*твоя... твоя... твои... твои... твоя*) следует отнести к повторам лексико-морфологическим. Повтор 5-элементный, значимость притяжательного местоимения 2-го лица «твой», использованного в различных морфологических формах, создающего персонификацию тем неодушевленным предметам, которые определяет анализируемое местоимение-прилагательное, подчеркивается многократным повтором.

6-й случай повтора – двукратное использование существительного *ласточки* в составе предикативных частей бессоюзного сложного предложения, построенных по принципу синтаксического параллелизма, – не только участвует в звуковой организации стихотворения, но и помогает более наглядно представить описы-

* Здесь и далее курсив наш. – Н. Б.

ваемые автором ситуации как отдельные кадры поэтической «съемки».

7-й случай повтора – двукратное использование местоименно-падежной формы *о чем* – усиливает значимость вопросительных слов в составе риторического вопроса, содержит стремление передать читателю мучительность авторских раздумий об утрате народных христианских и народных праздничных традиций.

Совершенно иное назначение многократного лексического повтора в одном из ранних стихотворений Н. Рубцова «Разлад»:

Мы встретились
У мельничной запруды.
И я ей сразу
Прямо все сказал!*
– Кому, – сказал, –
Нужны твои причуды?
Зачем, – сказал, –
Ходила на вокзал?

Она сказала:
– Я не виновата.
– Ответь, – сказал я, –
Кто же виноват?
Она сказала:
– Я встречала брата.
– Ха-ха, – сказал я, –
Разве это брат?

В моих мозгах
Чего-то не хватало:
Махнув на все,
Я начал хохотать.
Я хохотал.
И эхо хохотало.
И грохотала
Мельничная гать.

Она сказала:
– Ты чего хохочешь?
– Хочу, – сказал я, –
Вот и хохочу! –
Она сказала:

* Здесь и далее курсив наш. – Н. Б.

— Мало ли что хочешь!
Я это слушать
Больше не хочу!

Конечно, я ничуть
Не напугался,
Как всякий,
Кто ни в чем не виноват,
И зря в ту ночь
Пылал и трепыхался
В конце безлюдной улицы
Закат... (I, 153–154).

В этом сравнительно небольшом стихотворении 10 (!) раз используется глагол речи *сказать*, причем лишь в двух формах прошедшего времени — мужского и женского рода (соответственно 7 раз и 3 раза).

Совершенно ясно, что столь намеренно частое повторение указанного слова служит в первую очередь созданию речевого портрета героя этого сюжетного стихотворения, от лица которого — простоватого и, очевидно, малообразованного деревенского парня — и ведется повествование. С помощью весьма незамысловатой стилизации под народную речь (далеко не лучших его представителей) автор старается показать крайнюю бедность лексического запаса своего незадачливого персонажа. Создается впечатление, что из глаголов, вводящих чужую речь, парень знает только один — *сказать*, самый примитивный по своему содержанию. В одном лишь случае вместо по инерции ожидаемого *скажи* появляется *ответ*, и то, может быть, из-за авторского желания избежать неблагозвучия («скажи, — сказал я»).

Кроме повтора глагола *сказать*, в стихотворении встречается еще несколько случаев повторов, выполняющих, впрочем, ту же функцию речевой характеристики героя и героини, также простой деревенской девушки. Это следующие повторы: *я* (используется 10 раз), *она* (4 раза), *виновата... виноват... виноват* (3 раза), *брат... брат* (2 раза), *хохотать... хохотал... хохотало... хохочешь... хохочу* (5 раз), *хочу... хочешь... не хочу* (3 раза). В стихотворении имеется также контактный повтор (редупликация) в составе междометия *ха-ха*. Это междометие входит в сферу разговорной речи,

а кроме того, в словообразовательном плане соотносится с глаголом *хохотать*, вследствие чего усиливает значимость повтора этого глагола.

Подводя пока еще предварительные итоги анализа повторов в стихотворных текстах Н. Рубцова, можно сказать, что поэт был и старательным учеником, глубоко проникшим в сущность родного языка, освоившим его разнообразные средства; учеником, опирающимся и на народные поэтические традиции, и на образцы многих мастеров русского поэтического слова, и вдохновенным, но не бездумным экспериментатором, тонко чувствующим язык, в высокой степени обладающим чувством меры, умеющим координировать языковые средства для создания гармоничных художественных образов в составе поэтических текстов, различных по тематике и жанровой направленности.

Примечания

¹ Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия. 1987. С. 283.

² Там же. С. 466.

³ Москвин В. П. Стилистика русского языка: Теоретический курс. Изд. 4-е, перераб. и доп. Ростов н/Д: Феникс. 2006. С. 404.

⁴ Там же. С. 404–436.

⁵ Лами Б. Риторика. или искусство речи. С. 140. Цитируется по: Москвин В. П. Стилистика русского языка: Теоретический курс... С. 405.

⁶ Москвин В. П. Указ. работа. С. 423–424.

Т. В. Семенова

Эстетическая ценность функционирования атрибутивных именных сочетаний в поэтических текстах Н. Рубцова

Атрибутивные именные сочетания, соответствующие модели «прилагательное + существительное», выступают в текстах как цельные единицы и выполняют две основные функции: сообщения, или номинативную, и, являясь эмотивно отмеченными, «воздействуют», то есть создают определенный художественный образ¹.

Богатство лексико-семантической природы атрибутивного сочетания заключается в семантическом богатстве его компонентов. Поэтому, исследуя данные единицы как средство создания художественного образа в поэтических текстах Н. Рубцова, мы рассматриваем прежде всего опорное слово сочетания – имя существительное – с точки зрения понятийной отнесенности, частотности и сочетательной активности, что дает представление о тех предметах и явлениях действительности, которые стали основой реального и языкового мира поэта.

Имена существительные, отобранные нами для анализа, с точки зрения понятийной отнесенности делятся на две зоны. Первая зона объединяет имена существительные, обозначающие предметы окружающего мира, видимые и ощутимые, то есть все то, что относится к миру природы, вещей. Условно эта понятийная зона названа *полем природы* (здесь и далее выделено нами. – Т. С.). Вторая зона связана с *полем человека*. Имена существительные, входящие в нее, обозначают человека как живое существо, а также психические, интеллектуальные, социальные явления, процессы, состояния.

В результате соответствующих вычислительных процедур выявлено, что атрибутивные сочетания, в которых опорные слова принадлежат понятийному *полю природы*, вещей, представлены в наименьшем количестве употребленных лексем, но отличаются более высокой частотностью, в то время как *мир человека*, выраженный в субстантивированных лексемах изучаемых сочетаний, более многообразен, но частотность имен существительных снижается в два раза. Таким образом, соотношение того и другого *полей* в языке поэзии Н. Рубцова почти уравновешено, что уже может свидетельствовать о гармоничности поэтического языка.

Аспекты изучения атрибутивного именного сочетания многочисленны. Рассмотрим один из них: определение эстетической ценности качественного переосмысления относительного прилагательного и выявление его стилистической функции в конкретном художественном тексте.

В языке поэзии Н. Рубцова генетически относительные имена прилагательные с предметной основой представлены широко: из

496 прилагательных, входящих в атрибутивные сочетания, 25 % обозначают признак через отношение к какому-либо одушевленному или неодушевленному предмету. Некоторые из них отмечены высокой частотностью: осенний (26), русский (22), ночной (21), морской (17), лесной (13) и т. д.

Минимальный контекст, каким является двусловное атрибутивное сочетание, для большинства подобных имен прилагательных не является достаточным для выявления их функции в тексте. Только на фоне всей ткани стиха можно, с одной стороны, определить роль относительных прилагательных в тексте и, с другой стороны, выявить их художественную ценность в поэзии Н. Рубцова.

Проиллюстрируем эту мысль несколькими конкретными примерами:

1. Аспидное небо:

А ночью под *аспидным* небом*
В томительных сумерках юга
Груженные спиртом и хлебом
Суда окликают друг друга...
(«Волнуется южное море»; II, 17).

2. Оловянное небо:

Прошел октябрь. Пустынно за овином.
Звенит снежок в траве обледелой.
И глохнет жизнь под *небом оловянным*...
(«Осенние этюды»; I, 273).

Эти сочетания интересны не только тем, что благодаря денотативному сходству сочетающихся слов указывают на конкретный цветовой признак (черно-серый и светло-серый), но и тем, что, будучи контекстуально обусловленными, создают определенный поэтический образ.

Связь между предметами мысли, заключенными в прилагательном «аспидный» (относящийся к слоистому минералу черного цвета) с существительным «небо», на первый взгляд кажется неестественной и непривычной. Но прилагательное «аспидный» в дан-

* Здесь и далее выделено нами. — Т. С.

ко скована льдом, полыньи скрыты под снегом, а вода ледяная. Таким образом, на данном участке текста сочетание «полынные воды» можно считать логическим определением. Но функции его расширяются в масштабе всего текста. Прилагательное «полынный» не отмечено экспрессивностью, но, неся определенную информацию, это сочетание принимает участие в создании эмоционального образа праздника, юности, безоглядности, стремительности, которым проникнута вся приведенная часть стихотворения «У размытой дороги». В этом смысле относительное прилагательное в поэтическом тексте звучит в гармонии с другими изобразительными средствами создания эмоционального облика поэтического произведения: композиции, синтаксической и ритмической организации, мелодики и т.п.

4. Пугачевские степи:

Не порвать мне житейские цепи.
Не умчаться, глазами горя.
В пугачевские вольные степи,^{*}
Где гуляла душа бунтаря.
(«Посвящение другу»: II, 18).

Это элиминированное атрибутивное сочетание, появившееся в результате устранения предиката, опрошения сложной синтаксической конструкции (пугачевская степь – это степь, в которой... и т. д.). Так, в основе наименования лежит целое сложное понятие, но в данном тексте оно эксплицитно развернуто. Связь с денотатом/сигнификатом, лежащим в основе прилагательного, обнаруживается легко не только благодаря воспроизводимости этого понятия в сознании каждого русского человека, но и с помощью контекста: горя глазами, бунтарь, гулять, вольный. В тексте постепенно предстает перед нами не только смысловая, но и эмоционально-эстетическая значимость прилагательного «пугачевский». Будучи транспонированным в такой контекст, относительное прилагательное как бы впитывает качественность, исходящую от его словесного окружения, но и само, обладая высокой информативностью, делает поэтический образ емким и точным.

^{*} Курсив наш. – Т. С.

Важным становится вопрос о типологии атрибутивных именных сочетаний с точки зрения тех функций, которые выполняет определение как выразитель отношений между субстанцией и признаком.

Рассматривая атрибутивные сочетания в поэзии Н. Рубцова с точки зрения характера определения, мы предлагаем такую классификацию:

- терминологические определения (выявлены в 14 % сочетаний). Характеристический потенциал этих определений минимален, выражены они в основном относительными и притяжательными прилагательными, потенциальная качественность которых не может быть выражена в сочетании: детские годы, судоходная река, левый берег и т. п.);

- логические определения (выявлены в 30 % сочетаний). Обозначают признак, непосредственно направленный на предмет, т.е. присущий самому предмету: темная волна, крупная слеза, старый конь и т.п.);

- языковые эпитеты (выявлены в 13 % сочетаний). Это определения, называющие признак на основе переносного значения прилагательного, оно воспроизводимо в речи, зафиксировано словами: сладкая песня, светлая душа и т.п.);

- оценочные эпитеты (выявлены в 19 % сочетаний). Собственно оценочное значение можно рассматривать как наиболее обобщенное и абстрактное значение прилагательного, имеющее к тому же и наибольшую субъективность: дивное счастье, чудный месяц;

- окказиональные эпитеты (выявлены в 24 % сочетаний). Это речевые определения, выражающие значения, метафорически переосмысленные и присущие только языку поэта: молчаливый восторг, допотопный ужас, укромный край, гнетущая высь и т.п.

Следует учесть, что границы между указанными группами сочетаний подвижны. Многие относительные прилагательные в определенном контексте могут приобретать качественное значение и использоваться таким образом как характеризующее определение, перемещаясь при этом из группы терминологической сразу в «эпитетную» группу. Уловить грань, на которой происходит такое перемещение, сложно и зачастую в контексте двусловного сочета-

ния невозможно. Поэтому даже такие сочетания, как «пасхальные дни», «архангельский дождик», «вологодское поле» в ткани стихотворения если не становятся полностью качественными, то приобретают некий эпитетный оттенок:

Только знаю: потянет на Русь!
Так потянет, что я поневоле
Разрыдаюсь, когда опущусь
На свое *вологодское поле*...
(«На злобу дня»: II, 188).

Лишь в контексте становится понятным, что «вологодское» означает родное, дорогое сердцу. Так появляется коннотативный оттенок, и терминологическое сочетание становится эмоциональным центром строфы.

Имена прилагательные, сохраняющие свое прямое значение (как терминологические, так и логические по нашей классификации), конечно, нельзя отнести к тропам, но в художественном тексте они могут получить дополнительную эстетическую нагрузку и стать эпитетом (в широком понимании термина) – сильным изобразительным средством.

Природа эпитета сложна, здесь взаимодействуют языковые, стилистические и психологические факторы. Помимо контекстного фактора, влияющего на характер определения, в процессе превращения логического определения в эстетически ценную категорию – эпитет, мы должны также учитывать характер семантического взаимовлияния вступающих в сочетание слов. Рассмотрим, например, следующий стихотворный фрагмент:

В *черной бездне* (курсив наш. – Т. С.)
Большая Медведица
Так сверкает!..
(«Гололедица»: II, 65).

В семантической структуре существительного «бездна» есть сема «беспределность», то есть непостижимость, и, сочетаясь с прилагательным «черный», обозначающим конкретный цветовой

* Курсив наш. – Т. С.

признак, образуемая при этом языковая единица – сочетание «черная бездна» – несет двойную нагрузку, а именно: передает цвет ночного неба и характеризует состояние человека перед этой беспредельностью и непостижимостью. Так самое обычное слово, употребленное в прямом значении, сочетаясь с существительным, как бы впитывает в себя его семы и приобретает тем самым особую выразительность и изобразительную силу.

Нами замечен характерный механизм переноса значений в поэтических текстах Н. Рубцова. Метафоризация в зоне «природа» происходит в основном за счет так называемой «интеллективной лексики» (тоскливая осина, яростный ветер, горестная тень), и, наоборот, метафорически переосмысленное значение в понятийной зоне «человек» появляется на основании переноса прямых значений признаков, присущих предметам материального мира природы, вещей (тихое сердце, горькая грусть, глухой покой, жгучая тайна). Соответствующим образом переосмысленные значения присущи 38 % «эпитетных» сочетаний, используемых для описания природы, 21 % таких же сочетаний функционирует в понятийном поле «человек».

Выведенная закономерность является особенностью поэтики Н. Рубцова и даже подтверждается некоторыми биографическими данными. Так, в письме Александру Яшину от 22 августа 1964 г. Н. Рубцов замечает: «Здесь за полтора месяца написал **около сорока стихотворений***. В основном о природе... Но написал по-другому, как мне кажется. Предпочитал использовать слова только духовного, эмоционально-образного содержания, **которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас**» (III, 315).

Следовательно, некая наблюдаемая нарочитость в преобладании подобных определений в лирических текстах о природе продиктована, возможно, сознательным убеждением и стремлением к этому самого поэта.

Подведем итог.

* Здесь и далее в тексте письма выделено Н. М. Рубцовым. – *Прим. ред.*

1. Обилие логических и терминологических определений в поэтических текстах Н. Рубцова вовсе не говорит о некой упрощенности его поэзии. Образность в этом случае создается не посредством метафоризации, а логической сочетаемостью и особого рода эмоциональным переосмыслением значений слов, входящих в сочетание.

2. Относительные прилагательные, широко представленные в языке поэзии Н. Рубцова, будучи внесены в ткань поэтической речи, активно приобретают черты качественных и являются мощным средством создания поэтического образа.

3. Стилистическая функция относительных прилагательных выражается в следующем:

- синтезированный признак, лежащий в основе атрибутивного сочетания, вызывает ассоциации, порой необычные, и тогда, в результате переноса значений, возникает метафорический эпитет – яркое стилистическое средство;

- оставаясь логическим определением, относительное прилагательное в широком контексте стихотворения способно влиять на его эмоциональный строй. Такое сочетание несет не только мысль, но и эмоцию, что также стилистически значимо;

- сочетания с относительными прилагательными, благодаря их природе, заключают информацию о разных вещах, тем самым привносят в содержание произведения дополнительную информацию и делают это сжато, часто элиминируя целые высказывания. В результате возникает максимально уплотненная фраза, сохраняющая исходное значение и обогащенная новым содержанием, теми ассоциациями, которые предлагаются текстом. Стилистически это чрезвычайно важно для поэзии как литературы малых форм и жанров.

Примечание

¹ См. по данной проблеме: *Винокур Г. О.* Понятие поэтического языка // Избранные работы по русскому языку. М., 1959; *Горбачевич К. С.* Язык неистощим в соединении слов // *Русская речь*. 1973. № 4. С. 3–8; *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Л., 1928; *Тер-Минасова С. Г.* Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М.: Высш. шк., 1981.

ВОСПОМИНАНИЯ О Н. РУБЦОВЕ И «ТИХОЙ РОДИНЕ» ПОЭТА

А. Е. Новиков

Рубцов и Череповец

Русский поэт Николай Михайлович Рубцов (1936–1971) родился 3 января 1936 года в селе Емецк Архангельской области. Но подлинной духовной родиной поэта стала Вологодская земля: село Никольское Тотемского района («деревня Никола»), где прошло детство Н. Рубцова, город Тотьма, где он учился в лесотехническом техникуме, и Вологда, с которой были связаны последние годы жизни поэта. Промышленный Череповец, казалось бы, никакой существенной роли в жизни Н. Рубцова не играл. Разве что огнедышащие трубы и другие «прелести» металлургического пейзажа постоянно возникали на пути Н. Рубцова во время его неоднократных поездок в город на Неве...

Однако в Череповце и до настоящего времени проживает родная сестра поэта – Галина Михайловна Шведова (Рубцова), у которой шестнадцатилетний Коля Рубцов гостил еще в начале 1950-х годов, а потом уже зрелым поэтом жил несколько дней в 1969 году. Н. Рубцов неоднократно приезжал в Череповец во второй половине 1960-х годов: выступать на областном телевидении и записываться на радио, привозил свои стихи в редакцию череповецкой газеты «Коммунист» (ныне «Речь»)¹. Здесь он бывал в гостях у череповецких поэтов и прозаиков: Леонида Беляева и Галины Березиной, Валентина Маринова и Вениамина Шарыпова. И сегодня в Череповце живут многие, близко знавшие поэта, друзья и знакомые Н. Рубцова – Иван Алексеевич Серков и Александр Александрович Тихомиров, Евгения Павловна Буняк (Романова) и Антонина Александровна Силинская (Шевелева), Александр Хачатурович Рулев-Хачатрян и Михаил Михайлович Ганичев, Лидия Сергеевна Беляева и Римма Сергеевна Минина, Михаил Иванович Котов и Борис Николаевич Середкин, Александр Евгеньевич Брагин и Борис Константинович Ромодин, Николай Александрович

вич Рассохин и Александр Васильевич Кругликов, Василий Николаевич Кузьмин и Анатолий Васильевич Белуничев, Тамара Андреевна Лукоянова и Зинаида Манжели... А список череповецких адресов Николая Михайловича, составленный выпускницей средней школы № 9 Инной Михеевой (ныне – студенткой ЧГУ), включает 22 наименования² (причем ряд из этих адресов имеет мемориальный характер, то есть непосредственно связан с пребыванием Рубцова).

Хотя и называл Рубцов Череповец «ужасным городом»³, но был с ним тесно связан при жизни... И после смерти поэт не был забыт на череповецкой земле. Так, создателем, пожалуй, лучших иллюстраций к произведениям Н. Рубцова⁴ считается череповецкий мастер, заслуженный художник России и лучший график Вологодчины⁵ Владислав Александрович Сергеев (он оформил рубцовские сборники «Последний пароход», 1973; «Подорожники», 1975 (переиздан с дополнениями в 1985 г.); «Видения на холме», 1990; «Россия, Русь! Храни себя, храни!», 1991). Художник не только сумел в своих иллюстрациях тонко почувствовать и талантливо



Ученик 10 класса школы № 8 А. Новиков в спектакле «Тихая моя родина».

Фото Н.И. Викторова

передать взволнованный, напряженный характер образного мира поэта, но и явился автором одного из лучших портретов Рубцова (Портрет поэта Н. Рубцова. 1985 г.). По мнению В. И. Белова, «никто, кроме Сергеева, не добился такого точного сходства, такой характерной для Рубцова беззащитности и душевной лиричности»⁶.

В апреле 1977 года впервые в стране на сцене череповецкого Дворца культуры металлургов народным театром под руководством режиссера Равика Михайловича Смирнова была осуществлена по-

становка поэтического спектакля «Тихая моя родина» по творчеству Н. Рубцова. Премьера спектакля стала заметным явлением в культурной жизни города. Причем, как отмечал рецензент, «театру удалось самое главное – передать нам, слушателям и зрителям, [...] взволнованность лирики поэта»⁷. «... работа самостоятельного театра, – отмечала также И. Дука, – вызывает волнение, радостное волнение, и после него рука тянется к томикам со стихами Рубцова»⁸.

Работа театра над спектаклем «Тихая моя родина...», продолжавшаяся в течение полутора лет, стала для коллектива настоящей школой поэтического анализа, осмысления своеобразия рубцовской лирики и особенностей высокой поэзии вообще. Художественное оформление спектакля выполнил череповецкий мастер Евгений Иванович Мартышев (ныне – член Союза художников России). Рубцовская тема нашла продолжение в творчестве художника и в дальнейшем. Побывав на родине Н. Рубцова, в селе Никольском, Е. И. Мартышев создал несколько портретов поэта, а в серии пейзажных картин отразил «многоликий и многосмысловой образ той самой тихой родины, певцом которой был Николай Рубцов»⁹.

Рубцовские мотивы нашли отражение и в творчестве Дмитрия Владимировича Медведева, Валентина Алексеевича Шагинова, Владимира Викторовича Паскина и других череповецких художников.

В 90-е годы прошлого века известный ученый, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Гуманитарного института ЧГУ, доктор филологических наук Михаил Иванович Сидоренко (1935–2000) составил уникальный «Словарь языка и рифм Н. М. Рубцова», осуществить издание которого удалось только к 70-летию поэта, в декабре 2005 года¹⁰. В «Словаре языка и рифм поэзии Н. Рубцова» анализируются частотность употребления, функционально стилистические особенности, семантическое и грамматическое своеобразие используемых поэтом языковых единиц, содержится перечень основных рубцовских рифм, расположенных в алфавитном порядке¹¹.



Спектакль народного театра ДКМ «Тихая моя родина». Сцена «Проводы на войну». В центре – Р. М. Смирнов. Фото Н. И. Викторова



Спектакль народного театра ДКМ «Тихая моя родина». Слева – Т. Оконечникова (Семенова). Фото Н. И. Викторова

В 1993 году в Вологде на конкурсе проектов памятника Н. Рубцову лучшими были признаны работы череповецкого скульптора А. М. Шебунина (автором были представлены на конкурс три варианта проекта). На основании одной из работ Александр Михайлович создал памятник Н. Рубцову, установленный в областном центре на берегу реки Вологды, возле Петровского домика¹². Открытие памятника состоялось 26 июня 1998 года.



Памятник Н. М. Рубцову в Вологде. Скульптор А. М. Шебунин

А в ноябре этого же года у здания Череповецкого государственного университета (Советский проспект, 8) и мемориального дома-музея В. В. Верещагина появился бюст поэта, созданный Александром Михайловичем и подаренный им городу¹³. Рубцовский скверик стал излюбленным местом встречи поклонников поэзии Н. Рубцова и череповецких поэтов. Здесь звучат стихи великого русского поэта и местных авторов, искренне почитающих Н. Рубцова – Александра Пошехонова и Андрея Широглазова, Сергея Созина и Николая Кузнецова, Николая Бушенева и Галины Констанской, Зои Марченко и Геннадия Мальцева...

О музыкальности стихов Н. Рубцова сказано и написано уже немало¹⁴, не случайно поэтому образы его поэзии находят воплощение и в творчестве череповецких исполнителей и сочинителей музыки. Авторами песен на стихи Рубцова являются Юрий Курсаков и Николай Цветков, Наталья Балахонова и Сергей Дмитриев... А преподаватель детской школы искусств Татьяна Дурнова написала даже по произведениям Рубцова фантазию для оркестра, чтеца и солистов «Вечен час прощальный». Музыкальные произведения на стихи Н. Рубцова входят и в репертуар многих творческих коллективов и исполнителей Череповца: молодежного русского оркестра Григория Хинского, вокального ансамбля «Кантилена» (руководитель Тамара Александровна Медведева), детско-юношеского хора Воскресенского Архиерейского подворья (регент Ирина Леонидовна Николаева), молодежного ансамбля «Ива» (Наталья Балахонова, Екатерина и Наталья Долговы, Светлана Никитина), солистов Галины Ломакиной, Натальи Бауловой. Ирины Селюниной, Ирины Розовой, баяниста Владимира Чашина...

В 2004 году при череповецком городском Доме знаний образовался литературно-краеведческий клуб «Госпожа Провинция». Сначала им руководила Надежда Леонидовна Деревягина, а с 2007 г. клуб возглавила Лидия Сергеевна Беляева. Участники клуба (Вера Владимировна Попова, Антонина Алексеевна Чумеева, Зинаида Степановна Лелянова, Тамара Тимофеевна Савченко и др.) занимаются проведением рубцовских вечеров, сбором материалов и воспоминаний о жизни и творчестве поэта, проводят

рубцовские уроки в школах города, организуют конкурсы чтецов¹⁵ ... А в апреле 2007 г. «Госпожой Провинцией» был выпущен первый номер газеты «Рубцовский вестник»¹⁶.

6 апреля 2006 года в Череповце в рамках кинопроекта «Звезда рубцова светит всем» прошли съемки фильма «Поэт Николай Рубцов» (руководитель проекта Марина Евгеньевна Барышева, режиссер Дмитрий Чернецов, оператор Михаил Макаров). В съемках приняли участие сестра Н. Рубцова Г. М. Шведова, бывшие детдомовцы, с которыми воспитывался поэт в никольском детдоме (все они – члены клуба «Госпожа Провинция»), многие из тех, кто встречался с ним в Череповце¹⁷. 15 сентября этого же года в Доме музыки и кино состоялась премьера нового фильма о Рубцове¹⁸, на которой присутствовали его дочь Елена Николаевна Рубцова¹⁹ и внучка поэта Аня (Е. Н. Рубцова, кстати, не редкий гость в Череповце).

14–15 сентября 2007 г. в Вологде на традиционной «Рубцовской осени» вновь собрались почитатели таланта Н. Рубцова. Исследователь творчества поэта из Череповца Леонид Николаевич Вересов в своем сообщении представил видеоматериалы с выступлением Н. Рубцова на писательском семинаре в Вологде, найденные им в архивах Череповца и Вологды. Череповчанка Г. М. Березина, лично знавшая поэта, выступила с рубцовской песней «Морошка»²⁰ ...

Череповецкая Рубцовиана продолжается.

Примечания

¹ По разысканиям И. Н. Михеевой, «Н. М. Рубцов бывал в Череповце не менее 10 раз» (см.: *Михеева И. Н.* Череповецкие адреса Н. М. Рубцова (страницы воспоминаний о поэте). (Рукопись). Череповец, 2007. С. 16).

² См.: *Михеева И. Н.* Череповецкие адреса Н. М. Рубцова... С. 17–19.

³ На сборнике «Звезда полей» (М., 1967), подаренном Н. Рубцовым во время пребывания в Череповце Л. Беляеву, поэт оставил следующую надпись: «Славному Лене Беляеву на память о встрече в ужасном городе. 28. IV. 67 г.» (Цит. по: *Михеева И. Н.* Череповецкие адреса Н. М. Рубцова... С. 36).

⁴ По словам И. Балашовой, «В. Сергеев стал лучшим иллюстратором вологодских поэтов, в особенности Н. Рубцова» (*Балашова И.* Художники Череповца.

Встреча вторая: Графическая традиция // Красный Север. 2007. 13 сентября. № 107 (26033). С. 14).

⁵ Белов В. И. Размышления на тему эстетики // Владислав Сергеев. Альбом. Каталог. Вологда. 1998. С. 3.

⁶ Белов В. И. Размышления на тему эстетики... С. 3.

⁷ Дука И. «Тихая моя родина...» Поэтический спектакль в народном театре // Коммунист. 1977. 28 мая. С. 3.

⁸ Дука И. «Тихая моя родина...» // Коммунист. 1977. 28 мая. С. 3. См. также: Новиков А. Е. Поэзия Николая Рубцова на сцене Череповецкого народного театра // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда. 1999. С. 425 – 434; Поэтический спектакль «Тихая моя родина...» в Череповце (интервью с актером народного театра ДКМ А. Е. Новиковым). Подготовил А. Русанов // Автограф. Литературно-художественный журнал. Вологда. 2000. № 8. С. 28–32.

⁹ Васнецова Т. Художник – к юбилею поэта // Голос Череповца. 2006. 17 января. №2 (1264). С. 21.

¹⁰ Сидоренко М. И. Словарь языка и рифм поэзии Н. Рубцова. Череповец. 2005.

¹¹ См.: Решеткин А. Уникальное издание // Университет. Газета Череповецкого государственного университета. 2006. Январь. № 1 (31). С. 2.

¹² См.: Костина М. «Делай, как я!» // Речь. 1998. 27 июня. № 118 (19822). С. 1.

¹³ См.: Кораблев В. Шебунин подарил городу памятник Рубцову // Голос Череповца. 1998. 16 ноября. № 90 (615). С. 1.

¹⁴ См., например: Калугин В. Песенное чудо Николая Рубцова // Рубцов Н. М. Песни и романсы. М., 2006. С. 5–19.

¹⁵ Рубцовский вестник. Газета литературно-краеведческого клуба «Госпожа Провинция». МДОУ «Дом знаний» г. Череповца. 2007. Апрель. № 1.

¹⁶ О деятельности клуба «Госпожа Провинция» см.: Новиков А. Е. «Он был умным, тихим мальчиком...» (Рубцовский вечер в Череповце) // Автограф. Литературно-художественный журнал. Вологда. 2005. № 39. С. 17–18; Кириллов А. Пропитан зал поэзией Рубцова // Сельская новь. 2006. 24 января. № 8 (6375). С. 4; Деревягина, Чумеева, Посахова и др. О Рубцове – искренно и правдиво // Речь. 2006. 26 июля. № 137 (21804). С. 4.

¹⁷ Чумеева А. А. О съемках фильма и поездке в Николу // Рубцовский вестник. 2007. Апрель. № 1. С. 4.

¹⁸ См.: Виноградов С. Кино без героя // Речь. 2006. 19 сентября. № 176 (21843). С. 3.

¹⁹ Виноградов С. Дочь Рубцова, мать Рубцова. Елена Рубцова рассказывает об отце и сыне // Речь. 2006. 19 сентября. № 176 (21843). С. 3.

²⁰ Чумеева А. А. Рубцов объединяет // Речь. 2007. 26 сентября. № 182 (22097). С. 4.

Трудное детство
(Воспоминания о брате Николае и нашей семье)¹

Родился Коля в Архангельской области в селе Емецкое (пос. Емецк) 3 января 1936 года. Мне было тогда шесть лет, я стояла у окна и помню, как маму привезли с ребенком на машине. Папа нес Колю на руках, а мама шла рядом. Мальчик был черноглазый, всем соседям понравился, и все брали его с рук на руки. Он мало плакал и все больше спал. Глаза его были как звезды.

Семья наша была большая: пятеро детей и папа с мамой, всего, значит, семь человек. Самая старшая – Надя, 1924 года рождения, я (Галина) – 1928 г., Алик – 1932 г., Коля – 1936 г., Боря – 1937 г.

Папа был очень интересный мужчина: чернобровый, черноглазый, с кудрявой шевелюрой. Кончил партийную школу, не один раз бывал на курсах повышения. Он ведь всего два класса окончил, а работал начальником ОРСа. Не один раз ездил в дом отдыха, в санаторий.

У мамы были темные глаза, волосы русые. Она не была такой худенькой, как я и Коля, но была она хорошей, приглядной женщиной, невысокого роста. Для меня лучше ее и нет.

Портрет мамы нашей я потеряла. У нас даже ее маленькой фотографии нет. В музеях везде фотографии папы.

* Галина Михайловна Шведова (Рубцова) – родная сестра Николая Рубцова, великого русского поэта, нашего земляка, так страстно в своих стихах завещавшего нам любить родной край, Русь.

Галина Михайловна живет в нашем городе давно, с начала 1950-х годов (с перерывом на несколько лет). Она поразительно похожа на брата и, кажется, не только внешне. Небольшого роста, худощавая и складненькая, она эмоциональна и доверчива, любит в людях честность. Как и все члены семьи Рубцовых, Г. М. Рубцова талантлива. У нее даже сейчас, в ее уже немолодые годы, – красивый и сильный голос, с природной постановкой, прекрасный слух.

У Галины Михайловны цепкая память, и она помнит многое из того, что было с ней и ее братом в раннем детстве.

И отец, и мать очень любили петь, причем мама чаще подпевала отцу. Папа часто пел под гармошку. Он очень любил песни петь и рассказывал много анекдотов. Анекдоты были шуточные, но не вульгарные. Папа был развитой человек, а мама скромнее была. Трижды избирали отца секретарем партийной организации. Он не разрешал маме ходить в церковь, а мама была очень верующая. У них из-за этого часто скандалы возникали, но мама все равно ходила.

Папа был настолько ярим коммунистом, что всех детей, когда исполняли «Интернационал», выстраивал в ряд, а сам честь отдавал.

Меня все время заставляли петь «Ехали казаки», «Златые горы» (мама эту песню очень любила).

В 1938 году отца посадили в тюрьму, но осудили несправедливо. Пришел оттуда зеленый, просидев одиннадцать месяцев.

В Емецком (Емецке) мы жили в большом двухэтажном доме, а наша квартира была на втором этаже.

Вскоре папу перевели работать в Няндому, в ОРС леспромхоза. Там у нас была хорошая квартира.

Семья наша все время была в разъездах, на одном месте мало жили. Папу направят в один ОРС, наладит дело, все хорошо, вдруг опять вызывают, опять назначают в другой ОРС; вот с такой оравой он и ездил все время. Помню, один раз мороз был сильный. У Коли одни глаза сверкали: мы все лицо ему закрыли, чтобы не обморозить.

Маме нашей очень трудно было: папа все время в разъездах, и она всегда одна с нами была. Еще нами, детьми, занималась бабушка Раиса, папина мама. Часто сказки нам рассказывала, особенно много рассказывала наизусть пушкинских сказок.

С раннего детства – Пушкин, только Пушкин. Бабушка Рая так любила Пушкина! Из всех детей больше всех пушкинские стихи помнил Коля.

Шло время, дети подрастали, Коля – тоже, он был красивым мальчиком.

Папу уже перевели на новое место работы – в Вологду. Квартиры не было. И мы временно поселились у папиной сестры Нюры.

Затем жили в Прилуках, это в шести километрах от Вологды. Позднее приехала и сама хозяйка этого дома, который она нам сдавала.

В 1940 году умерла старшая сестра Надя.

А в 1941 году началась Отечественная война, жить нашей семье было негде. Пустила нас к себе жить папина секретарь по работе. Квартира находилась на ул. Ворошилова, дом 10, на первом этаже. Жили вместе с хозяйкой.

До 1942 года у папы была броня, а в этом году его отправили на фронт. Мы остались с мамой, она не работала, была домашней хозяйкой.

В этом же 1942 году родилась девочка, ее называли Надей в честь старшей сестры. Квартира была сырая, холодная. Маме стало плохо, когда отца взяли в армию (у нее был порок сердца). Ее увезли в больницу, и она вскоре умерла. Случилось это летом.

Умерла после мамы и маленькая Надя. Накануне она сильно плакала, плакала всю ночь, и тетя Соня (папина сестра) держала ее на руках. Что с ней, никто не мог сказать. Ей было семь месяцев, а она выглядела трехмесячной. Раньше ей давали молоко, которое брали на молочной кухне, и кашу, она с удовольствием все это кушала. Теперь же ничего в рот не брала, а все плакала и плакала. Я вызвала врача. Доктор и говорит: «У нее зубки режутся, вот она и плачет». К утру Наденька стала затихать. Я думала, что она уснула, и укрыла ее. Взяла ее на руки, а она еще сильнее заплакала, так у меня на руках и умерла. И у нее, такой малютки, получился разрыв сердца. Слабенькая была. Потом утром тетя Соня приходит и говорит, что хочет ее в Дом малютки отнести. А я говорю, что сестренка-то умерла. «А ты не заспала ее?» – спрашивает тетя Соня. «Ты что, тетя Соня, как я могла ее заспать, если и спать-то не ложилась. Она у меня на руках и умерла».

Очень трудно, конечно, все вспоминать, как будто вновь переживаешь все это...

После смерти матери детям пытались помочь – приходили из горкома партии, горкома комсомола.

Алика и Борю решили отправить в детдом, а Коле не хотелось туда идти. Он сказал мне: «Галя, а можно вместе куда-нибудь?» Я

говорю, что только к тете Соне, а у тети Сони (папиной сестры) у самой пятеро детей было.

Тетя Соня сказала: «Галя, я тебя возьму, а Колю мне уже некуда». Я ответила, что в детдом Коле не хочется. Это уж потом он, конечно, согласился, понял, что деваться некуда.

Алика и Борю отправили, а мы с Колей пока остались в этой квартире на улице Ворошилова.

Целыми днями Коля играл на улице. Очень любил пускать по воде кораблики бумажные, копался в земле (копал лопаткой канавки в земле, чтобы вода уходила от дома).

Мы все, дворовые дети, любили играть в лапту, в «десять палочек», в «телефон». В общем, играли во все детские игры. Но жили очень трудно. Жили на то, что давали по карточкам, а это триста граммов хлеба на человека на один талон. Часто голодали. Выкупим хлеб за три дня, а потом ничего нет. Коля, однако, не унывал. Однажды выкупили хлеб за два дня, положили его в шкафчик и ушли по своим делам, а когда вернулись, буханки хлеба на месте не оказалось. Хозяйка сказала: «Тут Коля бегал, он и взял». Я говорю, что Коля никогда так не делал. Мы всегда разрежем хлеб, разделим поровну и скушаем. Коля обиделся и убежал. И нет, и нет. Рядом девочка жила, тоже в школу ходила, Зитой звали. Я ей говорю: «Зита, ведь у нас Коля-то пропал». «Да ты что? Пойди в милицию, заяви». Сходили в милицию, заявили, милиция стала искать. Искали мы его три дня. Когда Колю нашли, зубы у него были черные-черные. Я спрашиваю: «Коля, где ты был?». Он и говорит: «Я в лесу был и нашел такую елку, что даже дождь [меня] не промочил. И я там, под этой елкой, сочинил стихи». Никто не мешал, он был один. Вот эти стихи:

– Вспомню, как жили мы
С мамой родною –
Всегда в веселье и в тепле.
Но вот наше счастье
Распалось на части –
Война наступила в стране.
Уехал отец
Защищать землю нашу.
Осталась с нами мама одна.
Но вот наступило

Большое несчастье —
Мама у нас умерла.
В детдом уезжают
Братишки родные.
Остались мы двое с сестрой,
Но вот еще лето
Прожил в своем доме,
Поехал я тоже в детдом.
Прощай, моя дорогая сестренка,
Прощай, не грусти и не плачь.
В детдоме я вырасту,
Выучусь скоро,
И встретимся скоро опять.
Счастливой, веселой
Заживем с тобой жизнью,
Покинем эти края,
Уедем подальше
От этого дома,
Не будем о нем вспоминать... (1, 36).

Вот такие стихи он сочинил в детстве.

Одно время его хотела усыновить женщина-соседка, все говорила, что «больно уж мальчик-то хороший, глаза-то как звезды». «Отдайте мне его», — просила она. Я ответила: «Ведь он не игрушка, как его отдать?» «Ну, я усыновлю его». Потом она вдруг передумала, решила, что хулиганистый. Я, конечно, заступилась: «Вот именно, что не хулиганистый, хороший мальчик».

Но что поделаешь? Мне было двенадцать лет, и меня к себе взяла тетя Соня, ведь у нее и своих детей было пятеро. В общем, хотели мы с Колей быть вместе, но ничего не получилось.

Пришлось Коле уехать в детдом. Проводили мы его. Он жил сначала в Красковском детском доме, а потом его перевели в Николу. И мне, и Коле пришлось плохо — голодали.

Осталась я у тети Сони. Училась я так: приду из школы, сяду писать, а один за юбку тянет, другой написанное размазывает. Опять пишу. Кончила я шесть классов, в седьмом недоучилась: экзамены не досидела, значит, седьмой не считается. Потом началась и леспромхоз, и стройка, а заработки были очень маленькие.

Здесь, в Череповце, жила в общежитии по улице Вологодской, дом 1.

Коля, когда ему было шестнадцать лет, приезжал ко мне, в женское общежитие. Ему разрешили жить неделю, а больше было нельзя. Девочки говорили ему: «Хоть ты, Коля, и хороший мальчиш, и веселый, а нельзя больше жить. Тут же девочки живут».

Уже много позднее приезжал он в эту квартиру, где сейчас живем, с мужем моим познакомиться. Здесь он был только один раз.

В 1969 году приезжал Коля сюда, в Череповец, жил у нас четыре дня перед Новым годом.

Приезжал он в Череповец и на телевидение, но тогда к нам не пришел, а ночевал у Виктора Коротаяева. Мать у Виктора была жива, я к ним приходила, но Коля уже уехал. Он очень доволен был его матерью, потому что была она добрая, уважительная, относилась к нему как к родному.

Вспоминаю прожитую жизнь и все чаще «вижу» маленького Колю. Все у нас в семье петь любили. Алик и Боря пели и на гармошке играли. Алика часто приглашали на танцы (девочки танцевали, а он играл). Один только Коля стихи сочинял. У него это легко получалось.

Раз, два, три.
Гитара моя, звени.
Про жизнь мою
Плохую –
Мне хлеба не дают.
А все не унываю
Да песенки пою (I, 35).

Больше всего он любил шуточные песни. Любимой его песенкой в детстве была такая:

Шла машина из Тамбова.
На пути котенок спал.
Говорит коту машина:
– Проходи. [а] то растопчу.
Э-э-э, ха-ха, говорит, что растопчу.
Тут проехала машина.
Отдав котенку хвост.
И котенок (хвост под мышку)
И машину догонять.
Повалил машину на бок
И давай ее цапать.

Позднее он пел и многие современные песни. Голос у него был тихий, спокойный. Я бы сейчас так и послушала, как он читает стихи. Как в Вологде услышала его стихи по радио, меня так всю и перевернуло.

Колю мне очень жаль, потому что он несчастный человек. Ему, конечно, много помог детский дом, а я была совсем беспризорная, предоставлена сама себе.

Пока у тети Сони (в Вологде) жила, в огороде копалась, с детьми водилась, полы мыла. Было мне тогда 12–13 лет.

А петь я всю жизнь любила, еле отстала. Стираю – пою, мою – пою. В смотрах самодеятельности участвовала, пела сольно. Это было, когда на стройке в Вологде работала, а работать пошла с 15 лет. Поработать пришлось везде и всюду: сначала в лесхозе, потом в химлесхозе, хотя было и не под силу.

А потом меня взяли в деревню в клубе работать. Была я малограмотная, меня подучили, дали избу-читальню. В деревне была четырехклассная школа, но не было учителя пения. [И я стала учить детей пению.] Я хорошо детей учила. На смотре художественной самодеятельности они исполняли «Бухенвальдский набат» без музыкального сопровождения. Было это в Белозерске, и мои дети заняли I место. Жила я тогда в Шольском районе, в деревне Сотого. Потом меня отправили на двухгодичные курсы в Кириллов и дали клуб с большой библиотекой (центральной). Стала проводить тематические вечера, устные журналы, выпускала стенгазету. Было это в тридцати километрах от Белозерска, в деревне Артюшино. Мне там нравилось. В деревне была восьмилетняя школа, выступали не только дети, но и учителя. Мне они очень хорошо помогали, оформляли лозунги.

Когда работала здесь, в Череповце (в это время строилась первая домна), познакомилась я с Александром Михайловичем Шведовым. Он был техник-строитель. Говорит мне: «Такая черноглазая и так хлещет кувалдой по клину». Года два жили, а потом не поладили, и я уехала. Десять лет не жили вместе, а потом опять сошлись. Он женатым был, у него два мальчика было.

С Колей мы чаще всего встречались в Вологде, у тети Сони.

Приехали мы с ним однажды в Вологду, а он и говорит: «Одевай свое бархатное платье, пойдем в ресторан» (это когда он уже поэтом стал, ему гонорар дали). «Не смотри, – говорит, – на цену, а давай кушай, что выберешь». Ресторан был рядом с рынком, не помню, как он назывался.

В Вологде долго жила тетя Соня, она была очень добрая женщина. У папы было семь сестер. У мамы же никого не было, она была одна у родителей.

С Аликом и Борей нас жизнь рано разлучила. Алик сначала был в Красковском детском доме, а потом жил с мачехой (Михаил Андрианович женился второй раз). Ему не понравилось, и он уехал. А Борю из Краскова привезли к нам, так как отец живой. Боря все время жаловался. Приезжала тетя Шура (сестра отца) и увезла его в Мурманск. Теперь тети Шуры уже нет в живых, и дальнейшая судьба Бори неизвестна. Алик был женат (у меня была его фотография, но я отдала ее В. С. Белкову). Жил он долго в Ленинграде, и Коля был у него в гостях. Когда Алик уехал из Ленинграда, не знаю (что произошло, тоже не знаю). Больше ни слуху, ни духу ни от Бори, ни от Алика.

О смерти Коли сообщила тетя Соня телеграммой. Мы с мужем вместе ездили на похороны.

У меня часто спрашивают про аленький цветочек. На самом деле был цветок, Коля его сам вырастил, только потом его затопило, и Коля расстроился. Я этот цветок хорошо помню, очень красивый был.

Вот все кратко о его биографии.

Подготовили Н. Л. Деревягина, Т. Т. Савченко, О. Демина.

Примечание

¹ Воспоминания и фрагменты из воспоминаний Г. М. Шведовой (Рубцовой) неоднократно публиковались в периодической печати. См., например: Шведова Г. М. (Рубцова) «Но вот наше счастье распалось на части» // Речь. 1996. 8 августа. С. 12; Виноградов С. Старшая сестра // Речь. 2005. 18 ноября. № 217 (21637). С. 1. 20.

В Красковском и Никольском детских домах вместе с Колей Рубцовым

Для меня великий поэт Николай Михайлович Рубцов остался в памяти просто Колей Рубцовым, как одноклассник, как брат. Мы с ним воспитывались с пяти лет сначала в одном детском доме – Красковском (это рядом с Вологдой), а затем, с семи до четырнадцати лет, в другом – Никольском, что под Тотьмой.

Почему я попала в детский дом? Мой отец на войне пропал без вести, два брата (годовалые) и мать умерли с голоду. Я была в четырех детских домах.

Никольский детский дом находился недалеко от Тотьмы, на берегу реки Толшмы. Заливные луга, красивые леса, клюквенные болота... Все это потом Николай Рубцов воспел в своих стихах. Талант сочинительства у него проявился еще в детском доме. Не помню его стихов, но сочинения его читали часто вслух на уроках. Учился он отлично. Был любимчиком у воспитателей, это видно даже по фотографиям: везде он рядышком со взрослыми.

Мальчик он был красивый, невысокого роста, кареглазый, и даже носик у него был аккуратный.

Я была очень бойкой – заводилой среди девочек. Я уводила девчонок куда-нибудь в лес или на речку, иногда – на колхозное поле за горохом*. Воспитатели часто нас разыскивали, и мне попадало.

Коля Рубцов тоже был заводилой среди мальчишек. Но это был тихий, скромный, я бы сказала даже, умный заводила. Он так умудрялся с ребятами исчезнуть из детдома, что их отсутствия никто и не замечал; так же хитро и появлялся. Мы с Колей ходили в

* Было голодно, хотя кормили нас по тем временам неплохо. Помню, сильно худеньким на ужин давали стакан молока. Список «худеньких» висел на раздаче у окошечка кухни. Меня в этом списочке никогда не было, поэтому до сих пор не люблю молоко. Иногда повар тетя Шура выглядывала и звала меня: «Тебе, Романова, выписана луковица». У меня болели десны.

любимчиках у воспитателей. Ну ладно Коля. Красивый, умный, учился на одни пятерки, играл на гармошке, много читал. А за что меня любили – не знаю, но воспитатели часто брали меня к себе домой, особенно Клавдия Васильевна Игошева в деревню Пузовка.

Мы жили в двухэтажном доме, спальни девочек были на втором этаже, а спальни мальчишек – на первом. В праздники писали друг другу поздравления, иногда стихами. Стихи писала я и еще одна девочка, Валя Межакова, которая еще и рисовала отлично. К праздникам готовили концерты, был хор, на гармошке играл Коля Рубцов, под Колин аккомпанемент девочки исполняли физкультурные номера; ставили разные шутки, приглашали учителей из школы. (В детском доме был хоровой кружок, мы разучивали различные песни, в основном военные (шла война), а Коля нам подыгрывал на гармошке. Часто с концертами ездили по деревням, пели песни, читали стихи; я выступала с акробатическими номерами, а Рубцов мне аккомпанировал – играл «Раскинулось море широко».)

Нас с Колей объединяла любовь к животным, природе. При детском доме было подсобное хозяйство, огород, была лошадь со странной кличкой Охочая, собака Розка, которая лаяла на чужих, и ее привязывали на цепь. Мы с Колей часто крутились около животных, подкармливая. А Розку отвязывали, чтобы она побегала, за что нас ругали.

В детдоме нас было около ста человек, в основном дети войны; были даже немцы – Крюгеры, Касперы и другие, но жили мы дружно, малышей не обижали, а, наоборот, за ними ухаживали, играли, как в настоящей семье. Взрослые, как могли, оберегали наше сиротское детство.

После войны все ждали возвращения своих отцов, но у большинства они погибли или пропали без вести. И однажды в детдоме появился солдат, на груди – медали. Это был отец рыженькой Нади Новиковой. Мы все провожали их на пристань. И как мы завидовали рыжей, и как радовались за нее, даря свои немудреные сувениры. Колю Рубцова мы считали круглым сиротой. Многие получали письма от родственников. Коле никто не писал. Это уже позднее выяснилось, как много у него родни.

Коля родился 3 января, а я – 2 января. Когда январских именинников поздравляли с днем рождения, мы с ним сидели рядом за столом, в зале стояла украшенная елка. После поздравлений виновникам торжества давали угощение: 10 цветных горошин драже. Как на чудо смотрели мы на эти шарики, любовались ими, пересчитывали, лизали, отдавая минуты, когда эти горошинки попадут в рот. Нет, мы их не жевали, мы их сосали очень медленно, растягивая удовольствие. Вкус этих конфет я помню до сих пор.

Пролетело детство. После окончания семилетки детдомовцев отправляли в различные города в ремесленные училища (РУ), фабрично-заводские училища (ФЗУ) получать специальности токарей, фрезеровщиков, ткачих и т.д. Николай Рубцов поехал в Тотьму поступать в лесной техникум, а я – в Грязовец, в физкультурный техникум (был такой). Выдали нам деревянные чемоданчики, паек. Отлично помню этот набор продуктов: несколько булочек, кусковой сахар, три рыбины холодного копчения, кусочек масла. Поехали мы не в один день. До пристани 25 километров. Я шла, шла, устала, села под кустик, съела зараз весь паек и, счастливая, зашагала дальше. В техникум я не поступила (из-за своего характера), и нас с Тоней Шевелевой отправили в другой детдом, в Тотьму, учиться, в восьмой класс. Коля учился в это время в Тотьме в техникуме, мы с ним не раз там встречались. Потом наши жизненные пути больше не пересекались. Только однажды, когда прошло уже много лет, я по телевизору увидела Николая Рубцова, читающего свои стихи. Он был совсем не похож на того Колю Рубцова, из моего детства...

Кстати, почти все Колины подруги, женщины (их у него и было-то немного), каким-то образом соприкасались со мной. Первой подругой у Николая была Тоня Шевелева, скромная, тихая, незаметная девочка, ничего в ней особенного не было, а вот Рубцов выделил ее из всех девчонок. Они часто уединялись и вели свои разговоры, а мы их дразнили: «Жених да невеста!» У Тони до сих пор хранится Колина фотография с его дарственной надписью, у одной-единственной. Многие фотографии детдомовской поры она отдала в различные музеи, а эту бережет. Вот с этой Тоней мы были вместе в трех детских домах. Затем Тоня окончила медицин-

ский техникум. а я – педучилище, и мы снова встретились в Череповце. И до сих пор дружим, вот уже 65 лет.

Дальше идет Гета Меньшикова – жена Рубцова. Одно время она была в нашем детдоме, мы тоже с ней дружили, занимались спортом, ездили на различные спартакиады, соревнования, часто выступали с акробатическими номерами, а Коля нам играл на гармошке. В течение многих лет мы с ней поддерживали связь, переписывались, я бывала несколько раз в Николе у Геты дома.

Затем тетя Шура, мама Геты, будущая теща, которая «возьмет ведро, молча принесет воды» (I, 189). Тетя Шура работала у нас в детдоме завхозом. Коля часто просил у нее сырую картошку, она ему никогда не отказывала, а он с ребятами убегал в лес или на речку, и они там пекли картошку на костре. Узнав про это, я прибегала на кухню и просила у тети Шуры картошки. Обычно она мне отказывала. Я возмущалась: «А Коле дали! И мне дайте!», а в ответ – тишина. Я была вредная, бойкая, меня тетя Шура звала бойкушей. Ах так! Я садилась на скамейку напротив кухни и заводила песню: «Вот умру я, умру, /Похоронят меня, /И родные не узнают, /Где могилка моя...»

Сердце у тети Шуры не выдерживало такого, и она звала меня за картошкой, при этом приговаривала: «В последний раз».

Однажды, уже будучи взрослыми, мы списались с бывшими детдомовцами и приехали в Николу на очередные Рубцовские чтения. Тетя Шура еще была жива. Мы встали перед ней: «Узнай, тетя Шура, кто есть кто». Она вглядывалась в нас, никого не узнавала: когда дошла до меня очередь, она засмеялась: «Ой, бойкушка приехала! Ты, Женя, совсем не изменилась».

Жизнь идет дальше. К Николаю Рубцову пришла первая любовь. Он в это время учился в лесном техникуме, а Таня Агафонова – в педучилище. С Таней мы не были подругами, но учились вместе в педучилище, она – на курс старше. Несколько лет назад я садилась в Вологде в автобус, в котором ехали гости в Тотьму на Рубцовские дни. Женщина, сидевшая на втором сиденье, улыбнулась мне, и я узнала Таню.

Несколько слов хочу сказать еще об одной женщине из Колиной жизни – это о сестре, Галине Михайловне Шведовой. На одном из

литературных вечеров вологодский писатель и друг Николая Рубцова Сергей Багров попросил меня поискать в Череповце сестру Рубцова, Галину. Я, конечно, удивилась: какая сестра, ведь Коля – сирота. Но искать начала. Поиски увенчались успехом: Галину Михайловну я нашла в квартире по Московскому проспекту. Мы с ней познакомились, подружились, бывали друг у друга в гостях, ходили на вечера, посвященные ее брату, ездили в Вологду, где и познакомились с дочерью Николая Михайловича – Леной.

С тех пор я поддерживаю связь с Леной. Она подарила мне фотографии своих детей, внуков Рубцова. Встречаясь в Тотьме, в селе Никола, мы всегда фотографируемся на память.

Была в жизни поэта еще одна женщина, последняя – это Людмила Дербина. Наши пути с ней ни разу не пересеклись, я об этом нисколько не сожалею...

О детском доме и Николае Рубцове можно вспоминать бесконечно – все стоит перед глазами наше детство...

Прошли годы. Воспитанники Никольского детского дома разлетелись по всей стране – это врачи и учителя, трактористы и ткачихи, люди различных профессий. Со многими мы поддерживаем связь до сих пор. Что интересно – никто из нас не сбился с пути, все стали настоящими людьми. И мы, конечно, гордимся, что из нашей семьи вышел Великий поэт России – Николай Михайлович Рубцов.

P.S. Еще хочу рассказать о том, как Николай Рубцов как-то косвенно помог в налаживании быта в моей деревеньке Калиновке, которая расположена у черта на куличках, но очень красивая, стоит на горюшке у самого синего озера. Все, что можем, мы делаем сами, хотя живут в деревне только пенсионеры. Но вот дорожку зимой от снега вычистить нам не под силу. Я, как депутат, обращалась и в сельсовет, и в администрацию, выходила на большую дорогу ловить трактор: встану, руки в стороны перед трактором, как Матросов, только без гранаты в руках. Умоляю трактористов (кругом лес заготавливают предприниматели) – ни в какую. Как скажу: «Бутылку дам!», сразу вычистят. А пенсия нищенская, да и водка дорогая. Что делать? Подала телеграмму губернатору, потом

письмо написала: живем, мол, дети войны, родители воевали, многие погибли, другие пришли инвалидами и умерли. За что нам такая доля? Деревни разорены, молодежь уехала в города, нет здесь работы. В конце напомнила слова поэта Николая Рубцова: «Россия, Русь! Храни себя, храни!» (I, 204). А деревни и старики никому не нужны.

Прошло две недели. Вдруг в деревне появился трактор, вычистил дорогу, у моего дома аж до земли. Что-то новенькое! Через час у моего дома остановились два джипа, вылезают важные мужики, в белых рубашках, при галстуках, и ко мне:

– Буняк Евгения Павловна здесь живет?

– Да.

– Мы к Вам от губернатора, по Вашему письму.

– Да неужели? – удивилась я.

– Да, да, Вы такое письмо написали, даже Рубцова вспомнили. Ваше письмо на правительстве зачитывали. Может, какая помощь нужна?

Поговорили, пообещали дорогу чистить. И слово свое сдержали. Прошло пять лет, дорога всегда вычищена.

Я попросила для деревни сотовый телефон. Через неделю телефон появился в моем доме.

Вот так имя поэта Николая Михайловича Рубцова помогло пенсионерам небольшой белозерской деревушки Калиновка.

Н. Т. Батурина

Красковский детский дом в годы войны

«Мать умерла, отец ушел на фронт...» (II, 14), – писал о своем детстве Николай Рубцов. Оставшись без попечения родителей, будущий поэт был определен в дошкольный детский дом, находившийся в деревне Красково, в восемнадцати километрах от Вологды (Рубцов провел там больше года, с августа 1942 года по октябрь 1943-го, а его братья – Алик и Боря – жили в Краскове до конца войны¹). Об этом периоде жизни Рубцова, как и о самом

80

детском доме, мало что известно. Между тем освещение деятельности Красковского детского дома в период пребывания в нем будущего поэта и в годы Великой Отечественной войны вообще имеет, на наш взгляд, немаловажное значение для уточнения некоторых обстоятельств, связанных с детством Н. Рубцова².



Е. М. Киселева. Фото из семейного архива Н. Т. Батуриной

В сентябре 1941 года Красковский детский дом остался без руководителя: персоналу сообщили, что директор ушел на фронт, на самом деле (по воспоминаниям Евдокии Михайловны Киселевой) он был отстранен от должности и привлечен к уголовной ответственности за растраты, самым печальным образом отразившиеся на со-

стоянии учреждения и его воспитанников. В детском доме почти не было игрушек, имелаась только старая и поломанная мебель, дети спали на кроватях без матрасов, в своей неопределенного цвета



Красковский детский дом. Рисунок из семейного архива Н. Т. Батуриной

не по росту одежде они напоминали малолетних заключенных. Ситуация усугублялась трудностями военного времени: не было дров, транспорта, не хватало продуктов... В этой сложной ситуации, с 26 сентября первого года Великой Отечественной войны, Красковский детдом и возглавила Е. М. Киселева.

В то время Е. М. Киселева работала в аппарате областного отдела народного образования. За ее плечами было 20 лет педагогической деятельности, в том числе на руководящих должностях (она являлась директором одного из детских домов в Краснодарском крае, директором 1-й образцовой школы г. Майкопа, избиралась членом президиума Майкопского горсовета). В 1938 году, после смерти мужа (Николай Филиппович, муж Е. М. Киселевой, также был учителем, а в последние годы жизни являлся председателем горисполкома г. Майкопа и одновременно директором медицинского техникума), Евдокия Михайловна поехала (была командирована) в Вологодскую область, «откликнувшись на призыв партии и правительства поехать работать в отдаленные северные

места Советского Союза». На работу в Красково она была переведена по личному заявлению и проработала в должности директора 15 лет. В своей автобиографии Е. М. Киселева так писала о Красковском детском доме: «В детдом поступали <...> ребята через Вологодский детприемник. Дорога в Красково была болотистая, с кустарниками, холмами. В деревне Дубровская детей пересаживали на колхозные подводы. В зимние-осенние холода накрывали их общим покрывалом. Когда подъезжали к детдому, откидывали покрывало, пар шел, как из паровоза. Детский крик «Мама!



Красковский детдом. Елка с Дедом Морозом. Фото из семейного архива Н. Т. Батуриной



Коллектив Красноводского детского дома. Во втором ряду в центре – Е.М. Киселева. Фото из семейного архива Н.Т. Батуриной

Папа!» оглушал. Встречаем детей, несем и ведем купать в баню. Одеваем их в разноцветные платья, рубашки, костюмчики. Настроение малышей повышается.

Они рассматривают новую одежду, затем идут в столовую кушать. Утомленные дорогой и новыми впечатлениями, ложатся спать в кровати. <...> Дети воспитывались в детдоме до семи лет, а потом по путевкам гороно направлялись в школьные детдома. Выпуск проводился празднично, с подарками: вручались портфели, пеналы, письменные принадлежности. Ребята прощались с до-



Красноводский детдом. Занятие по развитию речи.

Фото из семейного архива Н. Т. Батуриной

мом, товарищами, своим ранним детством, вступая в новую жизнь. Коллектив воспитателей, обслуживающий персонал заботились о здоровье детей, воспитывая трудолюбие, вежливое отношение к

старшим»³. Благодаря умелому руководству нового директора и самоотверженности коллектива Красковский детский дом в скором времени стал одним из лучших в области. Об уюте и порядке, царивших в нем, можно судить по сохранившимся фотографиям: белоснежные покрывала и накидки на детских кроватках, вышитые шторы, цветы и веселые лица малышей. Этот уют давался большим трудом. По рассказам Е. М. Киселевой, в начале войны детдом не имел транспорта, поэтому больных малышей носили в Вологду на руках. По различным вопросам директору приходилось нередко обращаться в областной центр, куда она также ходила пешком (не случайно в преклонном возрасте Евдокия Михайловна страдала от болей в ногах). Первым транспортным средством, полученным детдомом, стала лошадь по кличке Физкультурница. То ли она была цирковой, то ли просто имела своеобразный нрав — во всяком случае, на фронт ее не отправили, так как лошадь имела обыкновение посреди пути ни с того ни с сего вставать на дыбы, и совладать с нею в такие минуты было невозможно. Однако в Красково были рады и такому транспортному средству. Ослабленные дети часто болели. Когда имелись тяжело больные малыши, директор ночевала в детском доме, не спала ночами, наблюдая за их состоянием. Зоя Евгеньевна Соломонова, одна из бывших воспитательниц детдома, в своем письме автору так вспоминала о том времени: «Уважаемая Наташа! Получила Ваше письмо, очень обрадовалась, что ты не забыла свою бабушку Евдокию Михайловну. Она заслужила это внимание своим благородным и тяжелым трудом в трудные и тяжелые годы войны и после войны. Мы, ее коллеги и помощники, ей благодарны за все, и в деле воспитания детей, которые находились в детском доме, и своих лично. Немного о детском доме «Красково» и работе Евдокии Михайловны. Я точно не знаю, когда был открыт детский дом «Красково». По-моему, он существовал сразу после революции. Все время был заполнен детьми, так как находился в 18 км от Во-

* По словам З. Е. Соломоновой, детдом размещался в бывшей усадьбе жены писателя М. Гаршина.



Воспитательница Красковского детского дома З. Е. Соломонова (в центре). Фото из семейного архива Н. Т. Батуриной

18 км от Вологды. В любое время года можно было доставить туда детей. Я стала работать в детдоме с 1937 года, тогда было 125 детей, а персонала было примерно 40 человек. В то время в детдоме не было эл[ектрического] света, радио и отопление было печное – дровами. <...> Детей в период войны было в 2 раза больше нормы. А после снятия блокады стали поступать блокадные дети, измученные, похожие на старичков. Работники детдома под руководством твоей бабушки старались приложить все силы, чтобы сохранить жизнь этим детям. Евдокия Михайловна почти все время

жила в детдоме, около детей.

Заботилась о хозяйстве. Было организовано подсобное хозяйство. Были коровы, лошади, куры, свиньи. Нужно было кормить детей и обслуживающий персонал. Был земельный участок. Сажали картофель. Сеяли и обрабатывали зерновые. Косили сено. Сами заготавливали дрова для отопления здания. Дети были одеты и по тому времени сыты, так как были дополнительные продукты от своего подсобного хозяйства. Евдокия Михайловна вела большую общественную нагрузку по сельскому совету и району. Была все время бессменным депутатом с/совета и секретарем парторганизации с/совета. Знала всех людей с/совета по фамилии и имени-отчеству. В самые трудные годы помогала семьям фронтовиков за счет своего подсобного хозяйства. Люди очень уважали ее и шли к ней по всяким вопросам, а она находила время и делала все, что могла.

После окончания войны она старалась разыскать родителей детей и ей это часто удавалось. В то время Красковский детдом считался лучшим в области по всем показателям. Евдокия Михайлов-

на не жалела времени, сил и своего здоровья, часто пешком ходила в Вологду и обратно по делам детдома. Участок детдома всегда был благоустроен, и дети имели возможность играть и проводить соревнования. Коллектив работников детдома (а их было около 80 чел.) всегда был сплочен и дружен. Все общественные работы проводились вместе с Евдокией Михайловной, хотя она была намного старше всех. К ней шли поделиться радостью и горем все жители района. Наташа, ты можешь гордиться своей бабушкой. Это добрая, отзывчивая, внимательная к нуждам и горю людей русская женщина. <...> »⁴.

Люди, знавшие Е. М. Киселеву, не могли припомнить случая, когда бы она повысила голос, потеряла самообладание. В ней привлекали деликатность, манера держать себя (сказывалось гимназическое образование). Будучи человеком высокой культуры, Евдокия Михайловна приносила ее в общение с коллегами и воспитанниками. Она тонко чувствовала природу, хорошо знала литературу, неплохо пела. Не случайно в детском доме уделялось серьезное внимание эстетическому развитию воспитанников: проводились музыкальные занятия, занятия по рисованию, развитию речи.

Детские впечатления так или иначе влияют на взрослую жизнь человека. Нельзя утверждать, что стихи и музыка, которые слышал Коля Рубцов в Красково, сделали его поэтом. Но то, что они находили отклик в душе одаренного ребенка, весьма вероятно. Возможно, искра поэтического вдохновения вспыхнула в душе Н. Рубцова еще тогда – в раннем детстве – под впечатлением от музыки, стихов, сказок... Тогда же, в далеком детстве, будущего поэта учили видеть красоту родной земли. Не в этом ли крылись истоки его способности тонко чувствовать природу, способности, которая во многом обусловила и характер его глубоко лиричной поэзии?

Дети чутко воспринимают и чувствуют отношение к себе взрослых. В Красково к детям относились так, что у поэта не осталось обиды или горечи при воспоминании о том времени. И немалая заслуга в этом, несомненно, принадлежит Евдокии Михайловне Киселевой, облегчавшей сиротскую участь как будущего

известного русского поэта, так и сотен других детей, у которых война отняла родных и дом.

Примечания

¹ См.: *Зинченко В.* Как по Сухоне-реке ходили пароходики // Рубцов Н. М. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 2000. С. 12–13.

² При подготовке сообщения были использованы личные материалы директора Красковского детского дома Евдокии Михайловны Киселевой (1899–1979), хранящиеся в семейном архиве автора: автобиография и трудовая книжка Е. М. Киселевой; письмо воспитательницы детского дома З. Е. Соломоновой Н. Т. Батуриной, датируемое 1985 г. (более точную дату установить в настоящее время не представляется возможным); наградные материалы Е. М. Киселевой (удостоверения к медалям, почетные грамоты); фотографии сотрудников и воспитанников детского дома военных и послевоенных лет; воспоминания автора (сообщения о Е. М. Киселевой).

³ *Киселева Е. М.* Автобиография. Семейный архив автора.

⁴ *Соломонова З. Е.* Письмо Н. Т. Батуриной. 1985 г. Семейный архив автора.

А. А. Силинская (Шевелева)

«Нас берегли и обогревали...»

(Воспоминания о детдомовской жизни и Николае Рубцове)

Хорошо помню, как отец вез меня в Красковский детский дом. Видимо, машин не было, и мы – я, отец и сын его сестры – плыли на плоту по реке из родной деревни в Сямженском районе до Харовска, а потом я и отец сели на поезд до Вологды. Брат уехал обратно, а потом был отправлен на фронт. При посадке на поезд я упала со ступенек вагона, ободрала спинку, разбила затылок и в таком виде поступила в детдом. По-видимому, в это время жизнь в детдоме уже была налажена, так как нас кормили, одевали, занимались с нами, даже гулять выводили на территорию детдома. (Во время одной из прогулок мне однажды клещ впился в область живота.) Однажды нас даже фотографировали, я хотела отправить эту фотографию отцу на фронт, но не было адреса (в 1943 году отец был еще жив), долго ее хранила и потеряла уже в Никольском детдоме. А писем от отца так и не дождалась...

Когда подошло время учиться (семь лет), отправили в Николь-

ский детдом. Там закончила семилетку. Наверно, была очень худенькая и однажды потеряла сознание, упала, очулась в больнице. И меня отправили в санаторий «Юношеское» Грязовецкого района Вологодской области. Там училась в четвертом классе, а потом снова вернулась в Николу. В это время уже получше стало и в Никольском детдоме; было подсобное хозяйство: лошади, овцы. Сами же воспитанники помогали работникам на кухне, в уборке, уходе за животными, в прачечной. И даже клочок земли, если хочешь, можно было вскопать и посадить что-нибудь. (У меня тоже был такой клочок земли.) А в седьмом классе нам даже по два платья сшили из шерстяной ткани: коричневое и зеленое...

Среди преподавателей особенно нравилась мне пионервожатая Евдокия Дмитриевна Перекрест – веселая, добрая женщина, и мы все очень жалели, когда она уехала на Кубань¹. А учительницу В. А. Драницыну поначалу я не любила. Но однажды Ваня Серков случайно подсмотрел, как Валентина Александровна молилась в своей комнате за всех нас, и мы стали относиться к ней с большим уважением.

С Колей Рубцовым мы учились вместе с первого по седьмой класс. Учился Николай лучше всех, хотя ничем особенным не выделялся среди детдомовцев, все были одинаково голодные и холодные. Местные ребята нас так и называли – «голодные овцы». В свободное от учебы время участвовали в импровизированных спектаклях, слушали пластинки, под патефон «пиликали» на гармошке. Вот тогда, наверное, Коля и научился на ней играть...

После войны очень мало кого взяли из детдома: за одной девочкой приехал отец, за другой – тетка, к Толе Мартюкову приехал отец и забрал его из детдома, а еще одну девочку отправили в Польшу. Все остальные остались «бездомные».

В 1950 году детский дом расформировали, детей перевели в тотемские школьные детдома, а нас, окончивших семилетку, стали рассылать кого куда. Мы с Женей Романовой попали в Тотьму, год учились в восьмом классе (Н. Рубцов тоже оказался в Тотьме, поступил в лесной техникум; там я иногда видела его на улице²). Потом Женя поступила в Тотемское педучилище, а я – в Вологодскую фельдшерско-акушерскую школу. Дальше наши пути разо-

шлись, а встретились мы с ней случайно только в 1986 году здесь, в Череповце.

Несмотря на военное время, нас берегли и обогревали все взрослые работники детского дома, учителя, воспитатели. Но детская тоска по дому так и осталась на всю жизнь...

Когда я жила и училась в Вологде, там давали стипендию, на нее и жила. А каждое лето (2 года), до распределения на работу, приезжала в детский дом на каникулы и гостила до осенней учебы. Там меня кормили и одевали.

После окончания фельдшерско-акушерской школы в Вологде я десять лет работала по специальности в Тарногском районе. Вышла замуж, родила сына (сейчас у меня уже две внучки, правнуков пока нет).

В 1964 году я приехала вместе с мужем в Череповец. Спустя три года случайно увидела по телевизору передачу о поездке вологодских поэтов по Волго-Балту. Диктор назвал и имя поэта Н. Рубцова. Очень удивилась, как изменился Николай внешне, порадовалась, что стал таким знаменитым...

1 марта 2006 года.

Примечания

¹ О Е. Д. Перекрест подробно рассказывает в своих воспоминаниях А. Мартюков. См.: *Мартюков А. «Воскресные цветы» // Воспоминания о Николае Рубцове. Вологда, 1994. С. 55–57; Мартюков А. Детдом на берегу // Рубцов Н. М. Последняя осень: Стихотворения, письма, воспоминания современников. М., 2004. С. 47–51.*

² Еще при расставании с Николом Н. Рубцов подарил А. А. Силинской (Тоне Шевелевой) свою фотографию 14-летнего подростка со словами «Плохим меня не вспоминай» (см.: *Михеева И. Н. Череповецкие адреса Н. М. Рубцова (страницы воспоминаний о поэте). Череповец, 2007. С. 71).*

И. А. Серков

«Защитник и друг...» (Воспоминания о Н. Рубцове)¹

Оставить воспоминания о Н. Рубцове я считаю своим долгом

перед ним. Конечно, у Коли было много друзей, и много уже написано о нем, но мне думается, что своими воспоминаниями и я внесу небольшую крупицу нового в его биографию.

Коля был моим другом детства по детдому, где нам довелось встретиться и разделить нашу сиротскую жизнь в тяжелые послевоенные годы.

Я пришел в детдом в 1946 году. К тому времени у Николая уже был опыт детдомовской жизни. Я чувствовал себя одиноким, очень переживал и плакал, забравшись в угол. Он это заметил и стал успокаивать меня. Я увидел в нем своего защитника и друга. Кровати наши стояли рядом. В холодные зимние ночи мы спали вдвоем на одной кровати, согревая друг друга. В комнате было двенадцать ребят, и все стали спать по двое.

Вечерами Коля читал нам книги при керосиновой лампе. Однажды он прочитал нам книгу Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ» и под впечатлением от прочитанного заявил: «Я обязательно буду моряком!» Спать мы ложились по его команде. Мы его уважали и любили.

Учился Коля хорошо. Учителя и воспитатели тоже любили его.

Многие детдомовцы обеденную пайку хлеба прятали, чтобы потом полакомиться. У нас с Колей была общая прятка. Зимой кубики хлеба замораживали, а потом сосали, как конфетки. Бывало и так, что наш хлеб воровали синички. «Пернатые тоже хотят есть», – говорил он. Коля был чутким и к животным. Похожая история произошла с немецкой девочкой (в детдоме воспитывались и немецкие дети, но мы их не обижали), у которой собака Розка стащила пайку хлеба, лежавшую в шапке. Коля сочинил стишок:

Хлеб 50-сто на шапке лежал.
Шапка упала.
А Розка схватала.

Немецкие дети плохо говорили по-русски, поэтому и стишок получился корявый. Девочку дразнили этим стишком, но Коля запретил, и все сразу перестали ее дразнить. Впоследствии он писал в своих стихах о детдомовской жизни:

Вот говорят,
Что скуден был паек,
Что были ночи
С холодом, с тоскою, —
Я лучше помню
Ивы над рекою
И запоздалый
В поле огонек (II, 14–15).

«Ивы над рекою» и вся окружающая нас природа помогали нам забывать бесприютность и голод детдомовской жизни. Купались, ловили рыбу, жгли костры и пекли картошку. Особенно были вкусны лепешки из мороженой картошки, которая оставалась по осени на колхозных полях.

Большую работу проводили с нами воспитатели: организовывали походы, всевозможные соревнования, ставили концерты, учили танцам. Коля играл на гармошке. Он был самым активным во всех мероприятиях. Особенно запомнилось, как его готовили для роли А. Пушкина к юбилею поэта. Коле очень хотелось быть похожим на Пушкина. Он даже попросил завить ему волосы. Завивали железным наконечником ученической ручки, нагревая ее над керосиновой лампой. Волосы скворчали, и пахло паленым. Коля терпел, и Пушкин из него получился отличный. Стихи поэта он читал очень выразительно. Все были в восторге.

В детдоме стали замечать, что кто-то обирает детдомовскую смородину. Нам с Колей поручили ночью посторожить ее. Когда все улеглись спать, мы с ним пошли на дежурство. И каково же было наше удивление, когда мы поняли, что похитителями ягод были птицы. Чтобы это доказать, мы взяли из бани простыню, растелили ее у куста смородины, взяли за все четыре угла и притаились в надежде, что птицы сядут на простыню, а мы молниеносно прихлопнем их. Но наша затея сорвалась: птицы, конечно, не сели на простыню. На рассвете мы увидели, что простыня наша вся в птичьем помете. Обратно в баню мы нести ее не решились и закопали в землю. Вот такая смешная история произошла с нами.

После окончания семи классов детей отправляли по распределению в другие районы Вологодчины для продолжения учебы. Одному Рубцову было дано право выбора. И он выбрал Рижское

морское училище. На прощание на мостках возле детдома ножиком крупными буквами он вырезал свои инициалы. Думал, что уезжает навсегда. Но Коля вернулся. Его спросили: «В чем дело?» «Там такой горох не берут!» – сказал он. Коля был подавлен и огорчен, свои инициалы с мостовой стер со злостью.

Вскоре детдом расформировали. Расставались с грустью. Девчата вышивали парням на память носовые платки. У Рубцова есть об этом следующие строчки:

Еще прошло
Немного быстрых лет,
И стало грустно вновь:
Мы уезжали!
Тогда нас всей
Деревней провожали.
Туман покрыл
Разлуки нашей след... (II, 15).

Через 14 лет, в 1964 году, я решил навестить свою родину. Август выдался теплый. Я остановился в родной деревне Родионово. В двух километрах от нее, на другом берегу Толшмы, находится село Никольское, где были наш детдом и школа, в которой мы учились. От хозяйки, где я остановился, случайно узнал, что Коля Рубцов находится в Николе. Я сорвался и побежал в Николу, надеясь застать его там. Сердце готово было вырваться из груди... Только бы успеть! И вот – маленький домик. Дверь в дом была открыта. Тихонько захожу и вижу: на полу на коврике сидит маленькая девочка (это была дочь Рубцова, Леночка). В другой комнате за пишущей машинкой сидел лысоватый мужчина.

– Неужели Коля? Коля!

– Ваня? Серков?!

Мы обнялись. Щеки у Коли были мокрыми от слез, и у меня комок в горле. На листке, который был в машинке, я успел прочитать: «Сапоги мои – скрип да скрип...» Коля почему-то быстро закрыл листок салфеткой. Мы долго говорили, стараясь узнать как можно больше друг о друге.

Незабываемые три дня мы провели вместе. Как бы окунувшись в детство, мы вспомнили все до мелочей о детдомовской жизни и,

конечно, все свои забавы: прыгали, кувыркались на песке под ивами, плескались в речке, связав рубашки, ловили рыбу, фотографировались. Помнится, во время наших с ним прогулок я позвал его на то место, где мы любили купаться в детстве. Он сказал: «Заросла речка болотиной». В стихотворении «Тихая моя родина» есть об этом слова:

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил... (I, 186).

А однажды, закрыв лицо ладонями, он вдруг упал в траву и воскликнул: «Взбегу на холм и упаду в траву». «Видения на холме» Н. Рубцова начинаются с этой строчки. В один из этих дней к нам приехал на мотоцикле Сергей Багров со сборником стихов (автора не помню). Коля с интересом просматривал сборник и повторял: «Узнаю, узнаю... Молодец!» Вечером на берегу Толшмы разожгли костер. Коля читал стихи, а мы слушали его как зачарованные. После отъезда С. Багрова, в последний день нашей встречи, Коля предложил посидеть у ночного костра. Как бывало в детстве, на колхозном поле накопили картошки, напекли и ели с удовольствием. В эту ночь мы забыли, что нам по 28 лет.

В краю лесов, полей, озер
Мы про свои забыли годы.
Горел прощальный наш костер,
Как мимолетный сон природы... (I, 231)

— скажет Николай Рубцов в своем стихотворении «Прощальный костер». Снова окунувшись в детские воспоминания, мы пели песни, которые звучали в детдоме. Коля читал свои стихи. В бликах костра он казался каким-то суровым, недостижимым; смотрел в темноту, сдвинув брови. Трудно передать на словах то впечатление, которое произвел на меня тогда Рубцов. Это надо было видеть и слышать.

И ночь, растроченная вся
На драгоценные забавы,
Редает, выше вознося
Небесный купол, полный славы (I, 231),

— скажет он потом в своих стихах.

Обнявшись, мы отправились в Николу босиком. По дороге я спросил у Коли, помнит ли он что-то из тех стихов, которые писал в детдоме (у меня осталось в памяти, что он по каждому случаю сочинял стишки). Но он ответил, что не помнит. А потом вдруг сказал: «Ваня, ты тоже мог бы писать стихи. Послушай, как это просто». Немного подумав, «выдал» четверостишие: что-то об облаках и костре. И правда, казалось, что может быть проще.

Коля сетовал на трудности жизни: безденежье, проблемы с институтом и с печатанием стихов. Я посоветовал ему приобрести специальность и зарабатывать себе на хлеб. Но он возразил, что стихи для него – все, и он это чувствует. При этом он ударил себя в грудь. Досыпали мы на чердаке, о котором он, вероятно, и упоминает в своих «Журавлях».

Утром нас разбудили женские голоса: «Мы пошли на сенокос, ребенок в люльке» (это были жена Гета и ее мать). Коля остался нянчиться, а я пошел в свою деревню. Мы договорились встретиться. Но по воле судьбы в тот же день мне пришлось уехать, не простившись с Колей. Подвернулась попутная машина, что бывало редко. Волок в 25 километров пешком преодолевать тяжело, да и времени оставалось мало, нужно было на работу. Очень просил шофера заехать в Николу, чтобы проститься с Колей, но водитель спешил и не согласился. Я так сожалел, что мы даже не обменялись адресами. Коля тоже жалел, что я уехал. В письме к Сергею Багрову он написал об этом: «Ваня Серков уехал. Почти всю ночь просидели у прощального костра. Жаль, что и он уехал» (III, 307).

Через семь лет Коли не стало. Весть о смерти друга была ни с чем не сравнимым потрясением, тяжелым ударом. И как крик души родились стихи:

Кто здесь сказал, что нет поэта?
Он здесь, он рядом – оглянись!
И в свете солнечного лета
Его ты встретишь, извинись.

Пройди на холм, что под Николой.
Где видел он России старину.
И эхом отзовутся кони,
Исправив ваших мыслей кривизну.

А чтоб не слышать сердца боли.
Пешком по волоку пройдишь.
Стихам, сказаньям, песням Коли
Ты тоже песней отзовись!

* * *

Я вышел в ночи к нашей родине «тихой»
И тихо спросил: «Как, старушка, дела?»
И ветер мне на ухо тихо, так тихо:
«Неважно, братишка, ведь плачет она».

Я видел, как плачут душистые розы.
Я слышал, как скрипнул овин у села.
И слезы на ветках кудрявой березы,
И тучка в сторонке их тихо лила.
Вдруг ветер заплакал – заплакал и я.
И мрачной казалась мне суть бытия.
Туманная речка, как тихий котенок, ласкаясь,
Прозрачные воды куда-то несла:
То Родина-мать Николаю Рубцову
Прощальные слезы в реку собрала!

Село Никольское Николай Рубцов считал своей малой родиной, стороной березовой, где и звезда его полей «восходит ярче и полней». Стихи его врачуют душу, как молитва. Когда читаешь их, «светлеет грусть», оживает природа и весь окружающий мир. Я счастлив, что родился на этой земле, которую так проникновенно воспел Николай Рубцов.

10. 03. 2005 г.

Примечание

¹ Воспоминания И. А. Серкова о Н. М. Рубцове публиковались уже дважды. См.: Воспоминания о Н. М. Рубцове Серкова Ивана Алексеевича // *Окраина*. Издание Череповецкого литературного объединения. № 21. Череповец. 2006. С. 10–14; Воспоминания о Н. М. Рубцове Серкова Ивана Алексеевича // *Автограф*. Литературно-художественный журнал. Вологда, 2005. № 40. С. 4–7.

«Тихая родина» Н. Рубцова

Стихи Рубцова воскрешают в памяти удивительные картины детских лет, пробуждают еще большую любовь и молитвенное отношение к моей «тихой родине», как называл Н. Рубцов село Никольское.

Вот в валенках скользишь по чистому речному льду и, как в аквариуме, любишься подводным царством. Под зеркальным льдом освещенные солнечными лучами серебристые рыбки мелькают меж камней, и ты замираешь, околдованный красотой. А вот босиком бежишь по весенним лужам, подернутым утренним заморозком, и испытываешь такую жгучую радость жизни, слияния с природой, что дух захватывает...

Троица – это самый любимый весенний праздник в деревне. Он связан с пробуждением природы. Деревенские жители высыпали на улицу в самых лучших нарядах. На зеленом лужке устанавливались деревянные лотки. По ним катали разноцветные яйца, которые хранились в подвалах от Пасхи до Троицы. Катали по очереди. Если яйцо, скатившись, ударялось о другое яйцо, то оно перекочевывало в корзину счастливчика. Некоторые уносили домой по целой корзинке разноцветных яиц, на зависть другим. Яйца были, конечно, с «душком», но казались очень вкусными. Праздник был красочным. Под гармошку плясали, пели и гуляли по деревне.

И быстро, как ласточка, мчался я в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке.
А мимо неслись в торопливом немолкнушем шуме
Весенние воды, и бревна неслись по реке... (I, 201)

– писал Н. Рубцов в стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...»

Весной, в половодье, по реке Толшме сплавляли лес. Для нас, детей, это было целым событием после долгой морозной зимы. Как и все дети, зимой мы тоже находили свои радости.

Но вот пришли июльские деньки, нагрелись берега нашей любимой речки, и ивы, кланяясь «серебряной воде», зовут к себе по-

греться на песке. И, не чувствуя под ногами земли, несешься, как «ласточка», меж высокой душистой травы к речке, чтобы окунуться в прозрачную прохладу, упиваясь и блаженствуя, а потом играть на желтом горячем песке под ивами, как в сказочном детском лесу.

А Круглица – это святое место! Здесь никогда не стоптана трава, а березы особенно кудрявы и шумят по-особому. Это холм, окруженный небольшим озерцом. В то время в нем водились рыбки. А по склонам росла земляника. На Круглице когда-то давно стояла часовенка. На этом месте остались только развалины. Местные жители, проходя мимо, крестились на это святое место, а ночью, рассказывали, там на березах горели огоньки. Душа невольно просится побывать здесь, ощутить тепло земли, глядя в высокое небо, послушать шум берез, вдохнуть ароматы трав и земляники.

Николай Рубцов тоже любил это святое место. В 1964 году, как рассказывал Иван Серков, мой брат и друг Н. Рубцова по детскому дому, они навестили Круглицу. Коля упал в траву, закрыв лицо ладонями, и произнес: «Взбегу на холм и упаду в траву...» Может быть, здесь и родилось стихотворение Рубцова «Видения на холме».

Осень, «в деревне празднуют дожинки, и на гармонь летят снежинки» (I, 57), – писал Рубцов. Вдоль деревни накрывали длинные столы, на которые ставили нехитрую деревенскую еду: кисели, дежень, пироги и деревенское сладкое пиво, которое изготовлялось из ржаного сусла. И тоже гуляли весело, плясали и пели под гармонь.

«До слез теперь любимые места! (II, 15)», – напишет поэт о Николe. Этот уголок земли он считал своей малой родиной. Рубцов прикипел всей душой к ее простым пейзажам. Вдали от нее он тосковал по родным местам. Эта тоска звучит во многих его стихотворениях. Ступая на Никольскую землю, он испытывал светлую радость от встречи с ней, отдыхая

От важных дел,
От шумных путешествий!
(«Давай, земля, немножко отдохнем»; II, 87).

Погружаясь в сказочную глушь, наедине с природой он находил успокоение своей метушейся душе, которая обретала здесь «светлый покой» (I, 200).

На родине Рубцов чаще смотрел на небо. Оно казалось ему выше и чище, а звезды – «ярче и полней» (I, 254). И небо дарило ему вдохновение. Рождались удивительные строки:

«Чудный месяц плывет над рекою». –
Где-то голос поет молодой.
И над родиной, полной покоя,
Опускается сон золотой!

(«Чудный месяц плывет над рекою»; I, 188).

Радость общения с родиной, с ее избушками, любимой речкой, ивами, соловьями, с «журавлями в холодной дали» (II, 18) он пронес через всю свою короткую жизнь.

В стихах его постоянно звучит признание в любви к своей милой сердцу земле. Вся жизнь поэта, по его признанию, «вращается незримо»

Вокруг любви моей
Непобедимой
К моим лугам,
Где травы я косил... (II, 87).

А осень поэт любил во всех ее проявлениях. На родине Рубцову было хорошо в любую погоду. «Самая ненастная погода никогда не портит мне здесь настроение. Наоборот, она мне особенно нравится. Я слушаю ее, как могучую печальную музыку...», – писал он А. Яшину из Москвы 25 сентября 1964 г. (III, 320). Осенний лес щедро дарил Рубцову все свои богатства. Душа его «перекликалась со всей звенящей солнечной листвой». Вслушиваясь в звуки природы, он слышал ее голоса.

И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое...
(«Привет, Россия...»; I, 291).

В лесу ему хотелось превратиться:

Или в багряный тихий лист,
Иль в дождевой веселый свист,
Но, превратившись, возродиться...

чтоб

Перед дорогою большою
Сказать: – Я был в лесу листом!
Сказать: – Я был в лесу дождем!
Поверьте мне: я чист душою...
(«Доволен я буквально всем!»; I, 223).

Ветер странствий снова срывал Рубцова с места. Он с тоской покидал свою святую обитель. Прощался, как навсегда, с «тихой родиной», с которой он чувствовал такую «жгучую и смертную связь»; со всем, что было ему здесь близко и дорого. А «речка туманная» снова провожала его в дальний путь.

В стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» Рубцов изобразил себя всадником, который скачет и будет скакать по всей нашей необъятной земле, неся светлую радость людям и пробуждая их сердца к прекрасному... А главное желание поэта исполнилось: звезда его полей, «звезда труда, поэзии, покоя» («Осенние этюды»; I, 273) горит и торжествует над нами.

«Люблю я деревню Николу...»
(Беседа с Н. И. Шестаковым,* земляком поэта)

– Николай Иванович, Ваши детские годы прошли в селе Никольском, известном любителям поэзии как малая родина выдающегося русского поэта Николая Рубцова. Широко известны его строки:

* Шестаков Николай Иванович, проректор по научной работе Череповецкого государственного университета, доктор технических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Хотя проклинает проезжий
Дороги моих побережий,
Люблю я деревню Николу,
Где кончил начальную школу! (I, 212).

Вы тоже учились в этой школе, о которой пишет поэт?

– Николай Рубцов жил в селе Никольском начиная с семилетнего возраста: сначала в детском доме (с 1943-го по 1950 г.), а позднее, будучи взрослым, после учебы в различных учебных заведениях и службы на флоте – с 1962 года – в доме своей гражданской жены Генриетты Михайловны Меньшиковой. Биография поэта достаточно широко освещена в литературе, поэтому излагать ее здесь нет смысла. Наша семья поселилась в Никольском в 1960 году. Тогда мне было 8 лет, и учился я в той самой начальной школе, что и Н. Рубцов. В то время начальная школа размещалась в отдельном двухэтажном здании (в наше время здание не сохранилось – сгорело во время пожара).

– А средняя школа в то время имелась?

– После окончания 4 классов начальной школы учащиеся переводились в восьмилетнюю, где происходило объединение выпускников всех начальных школ Никольского сельсовета (кроме Николы здесь было еще 6 начальных школ). Школьники, у кого дом был далеко (за 5–10 километров), жили в интернате, располагавшемся как раз в том здании, где ранее был детский дом, в котором воспитывался Н. Рубцов (сейчас там дом-музей Н. Рубцова). В 1967 году восьмилетняя школа была преобразована в среднюю. В то время в стране законодательно было введено обязательное среднее образование.

– Никола – это село или деревня?

– Никольское – официально село, но местные жители его называют просто Николой. Слова «деревня» или «село» в бытовой речи обычно не употребляются. Село Никольское всегда было маленьким и именовалось селом только потому, что являлось административным центром Толшменской волости, а при советской власти – центром Никольского сельсовета. Кроме того, здесь была церковь. Некоторые окрестные деревни были значительно больше

Николы. Но в наше время село увеличилось в несколько раз по сравнению с тем, что было во времена Н. Рубцова. Увеличилось за счет разорения окрестных деревень: некоторые из них вообще исчезли. Из 33 деревень в Никольском сельсовете осталось не более пяти, где хотя бы кто-то живет. Это во многом и следствие проводившейся тогда правительством страны политики укрупнения деревень, стимулировавшей даже экономически (выделяли субсидии или даже вообще бесплатно перевозили дома в центральную усадьбу, потому что там проще было решать вопросы, касающиеся разных благ: электричества, водоснабжения, отопления и т.д.).

– Многие почитатели таланта Н. Рубцова мечтают побывать на малой родине поэта, посетить близкие его сердцу места. Как это сделать?

– До Никольского сейчас можно доехать довольно легко. Из Череповца и Вологды до Тотьмы регулярно ходят автобусы. Там пересаживаетесь на другой автобус и через 2–3 часа вы в Николе.

– А как было во времена Н. Рубцова?

– Дорога в Николу тогда была ужасная: асфальта не было. Поэт увековечил ее в стихах:

Какая зловещая трасса!
Какая суровая быль!
Шоферы высокого класса
Газуют сквозь ветер и пыль.

И далее:

Я шел, свои ноги калеча,
Глаза свои мучая тьмой...
– Куда ты?
– В деревню Предтеча.
– Откуда?
– Из Тотьмы самой...
(«На автотрассе»; II, 29).

Предтеча – это деревня в Верхней Толшме, дорога туда шла от Устья Толшемского через село Никольское вдоль реки Толшмы (Никола находится примерно посередине этой «зловещей трассы»). Начиная от Сухоны там были Маныловский, Никольский

сельсовет и затем Верхне-Толшемский сельсовет – в верховьях Толшмы.

Проблема добраться до Николы в то время, конечно, была серьезная. Летом по Сухоне от Вологды до Тотьмы два раза в сутки ходили теплоход (однопалубный) и пароход (двухпалубный). На этом пароходе (теплоходе) нужно было доехать до Устья Толшемского. А дальше твоя судьба зависела от случая: есть попутная машина или нет. Машины могло и не быть. Тогда приходилось где-то договариваться на ночлег или идти пешком. Пешком – это 30 км. За день можно дойти.

Зимой был второй путь – по железной дороге. От Вологды в юго-восточном направлении нужно было на пригородном поезде «Вологда – Буй» добраться до станции Вохтога (примерно час езды). В Вохтоге следовало перебраться на так называемую леспромхозовскую ветку (широкой колеи), по которой ходили поездалесовозы и раз в сутки – пассажирский поезд из трех вагонов. В Вохтоге – два вокзала. Нужно было перейти с одного вокзала на другой (они рядом), купить билет, сесть в этот поезд и ехать до станции Гремячий. Станция Гремячий – это небольшой леспромхозовский поселок. От Гремячего до Николы – 20 км, но уже никаких надежд на попутную машину нет, надо было смело идти пешком. Поезд приходил в час ночи, и хорошо, если луна светила. От Гремячего первые три километра нужно было идти лесом, потом – первая деревня Игошево, на реке Толшме. На холме там был величественный храм (храм сохранился, а деревни уже нет). По мосту перебирались на другой берег Толшмы, проходили деревню, а дальше – десять километров совершенно прямой лесной дороги. Никаких ориентиров нет. Сколько прошел, можешь определить только по часам (один час – около пяти километров пути). После этого оказываешься в Никольском сельсовете, там первая деревня Починок. А дальше уже идешь деревнями, там уже веселее.

После смерти Н. Рубцова, когда к нему пришла настоящая слава, встал вопрос о том, как увековечить его память. Тогда появилась идея открыть в Никольском дом-музей Н. Рубцова. и стали всерьез заниматься благоустройством села. Одну из улиц села называли именем поэта. Имя Н. Рубцова носит и Никольская средняя

школа. Тогда же, возможно, на волне памяти к Николаю Рубцову и стали строить нормальную дорогу, не просто нормальную, а хорошую, асфальтированную – от Устья Толшемского до Николы и дальше. Дорога должна была быть полностью асфальтированной, но потом грянула перестройка, и асфальт кончился. Половину дороги (от Устья Толшемского до середины) не успели заасфальтировать и до сих пор. В то же время начали строить прямую дорогу от Николы до Тотьмы и по той же причине не успели тогда закончить. Прямая дорога введена в эксплуатацию совсем недавно. Несмотря на отсутствие асфальта в некоторых местах, в целом состояние обеих дорог неплохое. После того как установилось регулярное автобусное сообщение, по железной дороге люди перестали ездить, и лесная дорога постепенно заросла кустами и деревьями.

– **Николай Рубцов в стихах о своей малой родине увековечил не только «зловещую трассу»...**

– Да, например, реку Толшму, церковь. Некоторые его стихи написаны как бы с натуры, ландшафты легко узнаваемы. Пока церковь (в честь святителя Николая) была действующей (до советской власти), кладбище находилось возле храма. Потом церковь закрыли и стали потихоньку разрушать:

Купол церковной обители
Яркой травой зарос (I, 186).

В наше время купол зарос уже не только травой, но и небольшими деревцами. Во времена Н. Рубцова, кроме частично сохранившегося до наших дней центрального купола, были еще купола. В помещении церкви тогда располагался маслозавод, а под одним из куполов, что поменьше, был ледник. Тогда электричество уже было, но только лишь местного производства (работал дизель), и напряжение в сети было неустойчивое. Поэтому керосиновые лампы (на всякий случай!) были во всех домах. Маслозавод работал на электроэнергии, но вместо холодильника использовали ледник, что помещался под куполом. Зимой на реке Толшме заготавливали лед и завозили его под один из куполов. Там и хранили масло (масло необходимо хранить в прохладном помещении при посто-

янной минусовой температуре). Делали огромные запасы льда, и его было достаточно до следующей зимы, хотя лед потихоньку таял. Позднее маслозавод построили в другом месте. Он был оснащен современным оборудованием, а в помещении церкви оборудовали хлебопекарню (кстати, она и сейчас там).

Когда (в тридцатые годы прошлого века) храм закрыли, кладбище решили перенести и устроить на правом берегу реки Толшмы, напротив церкви. Но получилось не очень удачно, потому что часть кладбища почти ежегодно во время паводка затопляет. Часть могил оказывается под водой. Бурные потоки иногда вырывают могильные кресты. А многие, особенно дети, считают, что там и гробы всплывают. Этим, возможно, навеяны и соответствующие строчки в известном стихотворении Н. Рубцова:

Я умру в крещенские морозы,
Я умру, когда трещат березы.
А весной ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый,
Разобьется с треском,
и в потемки
Уплывут ужасные обломки.
Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя! (II, 110).

Недалеко от церкви природное русло Толшмы сильно изгибалось в форме огромной петли, что вызывало заторы во время ледохода, а также при лесосплаве. Поэтому в 50-х годах прошлого века здесь

Между речными изгибами
Вырыли люди канал (I, 186).

– Николай Иванович, Вам приходилось лично общаться с Николаем Рубцовым, с его семьей?

– Лично с Николаем Рубцовым я не был знаком. У нас очень большая разница в возрасте, поэтому для него мы были, конечно,

просто детьми. Другое дело его жена Генриетта Михайловна, которая всех детей знала и в лицо, и по имени. Она в то время работала директором местного Дома культуры и по сути дела являлась организатором досуга населения, в первую очередь, молодежи. В дневное время, когда взрослые были заняты серьезным делом, тетя Гета (мы ее так тогда звали) разрешала ребятишкам играть в бильярд и теннис, кроме того, в Доме культуры часто демонстрировались детские фильмы. Дочь Николая Михайловича и Генриетты Михайловны Елена Рубцова в настоящее время со своей семьей живет в Санкт-Петербурге. Дальнейшая судьба Генриетты Михайловны после смерти Н. Рубцова сложилась таким образом. Она официально вышла замуж за Шамахова Николая Александровича. Он был лет на 10 ее моложе. Но большого удивления этот брак у сельчан не вызвал, так как Николая всегда тянуло к людям более зрелым. Друзья у него были в основном значительно старше его. К сожалению, Николай погиб во время пожара, а чуть позже умерла и Генриетта Михайловна (в 2002 году). Их общий сын сейчас живет в Никольском.

– Как сельчане относились к Николаю Рубцову и к его творчеству?

– В 1960-е годы Н. Рубцов был уже известным поэтом, но отношение к нему на селе было, конечно, неоднозначное. Многие осуждали его за то, что материально он свою семью почти не поддерживал. Что же касается творчества поэта, то тогда стихи писали и некоторые другие никольчане. Поэтому Николай Рубцов в первое время воспринимался земляками как один из местных поэтов.

В 1964 году стихи Н. Рубцова были опубликованы сразу в нескольких центральных литературных журналах, вышел первый сборник его стихов, к поэту пришла всесоюзная слава. Тогда земляки поняли, что Н. Рубцов – выдающийся русский поэт. Причем в это время почти все стихи Н. Рубцова, прежде чем попасть в столичные журналы, публиковались сначала в районной газете «Ленинское знамя» (в наше время «Тотемские вести»). Потом некоторые из этих стихов появлялись в областной газете «Красный Север», и только после этого они печатались уже в «толстых» журна-

лах. Поэтому сначала стихи Н. Рубцова читали в Николе, в Тотемском районе, и первыми читателями были земляки, которые не только стихи читали, но и активно обсуждали их.

*Беседу вел А. Е. Новиков.
Июнь 2007 года.*

Р. С. Минина*

Поэзия Николая Рубцова на страницах череповецкой городской газеты «Коммунист» (1965–1971 гг.)

Во второй половине 60-х годов прошлого века Н. М. Рубцов неоднократно бывал в Череповце. В середине декабря 1965 года поэт, уже блеснувший публикациями в столичных журналах, уже автор первой книги лирики, вышедшей в Северо-Западном книжном издательстве¹, но бездомный, не имевший прописки, обратился с запросом в Череповецкий городской отдел милиции:

«Уважаемые товарищи!

Очень прошу вас сообщить мне адрес Рубцовой Галины Михайловны, г.р. 1929, которая сейчас проживает в г. Череповце. И еще очень прошу сообщить мне об этом не задерживаясь, так как мне это совершенно сейчас необходимо.

Она моя сестра.

С уважением, Рубцов Николай.
Мой адрес: г. Вологда,
ул. Ленина, 17, Союз писателей».

* Римма Сергеевна Минина в 1959 году окончила филологический факультет Вологодского государственного педагогического института. Работать в печати начала в марте 1960 года – библиотекарем редакции областной газеты «Красный Север». С декабря 1960-го литературный сотрудник, затем заведующая отделом учащейся молодежи областной газеты «Вологодский комсомолец». В марте 1964 г. переведена на работу в Вологодский областной комитет по радиовещанию и телевидению – собственным корреспондентом радио по городу Череповцу. В апреле 1965 года приглашена в качестве зав. отделом культуры в череповецкую городскую газету «Коммунист». Здесь работала до апреля 1990 года. Член Союза журналистов России с 1964 года.

На обороте этого письма – штамп Череповецкого горотдела милиции: «Рубцова Галина Михайловна, Московский пр., д. 44, кв. 62, и дата – 17 декабря 1965 года»².

След пребывания поэта в городе на Шексне в конце декабря 1965 г. отпечатался в городской газете «Коммунист» за 1 января 1966 года. На третьей полосе новогоднего номера было помещено его стихотворение «Новогодний мороз».

Лично для меня этот январский номер тоже особенный: первый новогодний праздник в новой для меня газете; кроме того, на той же третьей полосе печатались сразу два моих материала.

О Николае Рубцове я знала по публикациям в столичных изданиях. Была знакома и с первой книгой его стихов «Лирика».

Из помещенных в ней двадцати пяти стихотворений меня потрясли три: «Звезда полей», «Тихая моя родина» и особенно – «Видения на холме». Первая строка этого стихотворения – «Взбегу на холм / и упаду / в траву...» (I, 204) – звучит мощно, как орган, и прерывает дыхание...

А этот контраст:

Кресты, кресты...
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони –
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони (I, 205).

Это воистину миг прозрения. Он долго будет казаться мне лучшим местом в лирике Рубцова. Позднее поэт скажет об этом по-другому, уже чеканной формулой философа:

... Одно осталось ясно –
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы (II, 8).

Вернемся в январь 1966-го. Поэт был в редакции, принес стихи до наступления Нового года, иначе не успел бы в праздничный номер.

Следует сказать немного и о самой газете. «Коммунист» этой поры – заметное периферийное издание формата «Правды». Вы-

ходит пять раз в неделю. Страницы его украшают выразительные снимки фотокорреспондента Виктора Михайловича Мясникова, череповчанина по рождению, участника Великой Отечественной войны. Возглавляет издание редактор Александр Васильевич Катаников, партийный работник. Большинство в штате составляют мужчины, участники Великой Отечественной войны (О. П. Тихомиров, В. В. Лукичев, Б. И. Андриюшанов, А. П. Филатов, П. И. Виноградов). Самый яркий профессионал редакции – женщина, Ксения Сергеевна Потемкина (после освобождения Украины – корреспондент Украинского отделения ТАСС, в свое время – редактор многотиражной газеты металлургов Нижнего Тагила) – прекрасный человек с большим жизненным опытом, талантливый читатель, внимательно отслеживавший развитие литературного процесса в годы оттепели.

В редакции своя библиотека, выписываются почти все «толстые» журналы, центральные газеты, газеты всех «металлургических» городов России.

До моего прихода в редакцию отдел культуры возглавлял Валентин Васильевич Викулов, тоже выпускник Вологодского пединститута, начинавший в журналистике как литературный критик, хорошо знавший литературную Вологду.

В промышленном отделе работает молодой одаренный сотрудник Валентин Богданов, в газете печатаются его стихи и очерки.

Обстановка в редакции вполне благожелательная (хотя и не без сложностей), тон в общении задают люди старшего поколения, прошедшие через горнило войны.

Череповчане внимательны к своей городской газете, в отделы приходит много посетителей; почта кроме привычных обращений с жалобами приносит и немало интересных писем о судьбах людей. Отношение отделов к читательским посланиям – под строгим контролем. В редакции создана школа рабкоров (рабочих корреспондентов), сотрудники газеты по плану ведут в ней занятия.

Регулярно выходит в газете «Литературная страница», даются подборки литературных материалов на страницах выходного дня.

В газете «Коммунист» в то время печатались многие литературно одаренные люди: прозаики Д. Мазрухо, В. Шарыпов, И. Бо-

дренков, Ю. Тарыничев, историк и критик театра Г. В. Сизова, поэт и прозаик М. Ганичев, поэты В. Сорокин, В. Федотов, Л. Наумова, С. Гадаев, А. Каютина, В. Маринов, В. Катышев. Позднее на ее же страницах начинали Н. Кучмида, А. Брагин, А. Грязев, А. Хачатрян, Б. Челноков, Л. Шабанова, Н. Кузнецов, С. Круглов, И. Воробьев, А. Пошехонов, Т. Жмайло...

В обозначенные годы на страницах «Коммуниста» присутствуют и вологодские литераторы: В. Гура, В. Гроссман, С. Викулов, Б. Чулков, Л. Патралов, В. Коротаев, О. Фокина, А. Романов.

...Итак, вот он, подарок череповчанам от поэта Н. Рубцова:

Новогодний мороз

Мороз под звездочками светлыми
По лугу белому, по лесу ли
Идет, поигрывая ветками,
Снежком поскрипывая весело.
И все под елками похаживает,
И все за елками
ухаживает, –
Снежком атласным
принаряживает
И в новогодний путь –
проваживает.
А после самrinaряжается,
В мальчишку вдруг
преображается
И сам в дорогу отправляется:
– Кому невесело гуляется?
Не за упряжками обозными
Бежит вперед с дарами редкими,
И все подмигивает звездами,
И все поигрывает ветками.
Со всеми дружит он и знается,
И жизнь в недолгой этой праздности
Как будто снова начинается –
С морозной свежести и ясности!³

В книгу это стихотворение попадет только в 1969 году⁴ в новой редакции и под новым названием – «Январское»⁵.

Строка «И сам *в дорогу** отправляется» читается теперь: «И сам *на праздник* отправляется». В окончательном варианте текста «И жизнь *в недолгой* этой праздности» исправлено на «*в короткой*»⁶.

Автор отказался от строки «Не за упряжками обозными», заменив ее строкой принципиально иного содержания: «Лесами темными и грозными»⁷.

После 16-й строки газетного варианта появляется дополнение:

И льдинки отвечают звонами.
А он спешит, спешит к народу
С шампанским, с музыкой, с поклонами
Счастливо прожитому году.⁸

Стоит отметить, что публикация стихотворения «Январское» в «Коммунисте» еще не учтена рубцоведами (например, в наиболее полном, с текстологической точки зрения, 3-томном собрании сочинений Н. М. Рубцова (М., 2000) ссылки на череповецкую периодику отсутствуют). В то же время очевидно, что введение материалов череповецкой городской газеты «Коммунист», связанных с Н. Рубцовым, в научный оборот поможет лучше осмыслить творческую историю не только анализируемого стихотворения, но и некоторых других произведений автора.

Новый 1966 год Н. Рубцов встречал в Череповце. 8 января два его стихотворения – «Хлеб» и «Доволен я буквально всем...» – открывают первую в наступившем году «Литературную страницу» газеты «Коммунист». Первое затем появится в книге «Последний пароход»⁹, второе – в сборнике «Душа хранит»¹⁰.

22 января 1966 г. на «Литературной странице» печатается еще одно стихотворение поэта:

Он поднял флаг
над сельсоветом.
Над тихой родиной своей.
Над всем старинным белым
светом

* Здесь и далее выделено мною. – Р.М.

Он поднял флаг!
Он дорожил большим доверьем.
Смотрел, мечтая, далеко,
Не изменил родной деревне,
Когда ей было нелегко.
Он не стремился к личной славе,
Не верил скучным голосам.
Он знал, кто едет, тот и правит, –
И в трудном деле правил сам!
За изобилье в каждом доме,
За добрый говор – напрямик
Он твердо шел, собою скромн
И одновременно велик¹¹.

В дальнейшем стихотворение получит название «Рассказ о коммунисте». Но достойная коммуниста газетная строка: «Смотрел, мечтая, далеко» заменится на «И даже / Брошенный женой» (III, 212).

Опубликованные в январе 1966 г. стихотворения прошли в газете с подачи заместителя редактора В. В. Викулова, он принимал поэта в редакции. Я Н. Рубцова в этом году не увидела.

Самое яркое присутствие поэта в «Коммунисте» относится к 1967 году. История публикаций этого года оставила незабываемый след в моей жизни.

...Редакция располагалась на третьем этаже производственного здания городской типографии с высоченными потолками и огромными окнами, в одно из которых упирался редакционный коридор сразу за входной дверью с лестницы.

В тот день, в первой половине мая, мы, несколько сотрудников, возвращались в редакцию после обеда. В коридоре, у окна с видом на улицу Комарова, правым боком к входящим стоял человек, легендарный облик которого нельзя было не узнать сразу. Невысокий, в длинном темном пальто, с непокрытой головой, но с шарфом вокруг шеи... Рубцов...

Он не шелохнулся. Не перевел взгляда.

Печать отрешенности на всем его облике смутила нас, и мы тихо прошли у него за спиной в свои кабинеты.

В отдел культуры тотчас же кто-то заглянул:

– Рубцов в коридоре стоит, видела?

– Да.

Зазвонил телефон. Заместитель редактора, куратор моего отдела Валентин Васильевич Викулов сказал:

– Рубцов в Череповце проездом. Ему нужны деньги. Я уже передал его стихи в машбюро, читайте и определите, что возьмете.

Я вышла в коридор. Поэт оставался все в той же позе.

В машбюро стихи были уже отпечатаны. Целая подборка. Я вычитала машинописные тексты, сверяя их с авторскими. Большое стихотворение «Русский огонек» было написано от руки на двух листках нашей редакционной бумаги очень четким, ровным и, как мне показалось, почти женским почерком.

Я оставила для публикации все: «Русский огонек», «Ночь на родине», «Звезда полей», «Шумит Катунь», «Утро», «Сапоги мои...», «Осенние этюды».

В редакции было правилом выплачивать гонорары за уже опубликованные материалы. Но здесь был особый случай. В. В. Викулов торопил меня, чтобы предъявить стихи для оплаты бухгалтеру (платили за стихи в газете не построчно, а за каждое стихотворение, профессионалам побольше, а начинающим авторам, конечно, меньше, до полутора рублей).

С подборкой в руках я направилась в кабинет зам. редактора почти за спиной Рубцова.

Поэт стоял у окна все так же.

Вышла из кабинета. Остановилась за ним шагах в трех...

Николай Михайлович мог ожидать завершения дела в кабинете В. В. Викулова, брату которого, поэту Сергею Викулову, он писал доверительные письма с осени 1964 года. Или в кабинете у Бориса Константиновича Ромодина, выпускника Литературного института, с которым в Вологде его знакомил у себя дома поэт Александр Романов.

Но Рубцов стоял в коридоре; одиноко, неприступно, как изваяние...

Мне не пришло в голову попросить Валентина Васильевича познакомиться нас. Но как же хотелось окликнуть поэта:

– Николай Михайлович! (А может быть, просто – Николай...
Ведь мы были почти ровесники...)

Я постояла-постояла за его спиной и не осмелилась...

Из семи предложенных Н. Рубцовым стихотворений 21 мая 1967 года на «Странице выходного дня» в рубрике «Любителям поэзии» газета публикует пять, предваряя их следующим вступительным текстом:

«Стихи Николая Рубцова *хорошо* (выделено мною. – Р. М.) знакомы любителям поэзии.

Рубцов – наш земляк-вологжанин, сейчас студент Литературного института имени М. Горького.

Первая книга поэта была издана в прошлом году¹² Северо-Западным книжным издательством, а совсем недавно в Москве, в издательстве «Советский писатель», вышла его новая книга стихов «Звезда полей»¹³.

На днях Н. Рубцов побывал у нас в редакции, оставил новые стихи. Почитайте их, и вы хорошо почувствуете главное в лирике поэта – его неизменно глубокое чувство к Родине»¹⁴.

Оценим выбор поэта глазами сегодняшнего читателя.

Открывает подборку стихотворение «Ночь на родине». Его еще нет в вышедшем столичном сборнике «Звезда полей». Через два года оно будет открывать третью книгу Н. Рубцова «Душа хранит»¹⁵.

Следующее в публикации – классическое стихотворение «Звезда полей», присутствовавшее уже в первой книге поэта¹⁶, – дало название и первой столичной книге Н. Рубцова.

Еще два стихотворения – «Утро» и «Сапоги мои...» (книжное название – «Сапоги мои скрип да скрип...») – предложены поэтом из сборника «Звезда полей», еще широко не известного читателям.

Газетные тексты четырех произведений («Ночь на родине», «Звезда полей», «Утро» и «Сапоги мои...») соответствуют своим книжным вариантам. Стихотворение «Шумит Катунь» появится в книге «Душа хранит» в новой редакции и уже с посвящением В. Астафьеву.

В нашем газетном варианте в стихотворении 20 строк. Из них книжному варианту соответствуют 8 начальных. Далее в газете:

Катунь. Катунь – *великая** река!
Поет она *нерадостные* мифы.
Как гунны шли и пировали скифы,
Опустошая эти берега.
Прошли года. Еще прошли года.
Все потонуло в ветреном и мглистом, –
И лишь Катунь, как древняя орда,
Несется с воем, гиканьем и свистом!¹⁷

Через два года в книге отредактируется строка-обращение: «Катунь, Катунь – *свирепая* река!» (I, 287) Сохранится следующая за ней строка. Шесть последующих заменятся новыми, за ними автор добавит еще четыре строки. Завершающееся четверостишие останется в нашем газетном варианте.

Два стихотворения из семи предложенных Рубцовым (оба присутствовали в книге «Звезда полей») – «Русский огонек» и «Осенние этюды» – остались неопубликованными в газете. В отдел они вернулись с пометами на полях. Один редактор заметил: «Насчет этих стихотворений много разных мнений. Как считаете Вы? » Другой, по прочтении, резюмировал: «Ну и жуткая жизнь. Тоска, одиночество. Прямо на луну выть хочется».

Оба редактора, не подписав материал в печать, могли спокойно опустить листки «в корзину». Но они вернули их на мой стол. (Думаю, это был акт доверия, уважения к мнению зав. отделом, а еще и вразумления, что отбирать для газеты). Благодаря этому эпизоду в моем архиве сохранились реальные, а не выдуманные теперь редакторские отзывы на произведения поэта при его жизни.

Можно подумать, что так читали и воспринимали Рубцова только провинциальные редакторы. Но нет. В газете «Правда» 15 января 1971 года, за три дня до смерти поэта, в статье «Языком лирики о современности», большая часть которой была посвящена анализу книг Рубцова «Звезда полей» и «Сосен шум», проявляется

* Здесь и далее выделено мною. – Р.М.

как бы установочная позиция. «И если в предыдущем сборнике поэта нередко пробивалась меланхолическая интонация, то теперь чаще звучит интонация жизнеутверждающая... Эти новые шаги Николая Рубцова следует приветствовать»,¹⁸ — отмечал автор статьи. И еще, цитируя Рубцова, столичный критик писал: «...Любя деревню, заявляя, что *“легче там, где поле и цветы”* (выделено мною. — Р. М.), Николай Рубцов не страдает ограниченностью кругозора, не замыкается в пределах деревенской околицы»¹⁹. Но теперь-то, спустя почти четыре десятилетия после появления стихотворения «Зеленые цветы», одного из самых «рубцовских», мы понимаем, какую на самом деле выстраданную мысль стремился «заявить» поэт современникам:

Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы (II, 8).

Считается, что у стихотворения «Русский огонек» (1967 г.) есть первый вариант под названием «Хозяйка» (1965 г.) Но теперь благодаря сохранившемуся оригиналу, представленному поэтом череповецкой газете, мы имеем промежуточный вариант и можем анализировать, как работал над своими произведениями Рубцов-редактор. Предлагаю стихотворение с сохранением всех авторских знаков препинания.

Русский огонек

Погружены в томительный мороз.
Вокруг меня снега оцепенели!
Оцепенели маленькие ели,
И было небо бледное, без звезд, —
Какая глушь! Я был один живой,
Один живой в бескрайнем мертвом поле!
Я шел вперед со всею силой воли!
Но окружал меня звериный вой...
И вот — о, друг рискованных дорог!
Кто по тебе в скитаниях не плакал? —
Блеснул живой, спокойный огонек
Среди снегов томительных и мрака.
Среди безлюдья...

В мерзлое стекло
Я постучался мерзлою рукою.
И на печи, где было так тепло,
Отогревался, радуясь покою.
Хозяйка тупо слушала меня:
Уж в тусклом взгляде
Жизни было мало,
И неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала...

Как много желтых снимков на Руси!
Их вид порой грустнее эпитафий.
Как больно снова душу поразил
Сиротский смысл семейных фотографий!
Огнем, враждой земля полным-полна, —
И близких всех душа не позабудет!..
— Скажи, родимый, будет ли война?
И я сказал: — Наверное, не будет...
— Дай бог, дай бог... Ведь всем не угодишь.
Да от раздора пользы не прибудет...
И вдруг опять: — Не будет, говоришь?
— Нет, — говорю, — наверное, не будет!
— Дай бог, дай бог...

И тускло на меня
Опять смотрела, как глухонемая,
И головы седой не поднимая,
Опять склонясь, дремала у огня...
Что снилось ей?
Весь этот белый свет,
Быть может, встал пред нею в то мгновенье,
Но я глухим бренчаньем монет
Прервал ее старинные виденья.
— Господь с тобой! Мы денег не берем...
— Простите... Что ж... Желаю вам здоровья!
— За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек.

За то, что с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле – и нет тебе покоя!²⁰

В «Осенних этюдах» совсем немного различий с книжным вариантом. Приведу эти строки:

Газета

Книга

(сборник «Звезда полей»)

И каждый раз, *воспрянувши душою...*^{*}

И каждый раз, *себя превозмогая...*

Овеянное *сказами* и былью...

Овеянное *сказками* и былью...

Исчезнет даже память *о себе...*

Исчезнет даже память *о тебе...*

Мираж пропал! Я весь похолодел!..

Мираж пропал. Я весь похолодел...

Когда увидят вдруг, что ты один!..²¹

Когда увидят вдруг, что ты один...

(I, 272–274).

15 сентября 1967 года на четвертой полосе «Коммуниста» был помещен снимок А. Тихомирова, на нем – А. Яшин, А. Романов, В. Белов. Фотоснимок сопровождался следующим текстом Л. Александрова: «Утром 24 августа от причала судостроительного завода отошел в необычный рейс небольшой теплоход. На борту – группа писателей Москвы, Вологды, Ленинграда. Все 10 человек, за исключением коренного москвича Дмитрия Голубкова, вологжане: Николай Кутов, Николай Рубцов, Борис Чулков, Виктор Коротаяев, Леонид Беляев, Александр Романов, Василий Белов, Сергей Чухин, Александр Яшин»²².

Почему-то сообщение печаталось с большим опозданием. Это путешествие по маршруту Череповец–Вытегра, с остановками для встреч с читателями в Кириллове, Белозерске, Липином Бору, Вытегре и Оште, составило основу содержания известного стихотворения Н. Рубцова «Последний пароход» (1968), посвященного памяти А. Я. Яшина.

^{*} Здесь и далее выделено мною. – Р.М.

28 октября 1967 года на «Литературной странице» вновь присутствуют два стихотворения поэта. Первое из них следующее:

Она совсем еще ребенок –
И ясен взгляд, и голос тонок.
Она совсем еще дитя –
Живет, *пугая и шутя*^{*}.

– Давай походим темным лесом!
Давай разбудим соловья!
Там у дороги под навесом
Моя любимая скамья.

Давай сбежим скорее в поле!
Давай посмотрим на зарю!
И я иду за ней без воли
И тоже что-то говорю,

Но чувства борются во мне,
Я в жизни знаю слишком много,
И часто с ней наедине
Мне и легко, и одиноко.

И вот она уже грустна,
И вот уже серьезней встречи, —
Совсем запутает она
Клубок моих противоречий!²³

Стихотворение появится в первом посмертном издании поэта²⁴ с добавлением завершающего четверостишия:

Зачем же мы ходили лесом?
Зачем будили соловья?
Зачем стояла под навесом
Та одинокая скамья? (I, 288).

Оно и даст название стихотворению — «Зачем?»

В книге Н. Рубцова «Избранная лирика»²⁵ стихотворение ошибочно помечено звездочкой, как публикуемое впервые.

* Выделено мною. — Р.М.

Второе опубликованное в этом номере «Коммуниста» стихотворение Н. Рубцова – «Гуляевская горка». Оно появится только в третьей книге поэта «Душа хранит».²⁶ Первое газетное четверостишие «Гуляевской горки» соответствует книжному. Далее, во втором четверостишии:

Газета

Книга

*Глухих** преданий добрые уста.²⁷

Простых преданий...²⁸

В конце стихотворения точка.

Многоточие.

18 сентября 1968 года в «Коммунисте» печатается рекламная «Литературная страница» «У нас в гостях журнал «Наш современник». Издание возглавляет С. В. Викулов. Н. Рубцов представлен двумя стихотворениями – «Старый конь» и «Фальшивая колода» (оба входили в рубцовский сборник «Лирика» 1965 года). А в это время поэт настолько далек уже от «Фальшивой колоды», что далее не поместит стихотворение ни в одном из прижизненных своих изданий – ни в 1969-м, ни в 1970 году.

7 мая 1969 года вновь у нас в гостях «Наш современник». Журнал сообщает читателям о своих литературных предпочтениях, но имени Н. Рубцова в анонсе нет. Нет его и на страницах нашей газеты в течение всего этого года.

17 октября 1970 года «Коммунист» сообщает: «Сегодня мы печатаем произведения наших гостей – писателей России, которые приехали в наш город для встречи с читателями»²⁹. Представлены поэты Сергей Викулов, Виктор Боков, Александр Романов, Сергей Михалков.

В 1970 году публикаций произведений Рубцова в газете нет.

1971 год. Сообщения о смерти поэта в газете не было.

* Здесь и далее выделено мною. – Р.М.

Р.С. Работать в газете «Коммунист» я начала 29 апреля 1965 года. С этого момента я и перелистывала страницы газеты. В этом году сошлись два события.

10 августа 1965 года «Коммунист» напечатал сообщение ТАСС: «Улица Сергея Есенина».

Рязань. Имя Сергея Есенина присвоил исполком Рязанского городского Совета депутатов трудящихся одной из центральных магистралей города в связи с исполняющимся осенью 70-летием со дня рождения поэта»³⁰.

8 сентября этого же 1965 года в Северо-Западном книжном издательстве была подписана в печать первая книга Николая Рубцова...

Но только теперь, когда мы уже отметили семидесятилетие Николая Рубцова, давно назвали улицу в его честь, поставили памятники поэту и величаем его в одном ряду с Есениным и другими классиками отечественной литературы, мы начинаем вникать в ту сокровенную суть его поэзии, которую он выстрадал всей своей жизнью...

28 апреля – 15 ноября 2006 г.

Примечания

¹ Рубцов Н. М. Лирика. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1965.

² Коняев Н. М. Николай Рубцов. М.: Алгоритм, 2006. С. 210. Процитированное письмо впервые было опубликовано С. Багровым в журнале «Волга», 1986, № 4 (см.: [III, 413]. По сравнению с этой публикацией в тексте, помещенном в книге Н. М. Коняева, имеются небольшие разночтения. Прим. ред.)

³ Коммунист. 1966. 1 января. № 1.

⁴ Впервые это стихотворение с названием «Мороз» было напечатано в тотемской газете «Ленинское знамя» от 1 января 1965 г. Затем – 1 января 1968 г. – «Январское» появилось и в газете «Красный Север» (См.: I, 334; III, 219; 405).

⁵ Рубцов Н. М. Душа хранит. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1969. См. также: Рубцов Н. М. Душа хранит // Рубцов Н. М. Сочинения: Прижизненные издания; Избранное. М., 2006. С. 217.

⁶ Рубцов Н. М. Душа хранит // Рубцов Н. М. Сочинения: Прижизненные издания; Избранное. М., 2006. С. 217.

⁷ См.: Рубцов Н. М. Душа хранит // Рубцов Н. М. Сочинения: Прижизненные издания; Избранное. М., 2006. С. 217.

⁸ См.: *Рубцов Н. М. Душа хранит* // Рубцов Н. М. Сочинения: Прижизненные издания; Избранное. М., 2006. С. 217; I, 255.

⁹ *Рубцов Н. М. Последний пароход*. М.: Современник, 1973. Стихотворение «Хлеб» впервые было напечатано в журнале «Молодая гвардия». М., 1964. № 6 (см.: I, 323).

¹⁰ См.: *Рубцов Н. М. Душа хранит* // Рубцов Н. М. Сочинения: Прижизненные издания; Избранное. М., 2006. С. 229. Стихотворение «Доволен я буквально всем...» было также опубликовано в газете «Вологодский комсомолец» за 16 января 1966 г., в журналах «Смена» (1967, июнь) и «Сельская молодежь» (1967, № 7) (см.: II, 331).

¹¹ *Коммунист*, 22 января 1966 г. В действительности под названием «Рассказ о коммунисте» это стихотворение (точнее, первый его вариант) было опубликовано в газете «Ленинское знамя» (г. Тотьма) от августа 1964 г. (см.: III, 212; 405). Прим. ред.

¹² Имеется в виду сборник «Лирика», изданный в 1965 г.

¹³ *Рубцов Н. М. Звезда полей*. М.: Сов. писатель, 1967.

¹⁴ «Коммунист». 1967. 21 мая.

¹⁵ См.: *Рубцов Н. М. Душа хранит* // Рубцов Н. М. Сочинения: Прижизненные издания; Избранное. М., 2006. С. 169. Для Череповецкого государственного университета, думается, небезынтесна дарственная надпись на этой книге из архива автора: «Участнику первого заседания Литературного клуба при ЧГПИ. 27 марта 1970 года. Правление клуба». Создавала клуб и руководила им зав. библиотекой института Людмила Валентиновна Апарина.

¹⁶ См.: *Рубцов Н. М. Лирика* // Рубцов Н. М. Сочинения: Прижизненные издания; Избранное. М., 2006. С. 65.

¹⁷ «Коммунист». 1967. 21 мая. Несколько ранее стихотворение «Шумит Ка-тунь» было опубликовано в газете «Ленинский путь», Бабаево, Вологодская обл., от 22 апреля 1967 г. Затем, 8 декабря 1967 г., вышло и в газете «Правда» (см.: I, 341).

¹⁸ «Правда». 1971. 15 января.

¹⁹ «Правда». 1971. 15 января.

²⁰ Печатается по рукописи, хранящейся в архиве автора статьи. Ранний вариант стихотворения под названием «Хозяйка» был опубликован в журнале «Октябрь», 1964, № 8 (затем он вошел и в сборник «Лирика» (1965 г.)) (см.: I, 325). Прим. ред.

²¹ Осенние этюды. Машинопись, редакционный оригинал (неизданный) с пометами редактора. Архив автора. Стихотворение «Осенние этюды» сохранилось в письме А. Яшину от 16 ноября 1965 г. с посвящением А. Яшину (см.: I, 337). Впервые было опубликовано в книге «Звезда полей» (1967) (см.: I, 337).

²² «Коммунист». 1967. 15 сентября.

²³ «Коммунист». 1967. 28 октября. Также это стихотворение было напечатано в областной газете «Красный Север» от 2 ноября 1967 г. (см.: I, 341–342).

²⁴ *Рубцов Н. М. Зеленые цветы*. М.: Сов. Россия. 1971. См.: *Рубцов Н. М. Зеленые цветы* // Рубцов Н. М. Сочинения: Прижизненные издания; Избранное. М.,

2006. С. 376. Четвертая строка первой строфы звучит здесь несколько иначе, чем в газетной публикации «Живет *игра* и *шутя*» (выделено мною. – Р.М.)

²⁵ Рубцов Н. М. Избранная лирика. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1974.

²⁶ Рубцов Н. М. Душа хранит. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1969. См.: Рубцов Н. М. Душа хранит // Рубцов Н. М. Сочинения: Прижизненные издания: Избранное. М., 2006. С. 228.

²⁷ «Коммунист». 1967. 28 октября. Стихотворение «Гуляевская горка» несколько ранее появилось в газете «Волна» (Вашки. Вологодская обл.) от 21 сентября 1967 г.; также оно было напечатано в журнале «Молодая гвардия» (1968, № 3). Прим. ред.

²⁸ Рубцов Н. М. Душа хранит // Рубцов Н. М. Сочинения: Прижизненные издания: Избранное. М., 2006. С. 228.

²⁹ «Коммунист». 1970. 17 октября.

³⁰ «Коммунист». 1965. 10 августа.

Г. М. Березина

Одна встреча с поэтом ¹

Пришло время написать о моем кратковременном знакомстве с теперь уже всем известным русским поэтом – гениальным Николаем Рубцовым.

Случилось это в Череповце в 1965 году. В то время при газете «Коммунист» существовало литературное творческое объединение молодых. В нем одновременно пробовали свои силы прозаики Юрий Тарыничев, Вениамин Шарыпов; поэты Вячеслав Козлов, Валентин Федотов, Валентин Маринов, Иван Полунин, Михаил Ганичев, Владимир Катышев, я и другие.

Так получилось, что я жила в одинаковой близости от всех, и мой дом стал, что называется, «проходным двором». Как говорила моя бабушка, как в полое прясло шли. Такие мы все были дерзкие, уверенные в себе, хотя почти у всех – ни жизненного опыта, ни багажа знаний. Я такая же была. Тем более, что до встречи с Рубцовым приглашалась на семинар писателей Севера в Вологду и была принята там хорошо. Даже в «Литературной газете» была заметочка в каком-то углу, что прошел семинар и некая

Галина Березина подает надежды. Про меня было написано всего одной строчкой, но...

Как-то вечером, а именно 28 декабря 1965 года, ко мне зашел Валентин Маринов и привел с собой, как мне тогда показалось, худенького, небольшого роста, немного лысоватого, одетого в какой-то простенький костюм молодого человека. Брюки заправлены в серые растоптанные валенки, и от этого он показался мне еще более щедущим. Но глаза... насквозь смотрящие и всё видящие. Его неординарность, особенность сразу чувствовались и в манере поведения, и в пронизывающем взгляде, а потом и в ясности выражения мысли. Не «бытовушный» человек. Не от мира сего.

Он разделся, снял шапку и стал расчесывать свои редкие волосы. Сначала зачесал на один бок; я молча посмотрела на него и взглядом не одобрила. Затем он зачесал их на другой — я отрицательно покачала головой; затем он зачесал их назад — я взглядом выразила недоумение. Тогда он резко взмахнул головой, волосы произвольно рассыпались. Я утвердительно кивнула, и после этого мы вошли в комнату.

Мы были одного возраста. Николай Рубцов родился 3 января 1936 года, а я — 14 января того же года.

Многие встречались с ним, жили, может быть, рядом, сидели за одним столом, пили из одной бутылки, но не видели в нем никого другого, а только собутыльника. Да еще не очень удобного. А вот Валентин Маринов увидел. Он представил мне Рубцова как очень талантливого поэта. Он сказал: «Все наши по сравнению с ним — ничто! Вот настоящий поэт. Запомни и следи за публикациями — Николай Рубцов!»

Как всегда, мама собрала на стол, что-то оказалось из выпивки. А разговор начался сразу. О чем? Трудно конкретно вспомнить. Сначала разговор был общий, затем переключился на литературу, и Коля стал разговаривать только с Валентином, ко мне же демонстративно повернулся спиной. То ли это был своего рода маневр молодого человека, то ли женщин-ценителей поэзии не находил, во всяком случае меня эта ситуация очень позабавила. Но что это была лишь своего рода демонстрация, я почувствовала сразу. Разговор между мужчинами продолжался. Спорили горячо, но спо-

койно. В какую-то минуту я вклинилась в разговор – Николай взглянул на меня с любопытством. Затем я еще что-то сказала – Рубцов окинул меня взглядом, просверлил своими зоркими глазами и принял в качестве собеседника. Теперь уже Валентин Маринов остался за спиной Николая Рубцова. Потом была гитара. Инструмент был мой, плохо настроенный, но Коля сумел оживить его, душу вкладывал в песни, которые пел. Это были его песни: «Элегия», «Потонула во тьме» и другие. Уже не помню. Но мелодии названных песен запомнила. Да и нельзя было не запомнить: пел он пронзительно звонко, голос у него был чистый и проникал в самую душу.

Я тогда не знала слов этих песен, а когда появился второй сборник его стихов, нашла слова и на даче, бродя по лесу, восстановила точную мелодию. В этом я убедилась, прослушав песни в исполнении самого Рубцова в частном музее Нинель Старичковой.

Вечер прошел незаметно, но заметно сблизив нас. Николай был целомудренно ласков. Он бережно брал мои сопротивляющиеся руки в свои, обхватывал ими свою голову и буквально клал ко мне на колени. И это было на виду у Маринова и снующей из кухни в комнату и обратно очень строгой моей мамы. Взаимопроникновение наших душ было настолько стремительным, что, еще будучи у меня на квартире, он сказал мне решительно: «Завтра пойдем в загс». Расставаться не хотелось, и мы пошли к Валентину Маринову. Опять стихи, опять песни. И все на пределе. Ни я, ни Коля не думали, что это наша первая и последняя встреча...

Надо сказать, что вокруг него всегда кипели страсти. Не было равнодушных. В тот вечер – тоже. Мы все перессорились. Но... удивительно Коля умел выходить из сложных ситуаций, не теряя достоинства. И тогда тоже дважды сумел разрядить накаленную обстановку. Но я в третий раз вспылила, оделась. На этот раз он не задерживал меня и не позволил этого Валентину. Я была уверена, что через день встречу его на вокзале. Новый год он собирался встречать у Василия Ивановича Белова, а я собиралась ехать в Вологду к приятелям. Я уехала. В поезде обошла все вагоны в надежде его встретить, но... напрасно.

Он остался в Череповце. Несколько раз заходил к нам, но моя мама встречала его холодно или даже хуже. Понять его она, конечно, не могла. И где я нахожусь – не сказала.

(21.01.06 г. я узнала от Пыченковой Любови Николаевны, что Новый год Рубцов встречал у ее родственника, поэта Вячеслава Козлова, по адресу: ул. Горького, 22, кв. 74, и что в ту новогоднюю ночь ему в гостях не сиделось, и он три-четыре раза приходил ко мне домой.)

Уже после Нового года, спустя примерно неделю, когда я считала, что наши пути разошлись навсегда, ко мне пришел изрядно выпивший Иван Полунин и стал настойчиво уговаривать меня пойти к нему домой. У него, видите ли, компания. Я очень удивилась его приглашению и наотрез отказалась, представив по его состоянию, что это за компания. Тогда, уходя, уже за дверью он сказал как-то злорадно, нехорошо сказал: «А тебя Коля Рубцов там ждет» и ушел. Скажи это он в начале разговора или во время его, может, все бы изменилось и в моей жизни, и в жизни Николая Рубцова. Но никто здесь, в Череповце, этого не хотел. Когда Рубцов спрашивал адрес – ему не говорили, когда шел ко мне – его под разными предлогами уводили в сторону, а когда приходил – его выгоняли.

Сначала Валентин Маринов сопротивлялся нашей встрече. А когда все-таки повел Рубцова ко мне, на их пути встретился Вениамин Шарыпов. Узнав, куда идут, сказал, что он только что от меня, будто я в очень скверном настроении и никого к себе в квартиру не пропускаю. Отговорил их от намерения идти ко мне и увел за собой. Об этом мне рассказал позже Валентин Маринов.

Чтобы я не впустила в квартиру кого-то, будь в любом настроении, – никогда такого не было! Часто случалось, что кто-нибудь из поэтов приходил даже среди ночи, тихонько стучал в окно (я жила на первом этаже), желая поделиться удачно выстраданной строчкой, ища одобрения; мы уходили на кухню, чтобы не разбудить моих родных и соседей, и там шепотом делились впечатлениями.

Вскоре Коля уехал в Москву, и все... Я его потеряла навсегда. В отчаянии написала стихотворение «Уехал», очень несовершенное, но... надо было выплеснуться. В нем все мое отчаяние, вся

моя боль. Исправлять, редактировать не стала. Боялась к нему прикоснуться. Чтобы «не соврать», не вспугнуть, не нарушить ту связь незримую, что между нами пролегла (с моей стороны – длиною в жизнь).

Уехал! Уехал... Шальной ветер
Помог мне тебя потерять.
Уехал. Как будто и сердца нету,
Тоскующего по тебе.

А у нежности с разума оловом
Ох, какие были бои.
Когда свою беспечную голову
Заключал в ладони мои.
Целовал упрямые руки
У соперника на виду.

Счастье... Как оно все-таки хрупко.
Счастье... Как оно все-таки тонко.
Нету счастья. Его обломки
Только память хранит на беду.

Помню, таяли пальцы в ладонях.
Помню, сердце тонуло в бездонном
Растревоженном взгляде твоём.

Под рукой у тебя гитара.
Словно женщина, трепетала
И просила пощады. Просили вдвоем...
Ты не внял.
Я ушла – не гранит.
Ты уехал.
И некому верность хранить.

Вообще перестала писать стихи. Не могла. Перечитывала старые, они казались столь глупыми, несовершенными, никому не нужными.

В первые десятилетия после смерти Николая Рубцова всегда чувствовала его присутствие. Включала радио или телевизор именно в момент передачи о нем: будь то воспоминание, или чтение стихов, или исполнение песен на его стихи.

Сколько я ни читала стихов его, не помню наизусть ни одного, не хочу помнить. Перечитывая их, воспринимаю как открытия, с еще большей радостью и удивлением.

О многом в его жизни меня информировал Олег Коротаев – брат поэта Виктора Коротаева. С матерью братьев Коротаевых Александрой Александровной я, как ни странно покажется из-за разницы в годах, дружила. Удивительно добрая, чуткая была женщина. Она и в отсутствие своих сыновей неоднократно принимала Рубцова как родного. И очень жалела его.

Рассказать о своей любви к Николаю Рубцову я никому не могла. Нет, слушавила: все уши прожужжала своей помощнице по работе Наташе Шевелевой. Запоем читала ей его стихи.

И как-то послала в Литературный институт чистую кассету для Рубцова, чтобы кто-нибудь записал его голос, его стихи, песни. Исчезла кассета бесследно. Может, кто-то тоже не понял, как многие из его окружения, кто есть Николай Рубцов.

А тут и 1966 год. С четвертого на пятое мая – страшный сон. Будто Виктор Коротаев приехал из Москвы и говорит мне: «Галя, а ты знаешь, Коля-то Рубцов руки на себя наложил!» Я остолбенела и вижу: Коля действительно лежит, а около его горла какие-то чужие руки, сжимают... Он не сопротивлялся. Умер... Плакала так, как никогда в жизни, так было горько, больно, сердце слезами захлебывалось, не хватало воздуха от рыданий, чуть не умерла. Хорошо – проснулась. Говорят в народе: «Плачь во сне – печаль умрет». Неправда.

До сих пор не могу простить себе, что не смогла уберечь его. Всего один шаг не сделала – не приехала к нему в Вологду.

Но... Я знала, что у него есть жена и дочь, и это меня сдерживало. Не знаю, изменилось бы что-либо в его жизни, если б я вошла в нее. Я думаю, да. Но вот Виктор Астафьев после беседы со мной понял мое состояние, хотя я и пыталась скрыть его, и сказал буквально следующие слова: «Галя, моли Бога, что не ты оказалась на ее месте (на месте Дербиной)». Я по сей день думаю и не знаю, прав ли он был в своем высказывании.

Такая вот судьба – не судьба. Прошло со дня моей встречи с Рубцовым уже четыре десятилетия, но воскресают и память, и чувства.

А однажды я услышала по радио музыку Брамса. Она меня захватила, я заслушалась, вспомнила прошлое, свою жизнь; на бумагу легли слова, какая-то выплыла простенькая мелодия, и я запела. Кажется, то произведение Брамса называлось «Раздумья». Свои стихи-песню я так и назвала «Раздумья».

Это кажется просто, что мимо и мимо
Мчится жизнь и приводит опять не сюда.
Я, конечно, люблю и, конечно, любима.
Только встретиться нам – не судьба.

Ты находишься рядом со мною незримо,
Бережешь от хулы и ошибок давно.
Я, конечно, люблю и, конечно, любима.
Только встретиться нам не дано.

Говорят, счастья нет! Мне другого не надо.
Я пойду напрямиком, никого не виня.
Ах, зачем же, зачем, по какому раскладу
Эту жизнь посетил без меня?!

Вздохи, взгляды косые, упреки бывали:
Оглянись, усмирись, не гони, не томи.
Я, конечно, люблю, разве этого мало –
Ты проходишь под светом любви.

Ты воскреснешь опять из тумана иль дыма,
Лишь заря возвестит о померкнувшем дне.
Я, конечно, люблю и, конечно, любима.
Посидим, помолчим в тишине.

Время катит к закату, но я тебя слышу.
Но опять рубежи, рубежи, рубежи.
Неприменно найду на земле или выше.
Только имя свое подсажи.

Это кажется просто, что мимо и мимо
Мчится жизнь и приводит опять не сюда.
Я, конечно, люблю и, конечно, любима.
Только встретиться нам – не судьба.

Ожидание не так уж и бесплодно, как о нем привыкли говорить. Оно обостряет чувства, мысли – это раз. И второе: бежать, искать – можно разойтись. Что и случилось с нами.

Еще про Рубцова... А он, без сомнения, был человеком эпохи и шел дальше других поэтов. Многие из них выпивали. Николай – тоже. Мне даже навязывали мысль, что он пьяница и не стоит сострадания.

Поэты видят дальше, чувствуют глубже. Во все времена поэты, если не придворные, были изгоями. Шли впереди и падали первыми. Очень ранимые – не выдерживали. Кто спивался, кого убивали, кого-то изгоняли. Я мыслю это так. Сконцентрированная, импульсивная мысль поэта, оставляя тело без присмотра, уносились за сотни веков и вперед, и назад, видя настоящее как бы со стороны. Так душа расстается с телом при смерти.

Вдохновение – это работа души. А тело, чтобы выжить, требует допинга, подзарядки. Получает и губит и себя, и душу. Поэтому многие настоящие поэты недолговечны, рано уходят из жизни. А Николаю Рубцову, как бы ни было плохо его здоровье, еще и помогли.

Единственно, что отличает талант от гения, это гибкость таланта, его извечная зависимость от окружения.

Гений не расчетлив, в нем отсутствует даже инстинкт самосохранения.

Он сам по себе и в себе. И подвержен только своему внутреннему голосу и глубинному голосу времени.

Таков был Николай Рубцов.

До сих пор все, связанное с Рубцовым, – очень болезненная для меня тема. Наедине с его стихами мне комфортнее, чем делиться своими переживаниями с людьми. Но, думаю, в год нашего общего семидесятилетия – надо.

Примечание

¹ Воспоминания Г. М. Березиной публиковались в областной печати. См.: Березина Г. «И он сказал мне: «Завтра пойдем в загс»» // «Красный Север». 2006. 12 января. № 2 (25774). С. 29.

Свой штришок в образ Н. Рубцова (Из воспоминаний о поэте)

В 1964 году мы служили с В. Коротаевым в армии, в одном полку. Кто-то из Вологды нам написал о приезде туда Николая Рубцова. Тогда я впервые услышал это имя. А познакомились осенью или зимой 1965 года. Хотя я жил после армии дома у родителей, в Белозерске, а с 1967 года – в Череповце, но в Вологде бывал часто, и встреч с Рубцовым было немало: на творческих семинарах и литературных вечерах, естественно, за столом, в разных местах. Н. М. Рубцов дважды бывал у меня в Белозерске: однажды ночевал, будучи проездом из Липина Бора. Вечером пили портвейн, ели картошку с огурцами, он играл на гармошке (кстати, она и сейчас у меня дома), я подпевал. Второй раз мы ехали в Белозерск на 1 Мая на одном из первых пароходов: Рубцов, Коротаев и я. Ночевал Николай у меня в Череповце, в однокомнатной квартире. Чтобы не стеснять молодых, спал на раскладушке, на кухне. Сашка, мой старший сын, гордится тем, что Рубцов держал его на руках. Я тогда начал работать на TV, и Рубцов читал стихи у меня в альманахе «Северяне». Помню, как директор и цензор были недовольны тогда: уж больно много церквей и крестов у него в стихах, и в эфир все это не пропускали. Жаль, что тогда не было видеозаписи. А на киноплёнке Рубцов и Яшин у нас сохранились – мы летом 1967 года участвовали в писательской поездке по Волго-Балту и подготовили об этом репортаж.

Есть у меня две первые книжки Н. М. Рубцова с автографами. На первой, тоненькой – «Лирике» – Николай написал: «Лене Беляеву, конечно, талантливому поэту и одному из самых привлекательных людей. P.S. С условием не читать зачеркнутое». Из 25 стихотворений он зачеркнул четыре, среди них, как это ни странно, и стихотворение «Я буду долго гнать велосипед».

Свою первую книжку «Звезда полей» подарил 28 апреля 1967 года, будучи в Череповце, и подписал: «Славному Лене Беляеву».

На память о встрече в ужасном городе». Почему ужасном – не знаю, хотя ясно, что из-за некоторого архитектурного однообразия, дыма, может, какие-то личные мотивы были.

Теперь о двух чисто литературных фактах. У меня было напечатано несерьезное стихотворение «Я рос парнишкой нелюдимым...» Он написал концовку. Помню: «Потом отбросил я винтовку, пошел с друзьями на парад. Хочу на грудь татуировку из лучших ленинских цитат». Есть у нас и плод совместного творчества: это четверостишие. Может быть, не стоило бы и вспоминать, но это факт. А ведь каждый стишок, относящийся к Рубцову, интересен. Да разве сейчас такое можно услышать или прочитать? Когда-то я зачитал шуточные стихи: «Мне б штаны твои с начесом...»

Николай через несколько минут говорит: «Давай доделаем стихотворение». И прочитал четверостишие: «Безотрадно быть матросом...»¹

Памяти Н. Рубцова

Написано: «Ушел от нас»,
Ну а куда, никто не скажет
И достоверно не докажет,
Где пребывает он сейчас.
Речь не о теле – ясно где:
Оно лишь прах земной, не боле.
Но быть не может в этой роли
Душа, подобная звезде!
Мне кажется, она живет
В другом каком-то измеренье.
И человеческое зренье ее уже не узнает.

Примечание

¹ Воспоминания Л. А. Беляева о Н. М. Рубцове остались неоконченными.

**Глаза пророка
(Воспоминания о Николае Рубцове)**

Николай Рубцов был в нашем доме несколько раз. Леня* часто на телепередачи в альманах «Северяне» приглашал наших поэтов, писателей. После таких выступлений шли к нам «на огонек». Виктор Коротаев уходил ночевать к своей маме, а Коля не хотел так поздно беспокоить свою сестру и оставался у нас. Каким я его запомнила? Невысокий, застенчивый, в темном костюме. Раздевшись, сразу шел к детской кровати, где лежал наш первенец – маленький Саша. Брал его на руки, шутил, называл его ангелом, подкидывал вверх, на что сын заливисто смеялся. За столом много спорили – всех тогда интересовал еврейский вопрос; читали свои стихи. А Николай брал нашу гармошку, отодвигался от стола и сразу как-то отстраненно под аккомпанемент гармони начинал петь, сначала негромко, потом – сильнее своих «Журавлей», «Потонула во тьме отдаленная пристань».

Утром, прощаясь, говорил, что ему нравится у нас бывать – спокойная, теплая, семейная обстановка, всегда очень благодарил за уют.

Меня всегда поражали его глаза, глаза пророка, как в душу заглядывал.

М. М. Ганичев

Воспоминания о Николае Рубцове¹

Впервые я встретился с Николаем Рубцовым у поэта Виктора Коротаева, который жил тогда у кинотеатра «Радуга» в г. Череповце с братом и замечательной, приветливой матерью. Когда я

* Л. А. Беляев

вошел, то увидел такую картину: за накрытым столом в зале сидели Виктор Коротаев и Коля Рубцов, у которого в руках была гармошка. Увидев меня, мать Виктора Коротаева вышла из кухни и, радостно улыбаясь, пригласила к столу. Она хорошо знала меня, так как я часто приходил к ним в гости.

Витя выскочил из-за стола, поздоровался за руку со мной и представил меня Рубцову.

– Знакомься, это Рубцов, – сказал, улыбаясь, Виктор.

Рубцов показался мне замкнутым и настороженным. На слова хозяина квартиры как-то неодобрительно и хмуро улыбнулся.

– Брось, Коля, хмуриться! Это свой парень. На «металлурге» работает. В литинститут поступил.

После этих слов Рубцов вроде бы смягчился, а когда мы выпили, он вдруг стал играть на гармошке, петь песни на свои стихи и уже не обращал на меня внимания. Я обиделся. Только впоследствии, учась с Рубцовым в литинституте, я понял его непростой характер и простил ему тот случай в квартире Коротаевых.

Мы учились в литературном институте и часто заходили в столовую на улице Руставели. В то далекое время там за кружкой пива постоянно собиралась молодежь из литинститута. Как-то к нам подсел поэт из Чечни.

– Знакомься, – сказал мне Коля, – перед тобой классик чеченской литературы.

Рубцов говорил всегда предельно серьезно, и польщенный «классик» довольно заулыбался. Когда Николай уже был довольно пьян, вдруг спросил:

– Ты что, лучше меня пишешь?

«Классик» был в трансе, в нокауте! Я никогда не слышал, чтобы кто-то на подобный вопрос ответил, что пишет лучше Рубцова.

Как-то я и Эмиль Смирнов (с которым я жил в одной комнате и который затем работал в газете «Красный Север») шли на экзамен, и, уже когда мы подходили к литинституту, нам попался Рубцов. Он шел навстречу и загадочно улыбался. Подошел. Поздоровался.

- Пошли со мной, – сказал он мне и потянул за рукав.
- Ты что, Коля, у нас экзамен, – воскликнул я. – Не могу!..
- Пошли! А Эмиль пусть идет и сдает. Ты завтра сдашь.

Я пошел с Рубцовым. Он жил на квартире у одного московского поэта. Пока мы шли, Коля, смеясь, рассказал одну историю.

Однажды он собрал портреты всех русских классиков, которые висели на стенах в коридорах общежития, и принес их к себе в комнату. Расставил вокруг себя и стал пить вино, поглядывая на классиков. А на носу – комиссия по приемке общежития. Комендант общежития литинститута (Циклоп, как прозвал его Рубцов, из-за того, что тот был с одним глазом), заметив отсутствие портретов, рвал и метал, но безуспешно, пока не заглянул в комнату Николая. С ним забежали и его помощники по поискам. Увидев, как Рубцов поднимает бокал то за Гоголя, то за Пушкина, Циклоп закричал:

– Посмотрите на него! И это человек высокой культуры! И это Рубцов!

Классиков унесли, а Коля с горечью сказал:

– Один раз хотел побыть с великими на равных. Не дали.

Рубцов когда-то писал: «Чтоб книгу Тютчева и Фета / Продолжить книгою Рубцова...» (П, 197). И это произошло. Он стал одним из самых читаемых русских поэтов. Его стихи звучат в душах людей, на его слова поются песни.

Сирота, потерявший родителей в раннем возрасте, Рубцов с особой любовью воспевал малую родину, где прошли его детство и юность.

Село Никольское на реке Толшме, близ Тотьмы, в краю необозримых лесов и болот, стало родиной поэта. Хотя родился Николай Рубцов в поселке Емецк Архангельской области. Потом его родители переехали в Вологодскую область. Сам он знал о своих родителях очень немного, рано лишившись их и с 1942 года воспитываясь в детдоме. Как писал позже Рубцов: «Мать умерла. / Отец ушел на фронт...» (II, 14).

После войны отец жил с другой семьей, и Коля мало интересовал его.

Как-то в ресторане, за кружкой пива, Николай говорил мне: «Что за поэты пошли? О чем они пишут? Клянутся в любви, а сами равнодушны». Тут к нашему столу подошла одна девица и попросила закурить.

– Может, тебе и пива дать? – съехидничал Рубцов.

«Раз он так заговорил, – подумал я, – значит, она ему не понравилась». Обычно Рубцов обращался с дамами очень ласково.

Девчонка выругалась и, раскачивая бедрами, как лодка в шторм, ушла к стойке буфета.

– Зачем так грубо? – спросил я.

– Ну их! – Коля махнул рукой.

Вдруг он с нежной теплотой стал рассказывать об Анциферове², которого очень уважал. Много лестного наговорил о Куняеве. Читал их стихи. А я взял и стал читать его стихотворение:

В горнице моей светло,
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды... (I, 189).

– Перестань! – нахмурился Рубцов. – Не люблю этого!

– Коля! А кого из русских поэтов ты больше всего ценишь?

Несколько минут Николай молчал. А потом спокойно и серьезно сказал:

– Я ценю всех больших поэтов России. Но больше всего Тютчева...

– Почему?

– Потому что у Тютчева на редкость живое и непосредственное чувство природы. Его стихи полны мысли и философии. Он близок мне по духу.

Я внимательно слушал его и молчал.

– Ладно, Миша! – Коля хлопнул меня рукой по плечу. – Закругляемся.

Еще помню, как однажды, ввиду затрапезности вида Николая Рубцова, администратор ЦДЛ* не хотел впускать его внутрь здания. Бурный спор завершился рукопашной схваткой и вызовом милиции с последующей передачей дела в суд. От суда Николая удалось спасти благодаря усилиям А. Яшина, Бориса Слуцкого, Вероники Тушновой, Станислава Куняева.

После этого Рубцова выгнали из института, но благодаря усилиям нового директора А. Михайлова его восстановили в литинституте, но на заочное отделение.

После всех скандалов даже в наше общежитие Рубцова не пускали, но он часто приходил ко мне в гости, через черный ход. Его личным врагом стал Циклоп, комендант общежития литинститута...

Помню, как-то мы с Рубцовым после сессии возвращались домой. Он ехал в Вологду, а я в Череповец. Ехали в одном купе. Тут Коля взял гармошку и запел. Пел так задорно, что в наше купе битком набились пассажиры со всего вагона. Пел до тех пор, пока не пришла проводница, которая грубо оборвала его: «Чего орете – не даете людям спать». Коля молча положил гармонь и

* ЦДЛ – Центральный дом литераторов в Москве. – *Прим. автора.*

уставился в ночное окно поезда. Пассажиры, недовольные проводницей, разошлись по своим местам.

Ах, как широко она волновала душу, эта могучая рубцовская песня.

И вот я в квартире Рубцова. Посреди комнаты стояли стол и три стула. У дверей – кровать. Половину комнаты занимали пустые бутылки.

– Давай сдадим и купим водки? Глянь, тары сколько. Это я не один, с друзьями.

Мы набили четыре чемодана пустыми бутылками и пошли в магазин. Сдали их, а на вырученные деньги купили водки. Когда вернулись назад, Коля попросил:

– Не позвонишь одной даме? Пусть придет. А то я им надоел в их общаге...

– Как зовут?

– Люда Дербина.

– Хорошо!

Я взял номер телефона и побежал в магазин, чтобы позвонить, а когда вернулся, вскоре раздался звонок.

Я открыл дверь. Передо мной стояла молодая симпатичная девушка.

– Можно?

– Да... да!

Люда пила наравне с нами. Заговорили о литературе. Рубцов прочитал отрывок из одного стихотворения:

Опять влекусь на клеверный простор,
Опять брожу по глинистым дорогам,
Опять встречает мой упорный взор
Зарю холодную над дальним стогом.

– Миша! Думаешь, кто это написал? – спросил Рубцов, таинственно улыбаясь.

Я пожал плечами.

– Людмила, – Коля кивнул головой в ее сторону. – У нее живая поэзия. И о чем бы она ни писала, ее лучшие стихи всегда отличает напряженность чувства, сила страсти, ясность настроений.

От этих слов Дербина зарделась. Глаза загорелись огнем.

– Брось, Коля, а то я уйду! Смотри, перехвалишь.

Рубцов улыбнулся. Улыбка была беспомощная и какая-то детская. Я удивился. Сидит передо мной сильный, очень талантливый человек и вдруг, как ребенок, смутился от слов пришедшей к нам женщины. Рубцов кончил тем, что глубоко вздохнул и опрокинул стопку.

Дербина посмотрела на него и сказала:

– Теперь я прочту его творение.

– Не надо, – нахмурился Коля.

Но она, лукаво подмигнув мне, прочитала строчки Рубцова:

Когда я буду умирать.
А умирать, конечно, буду,
Ты загляни мне под кровать
И сдай порожнюю посуду.

– Ну как? – Люда во все глаза смотрела на Николая и изредка поглядывала на меня.

– Вы что, понравились друг другу? – неожиданно спросил Рубцов. Стало понятным, что Николай немного перебрал. Нужно было уходить.

На следующий день, как и в последующие дни, он уже не вспоминал о своей вспышке ревности.

Как-то мы с Рубцовым сидели в столовой на улице Руставели, недалеко от общежития литинститута. Слева от меня сидела, видимо, супружеская пара. Выпили пивка, и я спросил у них, откуда они.

– С Алтая. Из Рубцовска, – услышали мы ответ.

– Во как здорово! – воскликнул я и, обращаясь к Коле, спросил у него, шутя: – Не твоим ли именем назван город?

Что тут началось. Рубцов позеленел:

– Ты что меня КГБ-шникам выдаешь! Посадить хочешь.

Сидевшие за нашим столом студенты литинститута с Украины стали его поддерживать. Меня ругали как врага народа. Я не выдержал:

– Коля, ты что? Всерьез? Это же простые люди! Не видишь, что ли?

А украинцам я сказал:

– Не вмешивайтесь! Он мой земляк! Разберемся сами.

Разобрались. На другой день, как всегда, Рубцов пришел с извинениями.

Однажды был еще такой случай. Рано утром ко мне заглянул Рубцов и сказал:

– Мои стихи напечатали в одном журнале. Всего 400 строк, по 4 руб. 20 коп. за каждую. Пошли получим!.. Гонорар!..

Я знал Николая. Он не отступит, и пошел с ним.

Получив деньги, мы вернулись в общежитие. Рубцов привел меня в одну комнату. Там были Василий Белов, Ольга Фокина, Виктор Коротаев, Николай Кучмида, Сережа Чухин. Все свои – вологодские. Выпили. Разговор пошел о литературе. Вдруг Виктор Коротаев привязался к Николаю Кучмиде. Не помню, по какому поводу. Дело принимало серьезный оборот. Я обратился к Коротаеву, который учился тогда на высших литературных курсах:

– Витя, отстань! Ты толкаешь двухпудовые гири, а Кучмида – маленький, шуплый. Одним ударом убьешь.

Коротаев заартачился. Рубцов поддержал меня:

– Отстань! Делать нечего?

Виктор остепенился.

– Пошли из этой компании, – потащил меня Рубцов на выход.

Когда мы вышли в коридор, я спросил Николая:

– А чего Коротаев тебя сразу послушал?

– Знаешь, я как-то пришел к поэту Яшину. Он жил в Москве, – начал задумчиво Рубцов. – Яшин стал читать новые стихи. Я прилег на диван.

Вдруг раздался телефонный звонок. Яшин взял трубку. Поговорил. Потом спросил меня:

– Звонит из Вологды В. Коротаев и просит рекомендацию в Союз писателей. Что делать? Я его не знаю.

– Дай, раз просит, – сказал я. – После этого Коротаев подружески стал относиться ко мне, зауважал.

Как-то Коля вспомнил такой интересный случай:

– Выступал я у себя на родине, в сельском клубе. Читал свои стихи. И меня поразило то, что бабки в клубе выказывали свое восхищение не самими стихами, а тем, как мог я запомнить такое количество. Вот было здорово!..

Рассказав это, Рубцов засмеялся, ударив меня по плечу.

– Пойдем, Михаил, возьмем пивка, что-то в горле пересохло.

В те годы около остановки пригородного поезда был пивной ларек. Это совсем рядом с Останкинской телебашней. Пиво там было всякое... Жигулевское, останкинское...

Не долго думая, мы с Колей двинули туда. Взяли по две кружки и уселись под куст на траву. Заговорили о Вологодчине. Крепко досталось от Рубцова местным властям, которые даже квартиру ему не дали. После этого Коля стал ругать Северо-Западное издательство.

– Понимаешь, я им выслал огромную кучу стихов, а они издали книгу, равную паспорту. Ладно, ну их!

Я смотрел на Рубцова и думал: «До чего же богата талантами русская земля!»

Минуту длилось молчание. Умные глаза Рубцова пытливо смотрели на меня. Потом Николай, смеясь, рассказал, как в ЦДЛ был вечер, посвященный Сергею Есенину.

– Выступал какой-то дядя и нес чепуху о Сергее Есенине. Я не вытерпел, поднялся и крикнул: «Врешь! Замолчи! Не клевети на русского поэта!» Самое смешное то, что я оказался на собрании общественности Москвы, а не писателей. Директор ЦДЛ пытался культурно увести меня из зала. Вышел скандал. Боже, что было! Даже хотели выгнать из литинститута, но за меня заступились В. Тушнова и А. Яшин. Оставили.

Коля замолчал, задумался. Я смотрел на него, забыв про пиво, и думал: «А ведь Рубцов пришел к людям, чтобы оставить новым поколениям свою душу. И он этого добился. Что и говорить – гениальный человек!...»

Творческая личность – это, в конечном итоге, творческий ум. Творческий ум совсем не то, что ум практический, житейский. Он видит и чувствует то, что не видят и не чувствуют другие. Творческая личность не изнашивается и не стареет. Ее может убить болезнь, как произошло с Тургеневым, который умер от рака позвоночника, или – недобрый человек...

Тогда я еще не знал, что та девушка, Людмила Дербина, которую я пригласил по просьбе Николая Рубцова, задушит его. Сам Рубцов был человеком добрым, незлобивым, не способным поднять руку ни на одно живое существо.

По воспоминаниям Л. Дербиной, то, «что произошло со мной и Рубцовым, является для меня тайной судьбы. Почему именно от моих рук принял он свою крещенскую смерть? Это ведомо только небу. Рубцов остался лежать на полу, а я бросилась в милицию. Долго стучалась в дверь, которую открыл заспанный милиционер:

– Я, кажется, убила человека!

– Какого человека?

– Николай Рубцова.

– Как ты его убила?

– Задушила.

Этим словами я подписала себе приговор».

Так смерть оборвала чистый и глубоко искренний голос талантливого русского поэта, предвидевшего свою безвременную кончину:

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы.
А весною ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!... (II, 110).

Примечания

¹ Воспоминания М. М. Ганичева о Н. М. Рубцове впервые были опубликованы в литературно-художественном альманахе «Воскресенский проспект» (Вып. 4. Череповец: ЧГУ, 2004. С. 93–97). В настоящем сборнике публикуется с сокращениями.

² Анциферов Николай (1930 – 1964) – поэт; заведовал отделом поэзии в журнале «Москва».

А. А. Грязев
(Вологда)

«...Не больше чем знаком...»¹

Перечитывая недавно стихи Николая Рубцова, удивительное я сделал для себя открытие: чем дальше мы уходим от времени, в котором жил поэт, тем ближе нам его поэзия, да и он сам...

С Николаем Рубцовым, говоря его же стихотворной строчкой, я был «не больше чем знаком». Но две встречи с ним, которые подарила мне судьба, остались в памяти, хотя с тех майских дней 1969 года прошло уже больше тридцати лет.

Той весной я приехал в Москву на очередную сессию в Историко-архивный институт, где учился заочно, и в один из дней случайно встретил череповецких ребят – Мишу Ганичева и Эмиля Смирнова, с которыми был немного знаком по городскому литературному объединению. Оказалось, что они тоже приехали на заочную сессию в Литературный институт. Прощаясь, ребята пригласили меня навестить их в институтском общежитии.

И вот, выбрав один из дней между экзаменами, я приехал к ним на улицу Добролюбова.

Помню, что весь день мы провели в разговорах, а ближе к вечеру пошли в соседнюю столовую попить пивка.

В столовском зале Миша с Эмилем сразу увидели знакомую компанию своих ребят-студентов, сидевших за столиком у самого окна, о чем-то спорящих и тоже пьющих пиво.

— Там Коля Рубцов, — сказал Миша. — Пойдем к ним.

Мы подошли к ребятам и прервали на время их громкий разговор. Миша Ганичев представил меня Рубцову как земляка из Череповца, и мы познакомились. Николай подвинулся и пригласил присесть рядом. Слева от него сидел, как мне запомнилось, поэт Володя Липатов и, по всему было видно, единомышленник Рубцова.

Напротив них пили пиво два или три студента-заочника и, как оказалось, противники Николая в сегодняшнем литературном споре, который тотчас же возобновился. Мне запомнился и почему-то не по имени, а по фамилии только один из них — Шевченко. Он яростнее всех, как мне показалось, напал на Рубцова из-за каких-то стихов.

Книги Николая Рубцова у меня дома были, стихи я его читал, но наизусть, естественно, не знал ни одного и все время думал, что Николай может спросить меня о своих стихах, но он лишь вяло отбивался от слов и суждений споривших с ним однокашников. Горячился только его товарищ Володя Липатов, а потом и Миша Ганичев с Эмилем стали помогать ему в этом споре.

Рубцов же больше молчал, склонив голову, и выглядел каким-то совершенно беззащитным человеком. Мне стало даже его жаль, и я, впервые оказавшись в кругу поэтов, чувствовал себя из-за этого как-то неуютно. В то время я был далек от поэзии, судить о стихах не мог, но видел, что Рубцов был прав в этой словесной перепалке.

Но как и пиво в наших кружках, закончился скоро и разговор. Мы вышли из столовой и на улице попрощались с Николаем...

Ночевал я в общежитии Литинститута. В тот вечер, помнится, было еще много разговоров, и мы легли спать поздней ночью. Утром же пошли в ту самую столовую завтракать.

Вчерашняя компания поэтов, но без Рубцова, уже заседала там за одним из столов в глубине зала. Они все так же шумно спорили, как и вчера. Но мы к ним подходить не стали, а выбрали столик недалеко от дверей.

Миша Ганичев первым увидел входившего в столовую Рубцова и громко сказал нам:

— А вот и Коля пришел!

Я обернулся. Николай Рубцов стоял в дверях и оглядывал зал. Заметно, что он был не такой грустный, как вчера, да и одет по-другому: выглаженный темный костюм, белая рубашка и темный узкий галстук. Так одеваются только по торжественным дням.

Николай подошел к нашему столу и поздоровался с каждым из нас. Мы же пригласили его за стол, но Коля отрицательно замотал головой и, наклонившись к нам, сказал:

— Нет, земляки, извините, не могу. Вон, видите, там за столом сидят вчерашние ребята?

Мы закивали головами.

— Так вот, — продолжал Рубцов, — я сейчас пойду туда и покажу им, что такое настоящий русский поэт!

И Коля решительно направился к шумному столу поэтов.

Больше я Николая никогда не видел... Только на фотографиях. На одной из них он снят со всеми своими однокурсниками в день окончания Литературного института. Николай Рубцов стоит вторым справа в том самом торжественном костюме. Та фотография и напомнила мне мою встречу с ним в теплые майские дни шестьдесят девятого года теперь уже прошлого века.

Г. Вологда, январь 2002 года.

Примечание

¹ Воспоминания А. А. Грязева впервые были опубликованы в литературно-художественном журнале «Автограф» в 2002 году. См.: Автограф. Литературно-художественный журнал. Вологда. 2002. № 16. С. 12–14.

Через годы с поклоном¹ (отрывок)

Прослышали, что я в городе*, и зачастили ко мне Веня Шарыпов и Валя Федотов. Затем я сам стал выбираться к ним. Разница в возрасте в пятнадцать лет, каждый настолько меня старше, не замечалась и не мешала. Неприметно образовалось содружество «не разлей вода». Всякий из членов тройственного союза не мог долго обходиться без остальных.

С долей иронии все описано у меня в «Признании», повести в стихах. Действие, правда, сдвинуто из зимы в лето.

В порту родном,
Сойдя на берег,
Тотчас к Федотову спешит.
Шофер, а более пиит,
Един с героем в птичьей вере,
Мол, если сердце не поет,
То и рассвет не настает.

А то скептический Шарыпов
Его на кухне приютит.
И рукописью шелестит,
И голос полон важных скрипов.
Шарыпов, как весенний грач,
Черен.
И в замыслах лихач.
И в прозе
Так в Беловы рвется.

* В 1968 году А. Е. Брагин оканчивает среднюю школу № 7 г. Череповца и поступает на первый курс отделения русской филологии филологического факультета Петрозаводского университета. Он не только успешно учится, но и пишет стихи, которые публикуются в архангельской и петрозаводской прессе и привлекают даже внимание И. Бродского... Однако за чтение «антисоветской литературы» и знакомство с диссидентами А. Брагин был арестован и подвергнут суду. По суду был оправдан, но исключен из университета и вернулся в родной Череповец (об этом рассказывается в первой части воспоминаний писателя. См.: Речь. 18 января 2001 г. № 10 (20451). С. 3).

И над собою сам смеется.

А то компанией они
Втроем сойдутся.
И судачат.
Что для России Пушкин значит.
И искони, не искони
В Рубцове горнее прозреньё?
Что – мастерство?
Что – вдохновенье?
И денег просят у родни.

Заполучив желанные три рубля, Веня с Валею покупали бутылку вина, не помню, чтобы водки, и не помню, чтобы покупка повторялась. И мы уединялись. Чаще где-нибудь в столовой. Я выпивал ровно рюмку. Больше – не осиливал. Да, пожалуй, и не позволили бы.

Федотов жил от меня совсем рядом. Встречались мы с ним если не ежедневно, то через день. С Шарыповым – несколько реже.

Вечно нарядный, заикающийся, смешливый, он вторгался в наше жилище и с порога объявлял, что написал новые стихи о любви. «Да ты послушай!» И читал, помогая голосу движением правой руки.

После чего мы, восторженные, неизменно бродили по улицам. Он продолжал читать, его трудно было остановить.

Ах, как светится снег бело-розово-сине!
Можно долго глядеть на него не дыша!
Как чиста в одеянии снежном Россия,
Как светла у России под снегом душа!
Ведь это когда-то было!
Может, более, чем своей мощью ракетной.
Чистотою своею Россия сильна.

Где ты теперь, Валя?

В ответ – недоумение твоего взгляда из прошлого: «Чудишь! А разве не в вас? Ты вот помянул».

В Вологде наклеивался семинар молодых литераторов. Федотов с Шарыповым уговорили меня послать рукопись в писательскую организацию. Я отослал. Потому что считал, вы, старшие, лучше знаете, что мне надо делать.

Вся троица ждала вызова от Александра Александровича Романова, ответственного секретаря Вологодской писательской организации.

Пришел Валя: «Меня вызывают».

Примчался из Заречья Веня: «Вызывают. А тебя?»

Меня не вызывали.

Я как-то успел позабыть о своем хвосте. Конечно, мой толстый конверт пылился в Комитете. Он так и не ушел в Вологду.

Шарыпов замучил вопросами: «Адрес указал правильно? Марок не пожалел? Отправил заказным?»

Шарыпов негодовал на почту. И был настроен решительно. Я присадил его на грешную землю.

Шарыпов нашел решение. Он позвонил Александру Александровичу. Романов дал добро на мой приезд.

Веня еще не знал, что определяет мою судьбу.

Не припомню, на чьей машинке мы вновь перепечатали мои вирши. Машинка была и у Вени, и у Вали.

В комнатушке, которую тогда занимала Вологодская писательская организация, невозможно было не приметить хозяина – Александра Романова. Или могучего Виктора Коротаева. В центре внимания – Василий Белов. На виду Ольга Фокина. Гости – старейшина поэтического цеха Сергей Николаевич Марков и критик, профессор Литературного института Валерий Васильевич Дементьев – окружены эскортом.

В углу у окна, отстраненный от общего гама, точно невзначай забредший, а потому лишний, Николай Рубцов.

Веня до конца исполнил роль моей няньки. Отобрал у меня рукопись. Перемолвился с Романовым, который утвердительно кивал головой. Затем перешушукался с Рубцовым, указывая на меня глазами. И, когда передавал рукопись, у Вени было такое выражение лица, будто он делал Рубцову подарок.

Заседания стихотворцев происходили в зале, располагавшемся напротив писательской комнатушки, прозаиков – непосредственно в ней.

На следующий день Рубцов выступал не с утра, а сразу же после первого перерыва в ходе заседания. Полагаю, изданные клясться в том, что я еще с вечера волновался.

Рукопись моя состояла из двух циклов: один «судный», где много политики и яду, другой лирический, «ленинградский», правда, прямого отражения моей личной жизни в нем искать бесполезно, только опосредованное.

Рубцов начал с «судного». Бранил за книжность и путаность. Но очень деликатно, сознавая, что здесь у больного опухоль. На «судный» цикл ушло минут семь.

Далее он меня бессовестно хвалил.

Прочел вслух шесть стихотворений «ленинградского» цикла, отмечая их достоинства. Одно из стихотворений оказалось непонятно кому-то в зале. «Как непонятно?!» – возмутился Рубцов и толковал его с первой до последней строчки.

Два ему глянулись особенно.

Любимые руки... Ветки досадно качнулись.
Старая женщина смотрит внимательно вниз.
Я отвернулся от вас. Вы от меня отвернулись.
Я вас любил, и поэтому мы разошлись.
Красный трамвай покатылся по рельсам обратно.
Даже кондуктор и тот не окликнул меня.
Я виноват?
Или песня моя виновата?
Руки любимые!..
Выйти... и – хоть телефонную будку обнять.

В течение дня Николай Михайлович многократно ни с того ни с сего повторял: «Выйти... и – хоть телефонную будку обнять». Видимо, по состоянию оно оказалось где-то близким ему.

Другое:

Весна, весна! Ты – как чужой ребенок.
Ищи свое жилье, а мне не по себе,
Запутался в сердечных веретенах,
Там что-то начал прясть нежнее и слабей.
Какая тяжкая, как женский плач, погода.
Весна, весна! Завинчен круг шоссе.
Пройдусь до озера, хоть нет
Особенной охоты.
Вернусь, чтоб книжный ум
Высасывать, как все.

Но отчего так этот вечер ранит?
Ведь ты же знал, что ты не нужен ей!..
Но знал и то: листы повясть – повянут,
Да их не обрывают по весне.

В нем Рубцов поправил два слова. Какие? Пусть остается тайной. Моим правом на секрет. С его правкой оно далее и печатается.

Закончил Николай Михайлович предложением. Он даст мне рекомендацию в Литературный институт.

В перерыве тотчас подошел Валерий Васильевич Дементьев: «С рекомендацией Рубцова только в тюрьму! Хотите поступать – поступайте без нее. Я вас поддерживаю».

В «Вологодском комсомольце» за 27 марта 1970 года Рубцов подводил итоги семинара.

Валю Федотова и меня вроде бы поместили знаком плюс.

«Интересно выступил на семинаре А. Брагин из Череповца», – это из статьи Рубцова. Потом: «Ему было указано на некоторую книжность и запутанность его творческой системы». Но... «была отмечена и свежесть его поэтического поиска».

В литературную подборку итогов попала моя «Весна» и «Снега России» Федотова.

Ныне о давнем и дорогом семинаре напоминает фотография Аркадия Кузнецова на стене кабинета Вологодской писательской организации. На фотографии мы с Валентином на половине Рубцова.

В тот памятный день Николай Михайлович выразил желание где-нибудь посидеть и поговорить. Я глупо и по-детски заявил, что мы, черепане, везде ходим вместе.

Он лукаво улыбнулся и пригласил нас троих.

Ресторан, по-моему, назывался «Чайка». И располагался прямо на воде, на дебаркадере. От него до дома Рубцова на улице Яшина рукой подать.

Заказали шампанское. Вернее, какое-то цимлянское. И очень умеренно. Мне, по счастью, не пришлось видывать Рубцова с «кренцем».

Сперва он досадовал на присутствие Вали и Вени, беседа, видимо, предназначалась мне одному. Потом с этим смирился.

Десять месяцев земного бытия еще отпущено ему. «Я умру в крещенские морозы». Вероятно, он предчувствовал смерть.

Почему он избрал в собеседники меня? Может быть, ведая о моих мытарствах? Или имелась другая причина?

Разговор наш никак не назовешь дежурным. Жаль, Шарыпов не оставил воспоминаний.

Действительно ли он нуждался в каком-то наследнике и последователе, как уверял меня через полтора года Виктор Коротаяев, и я попался ему под руку? На безрыбье, дополнил бы я в таком случае.

У Николая Михайловича был прямой, неумолимо пронзительный взгляд. Выдержать который нелегко.

Он решительно благословил меня на литературную стезю. Его решительность впоследствии поддерживала меня в часы упадничества и сомнений. Добавил: «Там ямы, ямы, ямы. Да ты, кажется, не из пугливых».

Затем пошли вопросы. И все касательно моего стихотворчества. Первый: с каких рыжиков начал писать? Я полез в дебри, заплутал, зарпортовался. И чистосердечно признался: «Не знаю».

После чего Рубцов говорил сам. Полагаю, в тот год он напряженно размышлял о сути творчества. Я записывал на подкорку не только доступное мне, но и темные места. Так он пробросил, дескать, стихосложение – это особое дыхание и более ничего. Мысль о стихосложении как особом дыхании – или им недостаточно продуманная, или мной недостаточно понятая – до сих пор не дает покоя. Ядро моих подступов к словам Рубцова – в родственности «души», «духа» и «дыхания». «Дыхания» как изречения душой самое себя. И пение – «дыхание». И бытовой разговор – «дыхание».

Короче, выдернуть сию занозу пока не по силам.

«Меня здесь, в Вологде, – продолжал Рубцов, – поначалу все учили писать стихи. Я никого не слушал. Доверял натуре. Потеряешь веру в себя – потеряешь все».

У Рубцова только что увидела свет книга «Сосен шум». Он поинтересовался: как она нам?

Взялся отвечать Шарыпов. А Веня не умел улыбаться. Улыбок-то у него вроде две: ехидная и простодушная. Да обе – ухмылочки.

Веня с улыбкой – в задумке как бы виноватой и простодушной, – сообщает Николаю Михайловичу, что, конечно, слабее «Звезды полей».

Рубцов расстроился. И оправдывался, что с книгой к читателю все равно идти надо, поэтому, хотя он и не считает ее своим достижением, но и провалом тоже.

Все почувствовали неловкость. И беседу наспех свернули.

Рубцов обещал мне писать.

Пйсем было два.

Первое даже не письмо, а так, к сведению. Я в своем послании посетовал, что, наобещают-де, а не напишут. Рубцов тут же ответил, нет, он ничего не забыл.

Во втором он «отстегал» меня будь здоров! Я с оказией отправлял ему продолжение «судного» цикла.

Отношение к политическим потугам в стихах он выразил предельно просто: «Греметь кулаком по железу – недостойно поэзии».

И завершил письмо: «У тебя иное предназначение».

Я Николаю Михайловичу поверил.

Примечание

¹ Печатается по: Брагин А. Через годы с поклоном // Речь. Общественно-политическая газета (г. Череповец). 2001. 19 января. № 11 (20452). С. 7.

А. А. Тихомиров

Воспоминания о Н. Рубцове (1967–1971 гг.)*

Об одном замечательном событии в жизни Николая Рубцова,

* Публикуется с сокращениями. – *Прим. ред.*

да, пожалуй, и всей Вологодской писательской организации, пойдет речь в этой короткой статье.

В августе 1967 года я был назначен кинооператором для съемок документального телефильма «Незабываемые дни». Автором фильма был поэт Леонид Беляев, режиссером – Николай Казанкин. Нашей задачей было показать и рассказать в фильме об увлекательной поездке группы писателей и поэтов на специально выделенном небольшом теплоходе по Волго-Балтийскому водному пути от Череповца до Вытегры. В это путешествие были приглашены поэты – Александр Яшин и Дмитрий Голубков из Москвы, ленинградец Николай Кутов; вологодские поэты – Александр Романов, Николай Рубцов, Виктор Коротаев, прозаик Василий Белов и менее тогда известные Сергей Чухин и Борис Чулков. Всех нас разместили в небольших уютных каютах на теплоходе. Как только теплоход отошел от Череповца, все собрались в кают-компанию (столовой) и стали близко знакомиться друг с другом. В этот вечер Николай подарил мне одну из своих первых книжек – «Звезда полей», с автографом. Утром обсудили сценарий и наметили план съемок. Мне было указано больше уделять внимания поэту Александру Яшину. И это не удивительно – он был тогда Величиной. Со всеми участниками необычного путешествия я быстро нашел общий язык, точнее сказать, подружился.

Первая творческая встреча поэтов с местными рыбаками состоялась в Вашкинском районе на берегу реки в Липином Бору. В тесном кругу у костра поэты читали свои лучшие стихи, попивая водку, захлебывая царской ухой, сваренной в котле по особой технологии. Я наблюдал за всем этим и снимал наиболее интересные моменты. Затем мне предложили отложить кинокамеру и «припарковаться» ближе к костру. Я с удовольствием принял предложение. Было очень шумно и весело, как в улье. В отличие от всех Рубцов мне в тот вечер запомнился скучным и немногословным. Так же читал какие-то свои стихи. Затем вечер продолжился в местном кафе. Потом таких встреч было еще много.

На следующий день рано утром меня разбудил режиссер. Теплоход подходил к Кириллову. Я взял кинокамеру и поднялся на верхнюю палубу. Было тихо. Почти все еще спали. Но в носовой

части теплохода я увидел одиноко стоящую фигуру Николая Рубцова. Он задумчиво смотрел на приближающийся Кирилло-Белозерский монастырь. На ветру через плечо трепыхался его шарф. Я включил кинокамеру и незаметно начал снимать. Он даже не обратил внимания. Этот эпизод был одним из лучших в фильме, использовался в других материалах.

В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, разбрызгивая воду, —
Скажите мне, кто был тогда не рал?
Смеясь, ходили мы по пароходу (II, 33).

— написал потом Н. Рубцов об этой поездке в стихотворении «Последний пароход».

Кроме встреч были еще так называемые зеленые стоянки. Выезжали на лодке рыбачить. Однажды в лесу увидели рябину. Облепили ее как дети. Смеялись, рвали ягоды и ели. У А. Яшина есть книжка, так и называется — «Угощаю рябиной». Кроме кинокамеры я захватил с собой фотоаппарат. Много запечатлел на фото. Эта пленка находится в Вологодском литобъединении. Некоторые фотографии отпечатаны. Вся группа заснята в аэропорту города Вытегры перед отлетом. Последний вечер состоялся в Вытегре, после чего все разъехались по домам. После с Н. Рубцовым я иногда встречался в Вологде. Несколько встреч было в Череповце. Как-то после вечера поэзии, проходившего в студии телевидения, Рубцов похвалил меня за съемки в фильме. Кстати, фильм получился интересным и имел большой успех. В знак признательности я сбегал в магазин, и мы это отметили у нас в киногруппе. С другими участниками вечера Николай почему-то не захотел в тот раз отмечать вместе. Однажды, при встрече в студии, он попросил меня сфотографировать его для какой-то выпускающейся книжки. Перед фотографированием он заметил на мне кепку, которая ему понравилась (тогда такие серые кепки были в большой моде). Вот в этой кепке я его и запечатлел. Фотографии получились хорошие, но остались невостребованы. По какой причине, я уже не помню, тем более что часто отлучался в командировки. Негатив также находится в литобъединении у А. Грязева, а кепку забрали в мест-

ный музей города Череповца. Одну такую фотографию храню дома (вклеил в книгу «Последний пароход», оформленную замечательным художником Владиславом Сергеевым).

Последний раз встречался с Рубцовым незадолго до его смерти. Как-то, находясь в командировке в Вологде, с Леонидом Беляевым зашли в гости на новую квартиру к Виктору Коротаеву. В квартире было много друзей, очень шумно. Выпивали и о чем-то спорили. Особенно азартно спорил Николай. Таким я его и запомнил в последний раз.

Москва. Январь 1971 года. Я прогуливался по улице Горького и случайно встретил Виктора Коротаева, срочно уезжавшего домой в Вологду. Я спросил, почему так срочно. «Рубцов убит», – ответил он...

22 января 2006 г.

М. И. Котов

Мои встречи с Рубцовым¹

Впервые встретился с Рубцовым в Вологде, в «резиденции» писателей*. Я туда заходил часто, когда приезжал в Вологду, будучи редактором харовской газеты «Призыв» (работал в этой должности с 1963-го по 1970 год). В каждый приезд старался навестить своего друга А. Романова, который был ответсекретарем вологодского отделения Союза писателей России (был знаком с ним еще до выхода в свет его первой книжки стихов). Там сидели все писатели, Астафьев сразу ушел, как только мы познакомились.

Романов воскликнул: «Ой, Миша, привет! Давай сходим вместе с нами на обед! Вот Коля Рубцов – будущий большой поэт». Пошли все в ресторан «Север».

Через год, когда я снова приехал в Вологду, зашел в «Вологодский комсомолец» (редактором тогда был В. Оботуров).

* Имеется в виду правление Вологодской писательской организации. – *Прим. ред.*

Там сидели Коля Рубцов (внештатный литконсультант «ВК»), Ваня Королев (впоследствии работал в «Красном Севере»), Саша Сушинов. «Ой, гость пришел, – воскликнул Рубцов, – надо это дело отметить. Пойдемте обедать в «Поплавок»». Это был любимый ресторан вологодской интеллигенции на реке Вологде. Взяли сухого вина, водки не брали. Официантки, как и везде тогда, не были особо расторопными. В ожидании Сушинов начал «травить» анекдоты. Рубцов не выдержал, стукнул кулаком по столу, крикнул: «Дай послушать, о чем умные люди молчат!» Все замолчали, а тут подошла официантка. Рубцов начал тихо напевать свои стихи.

Коля никогда не напивался, хотя его задерживали много раз, будто он пьяный. Но у него просто такой вид был невзрачный: идет, сутулый, бормочет что-то себе под нос. Мне мой друг В. Елесин сказал, что в это время, на ходу, он сочиняет свои стихи. Рубцов говорил всем, в том числе и мне: «Если я умру, со мной погибнут целые тома моей поэзии». Он имел в виду, что не все стихи успеет «выложить» из своей головы на бумагу. А сочинял он чаще всего так: идет и на ходу тихо, себе под нос, напевает, поэтому у него стихи такие напевные.

Однажды, когда я уже работал в «Красном Севере», встретил Рубцова. Был разгар лета, и он был побрит «налысо». Спрашиваю: «Коля, чего ты так постригся?» Но он только рукой махнул. Потом мне его друзья рассказали. Тогда было заведено: всем выпускникам литинститута надо было опубликоваться один-два раза в «Литературной газете». Ему позвонили из редакции и попросили написать что-нибудь о Череповце, какое-то эссе. Он приехал в этот город, на вокзале зашел в буфет, заказал себе 100 граммов (чего, не знаю), а может, ничего не заказал, просто воды выпил. Вид у него всегда был «не от мира сего», а тут наша зоркая милиция: ага, бродяга! Приволокли в «участок» и начали стричь – тогда такая система была. Парикмахер делает свое дело, а милиционер меж тем документы из кармана достает: удостоверение члена Союза писателей, командировочное удостоверение «Литературной газеты». Парикмахер заохала: «Извините, Николай Михайлович, Вас нельзя стричь». Он отвечал: «Да уж стригите, зато бесплатно».

Взял тут же обратный билет и уехал в Вологду. Задание «ЛГ» не выполнил, сказал им, что заболел.

Однажды Рубцов, Елесин и я, посидев на веранде ресторана «Поплавок», пошли гулять втроем. Про Колю говорят, что он, дескать, был пьяница. Это неправда. Он мог выпить 100–150 граммов водки – не больше, никогда не напивался пьяным, чтобы валяться где-нибудь. Идем, а впереди шла с подружкой девчонка: кривоногая, кривобокая, вся какая-то несуразная (нестатная). А Рубцов: «Какая женщина! Впервые вижу такую!» Мы с Васей: «Что ты, Коля! Посмотреть не на что!» А он свое: «Пойдемте за ними». Подружки идут, болтают, а мы через всю Вологду так и шли за ними до вокзала, пока они не затерялись в толпе. В своем воображении он нарисовал ее красавицей.

В день, когда были похороны Рубцова, я в «Красном Севере» был дежурным по номеру и проводить Колю в последний путь не мог. Пришел проститься с ним в Дом художника. Всеми ритуальными делами распоряжался Виктор Коротаяев. Его при жизни Рубцов не очень-то жаловал. Номер газеты подписал к печати около 21 часа и пошел в «Поплавок» помянуть поэта. Стучу, а меня не пускают: «Закрываемся». Попросил позвать администратора, она была моей хорошей знакомой. Она спрашивает: «В чем дело, Михаил Иванович?» «Да вот, – говорю, – надо помянуть Рубцова. Можно заказать 150 г водки и закусить?» «На кухне ничего уже нет, кроме салатов». И тут ко мне за столик подсаживается весь коллектив ресторана во главе с администратором, солидной женщиной, и человек пять молодых официанток. Мы все вместе его помянули, кто-то даже спел песню на его стихи. «Все его знаем, помним. Хороший поэт».

Примечание

¹ Воспоминания М. И. Котова были опубликованы впервые в газете «Сельская новь». 2006. 21 октября. № 99 (6466). С. 7.

Крестное имя – Ксения

Светлой памяти
Генриетты Михайловны
Шамаховой

Метет, метет метелица. Торопится по-своему навести всюду
чистоту белоснежную к особому воскресенью – Прощеному.

Воскресенье Прощеное –
День прощения и встреч.
Добрый словом все решенное –
Стихла ругань, убран меч.

Мы, как дети, рады малости,
Что добром дела вершит
И хранит нас от усталости
И забвения души.

Нынче Прощеное воскресенье – раннее, февральское.

Семь лет назад – в 2000 году – оно было в марте.

Мне довелось тогда погостить в семье Александра Федоровича
Козловского и Елены Николаевны Рубцовой.

...После того как мы с Еленой Николаевной и ее сыном Нико-
лаем Рубцовым побывали в соборе ставропигиального Свято-
Иоанновского женского монастыря на Карповке у Иоанна Крон-
штадтского, решили съездить поклониться и ко Ксениюшке Бла-
женной.

Поехали на Смоленское кладбище вдвоем – Коле необходимо
было успеть на занятия в воскресную православную школу.

После молебна у надгробия святой обошли вокруг часовенку
Ксении Петербургской. Мысленно попрощались с ней:

...Под благословение.
Матушка Ксения,
Я к твоей часовне
Снова поспешу...

Направились мы в сторону Смоленской церкви. Идем не спеша и говорим о наболевшем.

Рассказала я о тетушке Лены – Галине Михайловне Шведовой (в девичестве Рубцовой). Живет она в Череповце, своих детей не имеет. Галина Михайловна утверждает, что осталась она некрещеной, несмотря на то, что мать ее – Александра Михайловна – была верующей и пела на клиросе вологодского храма Рождества Богородицы.

Лена грустно откликнулась на услышанную новость и сказала, что ее мать тоже еще не приняла крещения.

С той Ксениюшкиной тропинки утвердил нас Господь в мысли, что главная наша забота, пока мы живы и живы близкие нам люди, – привести, подготовить их душевно ко принятию святого крещения.

Мы сознавали, что одного нашего желания так мало для его исполнения.

И во всем положились на волю Божию.

По прошествии стольких лет смею думать, что и Ксения Петербургская водительствоваала своим ходатайством за наших родных, укрепляла нас в наших заботах.

С Генриеттой Михайловной, мамой Елены Николаевны, мы беседовали обе: по телефону ли, при личной встрече ли, в письме...

Надо сказать, что Галина Михайловна – сестра Рубцова – решилась принять крещение весной того же, 2000-го, года, при одном условии: «Если согласишься быть моей крестной матерью», – заявила она мне.

21 мая 2000 года, накануне весеннего Николы, Галина Михайловна была окрещена в череповецком храме Рождества Христова иереем Владимиром Беляевым. В этом же храме обратилась я ранее к настоятелю храма протоиерею Георгию Трубицыну за помощью: попросила отца Георгия походатайствовать перед священниками Тотьмы о крещении вдовы Рубцова.

Настоятель Рождественского храма с пониманием отнесся к проблеме и порекомендовал обратиться от его имени к протоиерею – тоже Георгию – в Тотьме.

Адрес и телефон тотемского протоиерея Георгия удалось узнать через Семенихину Екатерину Ивановну, бывшую пионервожатую Николая Рубцова.

На юбилейные, 2001 года, Рубцовские чтения, я отправилась с надеждой на личную встречу и беседу с Генриеттой Михайловной в ее родной Николе.

Мы познакомились с ней 21 июня 1994 года. Тогда я захватила с собой в Николу двухтомник Виктора Коротаева о Рубцове¹. Как он пригодился в подарок Генриетте Михайловне – слышать о нем она слышала, но в глаза не видала.

Запомнился рассказ вдовы поэта о ее последней встрече с Рубцовым в Вологде. Генриетта Михайловна говорила об этом, а сама поглядывала на цветущий огромный куст сирени за оградой у ее дома, выращенный в память о Рубцове.

В Рубцовском музее показала Генриетта Михайловна фотографии дочери, внуков; неспешно, с достоинством отвечала она на вопросы гостей Николы – Надежды Леонидовны Деревягиной, Валентины Ивановны Сумароковой.

«А Коля-то, внучек мой, левой ногой на пятку ступает – в точности, как Рубцов», – любуясь снова снимками внука, сказала она.

Второй раз мы встретились с Генриеттой Михайловной на открытии Рубцовского музея уже после его реставрации. Тогда я облюбовала для Генриетты Михайловны в дар глиняную кринку известного мастера из нашей Ерги.

В 2001 году бережно везла я в дар Генриетте Михайловне иконы – в деревянном окладе под стеклом «Николая Чудотворца» и «Иерусалимскую икону Божией Матери» (в праздник этой иконы 25 октября нового стиля значится в паспорте день рождения Генриетты Михайловны).

Генриетта Михайловна пригласила меня на ночлег. Не забыть ее простодушия, приветливости: вечером напекла она вкусных блинов целую горку, уложила на высокую кровать у печки... На дорогу дала испеченный ею пшеничный хлеб и масло сливочное – никольское. Потом в Череповце мы разделили этот хлебушек на всех участников поминальной встречи 19 января 2001 года.

Мы говорили и о крещении, как советовал батюшка, не настойчиво, не навязчиво.

Но Генриетта Михайловна сначала пыталась решить бытовые проблемы, которые так трудно в отдалении от Тотьмы подвигались после нелегких поездок туда и обратно, порой безрезультатных. Через некоторое время после Рубцовского праздника Генриетта Михайловна тяжело заболела. Не однажды и подолгу лежала она в тотемской больнице. Елена Николаевна часто навещала маму, ухаживала за нею. И всякий раз испрашивала у матери разрешения пригласить к ней в больницу батюшку.

На все доводы она еще не решалась дать дочери своего согласия.

Последняя беседа Леночки с мамой о крещении состоялась в тотемской больнице. И, видимо, разговор этот запал Генриетте Михайловне в душу. После этого я услышала от нее по телефону: «Приезжайте с батюшкой. Согласна...»

Этот разговор состоялся в январе 2002 года.

Наконец-то мы услышали ее долгожданное «да». Я переспросила все же для верности. И снова услышала утвердительное «да». Тут же сообщила радостную весть Леночке.

Елена Николаевна, не медля, выслала мне денег на дорогу и крещение мамы.

И 4 февраля 2002 года, в день рождения внука Рубцова, по благословению настоятеля храма Богоотец Иоакима и Анны Петра Константиновича Бородулина отправилась я в Тотьму.

Предварительно сообщила о своем приезде и цели его тотемскому протоиерею Георгию. Приехав, без труда нашла дом батюшки. Он встретил приветливо. Пообещал помочь. Попросил подождать приезда иерея Дмитрия.

Ждать долго не пришлось. Отец Дмитрий только что получил номера к машине и подъехал, чтобы доложить об этом настоятелю.

Протоиерей Георгий рассказал о сути моего приезда из Череповца и необходимости выехать завтра, 5 февраля, в село Никольское для крещения болящей.

Ранним утром отец Дмитрий должен был заехать за мной к бывшему Спасо-Суморину монастырю.

Оттуда, из монастыря, звонила я Генриетте Михайловне домой. Телефон для Генриетты Михайловны был поставлен на столике рядом, вровень с ее подушкой. Дочь часто звонила из Санкт-Петербурга. Так легче было общаться больной.

Связь с Николой оказалась хорошей. Я отчетливо услышала, по голосу Генриетты Михайловны догадалась, как обрадовалась она моему приезду, а более тому, что все, даст Бог, устроится благополучно.

И стала я рассказывать Генриетте Михайловне о Ксении Блаженной, о часовне, где находятся мощи святой, у которой мы бывали с Леночкой два года назад.

Сказала, что завтра, 5 февраля, будет предпразднество Ксении Блаженной и что имя во святом крещении подходит выбрать – Ксения.

Как ни волновалась, набирая до боли памятный номер Г.М. Шамаховой (61–5–08), по Божиему произволению речь моя оказалась вразумительной.

К телефону подошла и двоюродная сестра Генриетты Михайловны – тоже Гета. Она приехала с сыном Александром навестить больную и отложила свой отъезд в Чуровское Шекснинского района Вологодской области, узнав о приезде в Николу батюшки. Мать с сыном решили тоже не откладывать более возможность крещения.

Я осторожно объяснила, что имя Генриетты в святцах не существует. И женщины, осознав это, постепенно начали привыкать к своему будущему христианскому имени.

Как-то всем легко стало на душе, когда обе Геты уже не сомневались и пожелали сами выбрать имя Ксении.

Слава Богу за все!

Батюшка Димитрий Фомин приехал ранее условленного времени, достал карту Вологодской Епархии. Нашли Николу. Но точных координат к ней было немного.

Надо признаться, что никто из нас не знал предстоящей дороги. Особенно сомневались, где свернуть к Николе. Чуть было не уехали в неверном направлении. Мела метель. И вдруг, как спасение, мелькнул указатель с табличкой.

«Черепаниха!» – закричала я.

«Слава Богу», – облегченно вздохнули все. До этого ехали в полном молчании, так как время поездки было ограничено. Если бы мы проплутали, батюшке пришлось бы вернуться в Тотьму, чтобы успеть на всенощную службу.

С нами ехала матушка Ксения. Батюшка взял ее в нелегкий путь для оказания помощи при крещении.

Только представьте: всюду Ксения – и будущий праздник во имя Ксении Блаженной, и три тотемские Ксении оказались вместе в никольском доме.

Это ли не чудо самой Ксении Блаженной, услышавшей молитву дочери о матери?

После крещения батюшка исповедовал болящую и причастил рабу Божию Ксению Христовых Таин.

После продолжительной болезни Генриетта Михайловна казалась былинкой в сравнении с той статной дородной русской женщиной, какой была всего год назад. Но и звука ропота на свои болезни и печали никто не услышал за всю жизнь из ее уст.

Черты лица ее, по-юному утонченные, поражали своей одухотворенностью, благородством.

Когда мы прощались, раба Божия Ксения без слов привлекла меня к себе: обвила мою шею легкими руками, но с такой страстью поцеловала меня в губы, что до сих пор я помню выразительную силу этого поцелуя.

«Душа ее стала совершенно умиротворенной», – отзывалась в тот день Елена Николаевна о состоянии дорогой мамочки.

Светлый покой душе твоей, приснопамятная раба Божия Ксения.

17 февраля 2007 года – в день пятой годовщины со дня кончины рабы Божией Ксении.

Примечание

¹ Духотомник «Русский огонек», изданный в Вологде в 1994 году, включил в себя стихотворения Н. М. Рубцова (I том) и воспоминания о поэте (II том).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анохин Валерий Борисович, канд. филос. наук, доцент кафедры философии ФОГ и СЭД ЧГУ

Белков Вячеслав Сергеевич, научный сотрудник музея Н. Рубцова в Вологде, член Союза писателей России.

Батурина Наталья Трофимовна, заведующая литературным музеем Игоря Северянина «Усадьба Владимировка» Череповецкого музейного объединения.

Беляев Леонид Александрович (1939–1997), известный череповецкий поэт и журналист.

Беляева Лидия Сергеевна, учитель истории высшей квалификационной категории средней школы № 9 г. Череповца, руководитель клуба «Госпожа Провинция» городского Дома знаний.

Березина Галина Михайловна, знакомая Н. М. Рубцова; участница литературного творческого объединения молодых литераторов г. Череповца при газете «Коммунист» в 1960-е гг.; член клуба «Госпожа Провинция».

Брагин Александр Евгеньевич, череповецкий прозаик и поэт.

Буняк (Романова) Евгения Павловна, воспитанница Никольского детского дома, член клуба «Госпожа Провинция».

Бушенев Николай Тимофеевич, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи ФОГ и СЭД ЧГУ.

Ганичев Михаил Михайлович, череповецкий поэт и прозаик.

Грязев Александр Алексеевич, вологодский писатель; член Союза писателей России; в 1960-е гг. жил и работал в Череповце.

Демина Оксана, выпускница средней школы № 13 г. Череповца.

Деревягина Надежда Леонидовна, учитель словесности (в настоящее время на пенсии), краевед, член клуба «Госпожа Провинция».

Котов Михаил Иванович, старейший череповецкий журналист, член Союза журналистов России.

Минина Римма Сергеевна, известный череповецкий журналист, краевед. Член Союза журналистов России.

Новиков Алексей Евгеньевич, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории культуры ФОГ и СЭД ЧГУ.

Попова Вера Владимировна, поэт, краевед, член клуба «Госпожа Провинция».

Посохова Татьяна Ивановна, главный специалист Череповецкого музейного объединения.

Птицын Игорь Александрович, канд. филол. наук, доцент кафедры литературы ГИ ЧГУ.

Савченко Тамара Тимофеевна, учитель словесности (в настоящее время на пенсии), член клуба «Госпожа Провинция».

Семенова Татьяна Вячеславовна, зам. директора по учебной работе МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 1» г. Череповца.

Серков Иван Алексеевич, воспитанник Никольского детдома, друг Н. М. Рубцова, член клуба «Госпожа Провинция».

Силинская (Шевелева) Антонина Александровна, воспитанница Никольского детского дома, член клуба «Госпожа Провинция».

Тихомиров Александр Александрович, оператор Вологодского областного телевидения.

Филиппова Вера Ивановна, доцент кафедры изобразительного искусства и методики преподавания ГИ ЧГУ, член Союза художников России.

Чернов Александр Валентинович, доктор филол. наук, проф., директор ГИ ЧГУ.

Чернова Светлана Константиновна, специалист Управления по делам культуры при мэрии г. Череповца.

Чумеева (Серкова) Антонина Алексеевна, старшая сестра друга Н. М. Рубцова И. А. Серкова, член клуба «Госпожа Провинция»

Шведова Галина Михайловна, сестра Н. М. Рубцова, проживает в Череповце.

Шестаков Николай Иванович, доктор техн. наук, проф., проректор по научной работе Череповецкого государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Содержание

Проблемы поэтического наследия Н. М. Рубцова	4
<u>Белков В. С.</u> Как работал Рубцов	4
<i>Чернов А. В.</i> Мотив прерванного движения в поэзии Н. Рубцова	8
<i>Новиков А. Е.</i> Соборное начало в поэзии Н. Рубцова	15
<i>Чернова С. К.</i> Христианские образы в поэзии Н. М. Рубцова	22
<i>Птицын И. А.</i> Рубцов и Пастернак	24
<i>Анохин В. Б.</i> Метафизика любви Николая Рубцова	26
<i>Филиппова В. И.</i> Поэзия Николая Рубцова в графических работах Владислава Сергеева	33
<i>Посохова Т. И.</i> Феномен музеев Николая Рубцова	38
<i>Бушнев Н. Т.</i> Лексические и грамматические повторы в поэтических текстах Николая Рубцова	40
<i>Семенова Т. В.</i> Эстетическая ценность функционирования атрибутивных именных сочетаний в поэтических текстах Н. Рубцова	50
Воспоминания о Н. Рубцове и «тихой родине» поэта	59
<i>Новиков А. Е.</i> Рубцов и Череповец	59
<i>Шведова (Рубцова) Г. М.</i> Трудное детство (Воспоминания о брате Николае и нашей семье)	67
<i>Буняк (Романова) Е. П.</i> В Красковском и Никольском детских домах вместе с Колей Рубцовым.	75
<i>Батурина Н. Т.</i> Красковский детский дом в годы войны	80
<i>Силинская (Шевелева) А. А.</i> «Нас берегли и обогревали» (Воспоминания о детдомовской жизни и Николае Рубцове)	87
<i>Серков И. А.</i> «Защитник и друг» (Воспоминания о Н. Рубцове).	89
<i>Чумеева (Серкова) А. А.</i> «Тихая родина» Н. Рубцова	96
«Люблю я деревню Николу» (Беседа А. Е. Новикова с Н. И. Шестаковым, земляком поэта)	99
<i>Минина Р. С.</i> Поэзия Николая Рубцова на страницах череповецкой городской газеты «Коммунист» (1965–1971 гг.).	106
<i>Березина Г. М.</i> Одна встреча с поэтом	122
<i>Беляев Л. А.</i> Свой штришок в образ Н. Рубцова (Из воспоминаний о поэте).	130
<i>Беляева Л. С.</i> Глаза пророка (Воспоминания о Николае Рубцове)	132
<i>Ганичев М. М.</i> Воспоминания о Николае Рубцове	132
<i>Грязев А. А.</i> «...Не больше чем знаком...»	142
<i>Брагин А. Е.</i> Через годы с поклоном (отрывок).	145
<i>Тихомиров А. А.</i> Воспоминания о Н. Рубцове (1967–1971 гг.)	151
<i>Котов М. И.</i> Мои встречи с Рубцовым.	154
<i>Попова В. В.</i> Крестное имя – Ксения	157
Сведения об авторах	163

РУБЦОВСКИЙ СБОРНИК

Материалы научной конференции

Выпуск 1

Редактор-составитель А.Е. Новиков

Редактор Г.В. Иванова
Компьютерная верстка Н.А. Бачуриной
Лицензия А № 165724 от 11.04.06.

Подписано в печать 20.06.08. Тираж 25 экз.
Уч.-изд. л. 8,8. Усл. печ. л. 10. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Гарнитура Таймс. Заказ

162600, г. Череповец, пр. Луначарского, 5.
ГОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»